Т. Ю. БУРМИСТРОВА, В. С. ГУСАКОВА

Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России

1905—1917 гг.

482792 СО

БИБЛИОТЕКА
I ЗГПИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МЫСЛЬ» • МОСКВА • 1976

9 (С) 17
Б 91

РЕДАКЦИИ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Б 10604—267
004(01)-76 66-77

© Издательство «Мысль». 1976

ПРЕДИСЛОВИЕ

В истории революционного движения одним из важнейших и сложнейших всегда был вопрос о соотношении классовых сил. Огромное влияние на обеспечение победы революции оказывает национальный вопрос, точнее — учет потребности его решения борющимися силами, поскольку он в значительной мере предопределяет стратегию и тактику политических партий. Таким же этот вопрос остается и сейчас в каждой многонациональной капиталистической стране. Дело в том, что понимание национального вопроса, выбор наиболее целесообразных форм и методов его решения, отражение всего этого в стратегии и тактике политических партий представляет собой большую сложность в развитии революционного процесса во всем мире.

Все это объясняет тот громадный интерес, который ленинская Коммунистическая партия большевиков проявляла с первых дней своей деятельности к национальному вопросу в России, тщательно разрабатывая марксистскую теорию нации, основные требования национальной программы и практической национальной политики. Это диктовалось также тем, что классовая природа многих политических партий России обусловила их отрицательное отношение к решению национального вопроса (или в крайнем случае допущение ограниченного, половинчатого его решения), что в распоряжении этих партий не было и не могло быть верного теоретического оружия для анализа общественных отношений, для вычленения из их системы проблемы взаимоотношений между народами страны.

Только партия рабочего класса во главе с В. И. Лениным была действительно заинтересована в полном решении национального вопроса, и только она обладала теоретической базой для его научного анализа.

Изучению проблем соотношения классовых сил в революции, места и роли наций и национальных отношений в общественной жизни большое внимание уделял

В. И. Ленин[1]. При этом ряд специальных работ В. И. Ленин посвятил характеристике политических партий России и их национальных программ[2], подчеркивая, что без учета межнациональных противоречий и национальных нужд трудящихся масс невозможна разработка верной стратегии и тактики рабочего класса и его партии в революции.

Национальная политика самодержавия России и национальные программы политических партий в период с 1905 по 1917 г, нашли освещение в ряде трудов советских историков[3]. Однако в этих работах в первую очередь исследовалась национальная программа и политика партии большевиков, при этом внимание сосредоточивалось преимущественно на общих принципах программы и политики большевистской партии по национальному вопросу — принципах пролетарского интернационализма. Национальные программы и тактика непролетарских политических партий России, как правило, освещались фрагментарно, в связи с другими проблемами. В тех же коллективных монографиях и сборниках статей, которые посвящены характеристике непролетарских партий России[4], национальный вопрос отдельно не рассматривался.

Стенографические отчеты I—IV Государственных дум и периодическая печать политических партий содержат интересный и поучительный материал по данному вопросу. Существенное значение имеет исследование постановки национального вопроса в таком единственном представительном учреждении царской России, как Государственная дума, где в ожесточенной борьбе сталкивались классы и партии страны. Материалы всех четырех Дум ярко запечатлели как национальное бесправие народов России, так и беззаветную борьбу революционно-демократических сил страны под руководством большевистской партии против великодержавно-шовинистической, колонизаторской политики самодержавия.

До сих пор национальная политика большевиков и тех или других политических партий рассматривалась обычно в хронологическо-историческом плане, что вынуждало авторов ограничиваться общей характеристикой национальной политики применительно к конкретным условиям данного исторического периода (например, период первой русской революции, годы реакции, период нового революционного подъема, период первой мировой войны

и т. п.). Настоятельно назрела необходимость осуществить фронтальный анализ различных аспектов национальной программы и тактики политических партий России в целом в дооктябрьский период, т. е. осуществить проблемное освещение данной темы.

Несомненна значимость национального вопроса в общественно-политической жизни России начала XX в., его крайняя острота, возможность его разрешения только на пути революции. Политические партии, вызванные к жизни революционными событиями в России, не могли пройти мимо политических и социально-экономических проблем национальных отношений в России. Особенно характерно проявляется социально-классовая сущность различных партий при рассмотрении национального представительства в Государственных думах. Тактика политических партий (большевиков, меньшевиков, эсеров, трудовиков, кадетов, октябристов, правых) ярко показывает истинных и мнимых борцов за национальные и гражданские права народов России. Ведущая роль в борьбе за политическое равенство народов России и сплочение революционно-демократических сил вокруг ленинской национальной программы принадлежит рабочей демократии. Немаловажная роль отводится пропаганде идей пролетарского интернационализма в большевистской печати, анализу разнообразных форм, средств и методов революционной борьбы против национального гнета (митинги, демонстрации, забастовки протеста против шовинистической политики царизма).

Необходимо отметить тесную взаимосвязь между национальным и крестьянским вопросами в стране. Сравнительный анализ аграрных проектов политических партий, изучение ленинских материалов и документов Коммунистической партии приводят к неизбежному выводу, что меньшевистская программа муниципализации ни в коей мере не отвечала коренным интересам трудового крестьянства национальных районов России, дробила революционные силы крестьянского движения по национальному признаку, т. е. практически наносила величайший вред революции. Единственно верной являлась ленинская программа национализации земли, которую весьма положительно оценивало и поддерживало трудовое крестьянство центральных и национальных районов страны. Программы и тактика политических партий рас-

крывают национальные особенности рабочего вопроса в России, их анализ со всей очевидностью свидетельствует, что интересы рабочего класса России представляла лишь партия большевиков, лишь она боролась за интернациональное сплочение трудящихся страны в борьбе против самодержавия и капитализма.

Программы и тактика политических партий России характеризуют и проблемы развития национальной культуры. Раскрывая реакционность русификаторской политики царизма в области культуры, авторы исследуют тактику революционных партий в борьбе за демократические основы развития национальной культуры. Большое внимание при этом уделяется ленинской критике программы культурно-национальной автономии и обоснованию В. И. Лениным лозунга интернациональной культуры демократии и социализма.

Всемирно-историческая роль ленинской национальной политики — важнейший аспект исследования подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. В. И. Ленин обогатил марксистскую теорию нации новыми положениями, развил далее национальную программу и политику Коммунистической партии по национальному вопросу, в частности по вопросам: о путях и формах соединения национально-освободительного движения с социалистической революцией; о социалистической нации как типе наций; о сближении и будущем слиянии наций; о неизбежности и закономерности союза национально-освободительного движения в России с процессом подготовки и проведения в стране социалистической революции.

Основанная на принципах пролетарского интернационализма, ленинская научная национальная политика КПСС в многонациональной России имела величайшее значение, так как максимально содействовала объединению разрозненных (в условиях господства в стране самодержавия и капитализма) национальных отрядов рабочего класса и трудящихся масс в единый революционный поток, направленный против всех форм эксплуатации.

Тщательное исследование источников и документальных материалов убеждает в глубокой научности, реализме, интернациональной сущности и гуманизме национальной программы большевистской партии, рассматривавшей национальный вопрос как часть вопроса о победе

буржуазно-демократической, а затем и социалистической революции в России. Исторический опыт неопровержимо свидетельствует о неспособности любого представительного учреждения в условиях сохранения самодержавия и господства буржуазии решить коренные социальные (и в том числе национальный) вопросы, жизнь опровергла конституционные иллюзии мелкобуржуазных партий, до конца раскрыла неизбежность поражения всех непролетарских партий в национальном вопросе, убедительно подтвердила закономерность торжества ленинской национальной политики в СССР.

* * *

Работа авторов над книгой распределена следующим образом: *Т. Ю. Бурмистрова* написала предисловие и заключение, главы 1 и 3, вторые разделы глав 2 и 4, первый и третий разделы главы 5; написаны совместно *Т. Ю. Бурмистровой* и *В. С. Гусаковой* первые разделы 2 и 4 глав; *В. С. Гусакова* написала третий раздел главы 2 и второй раздел главы 5.

ГЛАВА 1

ПОСТАНОВКА НАЦИОНАЛЬНОГО ВОПРОСА В ПРОГРАММАХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИИ РОССИИ

Социально-классовая сущность и особенности национального вопроса в России

Царская Россия по своему общественному строю и характеру национальных отношений представляла собой типичное восточноевропейское государство. В начале века многонациональная Россия включала в свой состав около ста наций и народностей, которые были весьма различны по уровню развития социально-экономических отношений, а также по состоянию культуры.

В работе «Статистика и социология»[1] В. И. Ленин отмечает, что в Западной Европе образование наций означало одновременно превращение их в самостоятельные национальные государства, «чистые» в смысле национального состава, с отсутствием в них национального гнета (за исключением угнетения Англией Ирландии). На востоке Европы, наоборот, сложились многонациональные государства в результате неодновременной консолидации народов в нации при переходе общества от феодализма к капитализму. В этих условиях наиболее развитая национальность выполняла роль объединителя различных народов в одном государстве и становилась господствующей, подчиняя себе другие народы.

Эпоха национальных движений и создание национальных государств в Западной континентальной Европе охватывает почти столетие — с 1789 по 1871 г. По своей социальной сущности эти национальные движения были буржуазно-демократическими революциями, в результате которых Западная Европа «превратилась в сложившуюся систему буржуазных государств, по общему правилу при этом национально-единых государств»[2].

В Восточной Европе и в Азии эпоха буржуазно-демократических революций началась только в 1905 г., причем социально-экономические и политические задачи этих революций тесно переплелись с национально-освободительным движением, с проблемой ликвидации национального гнета. Именно в связи с этим В. И. Ленин в 1914 г. в работе «О праве наций на самоопределение» отмечал, что в большинстве западных стран национальный вопрос давным-давно решен[3], в то время как в России и в других странах Восточной Европы и в Азии национальный вопрос был только поставлен историей и разрешался в бурных социальных конфликтах.

Особенности национального вопроса в России заключались в следующем: господствующая нация — великорусы, занимая гигантскую сплошную территорию, достигала в 1914 г. по численности приблизительно 70 млн. человек. Угнетенные и бесправные народы составляли 57% населения (в том числе: украинцы — 17, поляки — 6, белорусы — 4,5%) и проживали главным образом на окраинах России. Россия была страной с наиболее отсталым и реакционным государственным строем по сравнению с другими европейскими странами. Национальный гнет в России был сильнее, чем в соседних государствах, и выражался в полном бесправии национальных меньшинств, преследовании национальной культуры, в насильственной русификации, уродовании экономики, которая приспособлялась к потребностям русской буржуазии и царизма. Уделом многих народов были разорение и вымирание. Наиболее бесчеловечной варварской формой подавления наций были еврейские погромы и армяно-азербайджанская резня. Ряд народностей России имел за границей сородичей, пользовавшихся в соседних странах относительно большей национальной независимостью, что усиливало национально-освободительные тенденции угнетенных народов России. Развитие капитализма и общий уровень культуры нередко был выше в национальных районах России, чем в ее центре. В соседних с Россией азиатских государствах (Иране, Турции, Китае) уже началась полоса буржуазных революций и национальных движений, оказывавших определенное влияние на трудящиеся массы России[4]. «Из всей Восточной Европы теперь остается *только одна Россия* наиболее отсталым государством», — писал В, И. Ленин

в конце 1912 г. Травля инородцев «ведется в Думе, в школах, в церквах, в казармах, в сотнях и тысячах газет»[5].

На окраины не распространялись многие законы, действовавшие в коренных русских губерниях. Крупнейшие национальные районы — Царство Польское, Кавказ были лишены самоуправления, в местных школах нельзя было вести преподавание на родном языке, здесь не было суда присяжных и т. д. Как правило, окраинные губернии управлялись на основе устаревших законов и чрезвычайного законодательства. Подобные меры, направленные на осуществление насильственной русификаторской политики царизма и буржуазии, содействовали еще большему закрепощению и эксплуатации национальных меньшинств. Поэтому вполне естественно, что национальный вопрос являлся в России одним из важнейших вопросов как буржуазно-демократической, так и социалистической революций.

Национальный гнет проявлялся также и в области религии. В России господствовала православная религия, привилегии и преимущества которой охранялись целой сетью законов. В то же время всячески ущемлялись в правах мусульманская, католическая, иудейская религии, различные виды сект. Лица неправославные не могли, как правило, быть приняты в специальные и высшие учебные заведения, не имели права работать учителями, не допускались к государственной службе, к выборным местным должностям и т. д.; закрывались неправославные церкви, лишались сана служители культа, уничтожались религиозные реликвии и памятники. Все это вызывало глубокое чувство негодования среди нерусского населения и способствовало усилению влияния на него «своей» национальной буржуазии.

Россия была страной многоукладной. Наряду с господствующей феодальной системой хозяйства сравнительно широко развивался и капиталистический способ производства. Наибольший удельный вес в системе производственных отношений в России имело мелкотоварное крестьянское хозяйство. В значительной части национальных окраинных районов сохранялись родо-племенные, патриархальные отношения, кочевой и полукочевой образ жизни.

В начале века в общественно-экономическом развитии России наблюдалось своеобразное переплетение двух

эпох: с одной стороны, — нерешенность задач первой буржуазно-демократической революции, незавершенность процесса образования многих наций, что объективно выдвигало задачу национально-освободительного движения и его союза с борьбой революционно-демократических сил во главе с пролетариатом против царизма; с другой стороны, — вступление России в эпоху империализма, развитие единого всероссийского рынка, концентрация производства и капитала, тесное сближение наций в промышленности, создание межнациональных монополистических союзов, что по существу отодвигало национальные задачи на второй план перед потребностями развития уже сложившейся единой экономики.

Социально-классовая сущность национального вопроса в России заключалась в том, чтр русский царизм, русские помещики и капиталисты подавляли и нещадно эксплуатировали национальные меньшинства страны — украинцев и белорусов, народы Прибалтики, Кавказа и Закавказья, Поволжья и Средней Азии, Сибири и Севера. Порабощенные народы всеми силами стремились к ликвидации национального гнета.

Накануне первой буржуазно-демократической революции в России образовываются политические партии, соответствующие основной классовой структуре общества. В 1898 г. была создана Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП), из которой в 1903 г. на ее II съезде выделилась партия большевиков во главе с В. И. Лениным, последовательно революционная партия рабочей демократии. Главная партия мелкой буржуазии — социалисты-революционеры (эсеры) образовали свою партию в конце 1901 — начале 1902 г. В июне 1902 г. зародилась и партия либерально-монархической буржуазии, наименовавшая себя в 1905 г. партией конституционных демократов (кадеты). В ходе революции 1905—1907 гг., и особенно после победы Всероссийской октябрьской стачки и опубликования царским правительством манифеста 17 октября 1905 г., в России возникла масса новых партий, многие из которых претендовали на руководящее место в политической жизни страны. Обилие партий затрудняло массам выбор правильного пути в борьбе за свои насущные интересы.

В сложном переплете классовой борьбы, при наличии множества политических партий различных оттенков и

направлений В. Й. Ленин считал одной из насущнейших задач революционной социал-демократии «дать краткую определенную директиву для пролетариата всех национальностей России...»[6] по вопросу об отношении к той или другой партии. Анализируя вопрос о многопартийности в царской России, он дает классификацию политических партий России, определив четыре их типа соответственно четырем главным классам страны (помещики; буржуазия; мелкая буржуазия, в том числе среднее крестьянство; рабочий класс): 1) правительственные партии, куда относились правые (во главе с «Союзом русского народа»), националисты, независимые националисты, октябристы («Союз 17 октября»), в том числе правые октябристы; 2) либерально-монархические партии (кадеты, прогрессисты, «мирнообновленцы», «свободомыслящие», польское коло, различного рода национально-буржуазные партии); 3) буржуазно-демократические партии (социалисты-революционеры (эсеры), народные социалисты (энесы) и отделившиеся от них трудовики); 4) партия рабочей демократии (социал-демократы)[7].

Российская социал-демократия являлась партией рабочего класса, но она не была единой. Фактически только одна партия — ленинская партия большевиков последовательно и неуклонно защищала коренные интересы рабочего класса, трудящихся масс, а также права угнетенных народов.

Либеральная буржуазия, а вслед за нею меньшевики пытались доказать, что на политической арене боролись два лагеря: правительственный вместе с черносотенцами и либеральный, включающий всю демократию, в том числе и рабочий класс. Гегемоном в демократической революции (в том числе и в национально-освободительном движении) они признавали либеральную буржуазию. Опровергая это положение, В. И. Ленин писал в марте 1912 г.: «*Борются* и будут бороться *три* главных лагеря: правительственный, либеральный и рабочая демократия, как центр притяжения всей вообще демократии. Деление на два лагеря есть уловка либеральной политики, сбивающей иногда с толку, к сожалению, кое-кого из сторонников рабочего класса. Только поняв неизбежность деления на три основных лагеря, может рабочий класс вести на деле *свою*, а не либеральную рабочую политику, *используя* конфликты лагеря первого с лагерем вторым,

о не давая себя ни на минуту обмануть якобы демократической фразеологией либералов. И не только себя не давать в обман, но и не давать обманывать крестьян, как главную опору буржуазной *демократии*, — таковы задачи рабочих»[8].

В резолюции к IV (Объединительному) съезду РСДРП большевики выделили три основных типа буржуазных партий: октябристы, либералы и «крестьянские демократы», впоследствии называвшиеся трудовиками[9]. На V съезде РСДРП в «Докладе об отношении к буржуазным партиям» В. И. Ленин сохраняет ту же классификацию. Трудовики (Ленин причисляет к ним и эсеров), «несомненно, колеблются между либералами и революционным пролетариатом», это неизбежное следствие самой сущности экономического положения мелкого производителя, мелкой буржуазии[10]. В. И. Ленин указывал, что, «кроме *классовых* различий, и другие различия, напр., религиозные, национальные и пр. — влияют на образование партий»[11].

Национальный вопрос занимал большое место в общественной жизни России. И ни одна политическая партия, составляя свою программу, не могла обойти его. Более того, многие партии создавались как «национальные», объявляя своей главной целью защиту интересов «своей» нации. Однако каждая партия предлагала тот путь разрешения национального вопроса, который, по ее мнению, наиболее соответствовал интересам представляемого ею класса или социального *слоя*. В этих условиях неотложная задача рабочего класса и его передового отряда — партии большевиков состояла в выработке национальной программы, способствующей интернациональному воспитанию трудящихся масс всех народов страны, их объединению в одну революционную армию борцов против самодержавия и капитализма.

Национальная программа большевиков — партии рабочей демократии

Передовая пролетарская революционная партия России — партия большевиков с самого начала своей деятельности уделяла огромное внимание разработке национальной программы.

В. И. Ленин стал основателем интернационалистской, (большевистской) рабочей партии в России, первого в мире социалистического многонационального государства — СССР, основателем III, Коммунистического Интернационала, объединившего лучшие революционные силы всех стран и народов. Трудно назвать такой период в жизни и деятельности В. И. Ленина, когда он в той или другой связи не обращался бы к национальному вопросу, исследуя его в самых различных аспектах: теория нации; закономерности развития наций при капитализме и в условиях социализма; содержание национального движения, объективные и субъективные факторы его возникновения, развития и победы; колонизаторская политика самодержавия в России; сущность и социальные функции идеологии и политики пролетарского интернационализма; его коренная противоположность буржуазному национализму; национальная программа рабочей марксистской партии; национальный вопрос как часть вопроса о пролетарской революции и диктатуре пролетариата; принципы, формы и методы решения национального вопроса при переходе к социализму; проблемы сближения и слияния наций.

Фактически во всех трудах В. И. Ленина — в книгах, статьях, документах, резолюциях партийных съездов, конференций и пленумов ЦК Коммунистической партии нашей страны; в его речах, докладах, рефератах; в декретах Советской власти — содержится научная и практическая разработка национального вопроса. В ряде случаев В. И. Ленин касается национального вопроса в связи с освещением других проблем, например в работах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?» (1894 г.), «Карл Маркс» (1914 г.), «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» (1920 г.). Но многие его работы посвящены специально национальному вопросу: «Национальный вопрос в нашей программе» (1903 г.), «Положение Бунда в партии» (1904 г.), «Рабочий класс и национальный вопрос» (1912 г.), «Тезисы по национальному вопросу» (1913 г.), «О национальной программе РСДРП» (1913 г.), ««Критические заметки» по национальному вопросу» (1913 г.), «О праве наций на самоопределение» (1914 г.), «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» (1915 г.), «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» (1916 г.), «Итоги дискуссии о самоопределении» (1916 г.) и др.

В дооктябрьский период труды В. И. Ленина публиковались (подпольно и легально) в большевистской и рабочей печати (газетах «Искра», «Вперед», «Пролетарий», «Звезда», «Правда»; журналах «Просвещение», «Мысль»); некоторые статьи печатались на гектографе и выпускались отдельными листовками.

Определяя сущность национальной программы большевистской партии, В. И. Ленин отмечает три основных пункта: «а) борьба со всяким национализмом, даже утонченным (культурно-национальная автономия); б) единство рабочих *всех* национальностей; в) борьба с *великорусским* черносотенным национализмом»[12]. Именно эта сущность национальной программы и была оформлена в таких требованиях партии, как полное равноправие наций, в том числе право наций на самоопределение вплоть до отделения; областная автономия (демократические требования); интернациональное сплочение рабочих во всех организациях и в революционной борьбе (требование социалистического характера).

Прежде чем претендовать на руководящую роль в национально-освободительном движении, пролетариат должен был разрешить национальный вопрос в своей собственной среде, показать трудящимся массам города и деревни образец интернационального сотрудничества. В единстве рядов рабочих всех наций России Ленин и большевики видели «гарантии равноправия наций, свободы народа и интересов социализма»[13]. «. . .Мы должны идти к теснейшему союзу рабочих всех наций, к совместной борьбе их против *всякого* шовинизма, против *всякой* национальной исключительности, против *всякого* национализма»[14], — призывал В. И. Ленин.

В программе-минимум, принятой II съездом РСДРП, содержалось требование (§ 7) полного равноправия всех граждан независимо от пола, религии, расы и национальности[15]. Большевики были принципиальными сторонниками крупных централизованных государств, в которых при демократическом строе гораздо успешнее, чем в мелких, решаются задачи развития производительных сил и борьбы пролетариата с буржуазией[16]. В связи с этим РСДРП в программе-минимум (§ 3) выдвинула требование широкого местного самоуправления, областного

самоуправления для тех районов, которые отличаются: особыми бытовыми условиями и составом населения [17]. В 1905—1907 гг. большевики выразили это требование в кратком лозунге «областной автономии». Областная автономия не межует население по нациям, не заставляет их переселяться с места на место во имя мифического «компактного единства», она способствует стиранию национальных граней и тем самым максимально облегчает развитие производительных сил, экономики и культуры общества, облегчает развитие классовой борьбы пролетариата за социализм.

Коммунисты признают лишь добровольный союз наций, их естественную ассимиляцию, выступают против насильственного объединения, против шовинистической политики подавления слабых наций. Признание добровольности союза наций также нашло отражение в программе РСДРП (§ 9), она выдвигала требование права на самоопределение за всеми нациями, входящими в состав государства [18]. «Отстаивать, проповедовать, признавать такое *право*, — разъяснял В. И. Ленин в апреле 1914 г., — значит отстаивать равноправие наций, значит не признавать *насильственных* связей, значит бороться против всяких государственных привилегий какой бы то ни было нации, значит и воспитывать в рабочих разных наций полную классовую солидарность.

Классовая солидарность рабочих разных наций выигрывает от замены насильственных, феодальных, военных связей добровольными связями» [19].

В годы первой русской революции и в последующий период принципы национальной программы рабочей демократии все более подтверждались и развивались.

Защите марксистского требования права наций на самоопределение В. И. Ленин придавал решающее значение. Именно этот пункт большевистской программы вызвал в 1910—1914 гг. «целый поход оппортунистов» [20]. Против него выступили русский ликвидатор Семковский, бундовец Либман, украинский националист Юркевич и многие другие, стремясь подменить марксистское программное требование утонченной (по выражению В. И. Ленина) культурно-национальной автономией [21].

В «Тезисах по национальному вопросу» (июнь 1913 г.) В. И. Ленин писал, что параграф программы РСДРП о самоопределении наций «не может быть толкуем никак

иначе, как в смысле *политического* самоопределения, т. е. [illegible] а отделения и образования самостоятельного государства» [22]. Право на отделение не означает обязательности отделения, которое в конкретных случаях может быть и нецелесообразным. Пролетариат, подчеркивал Ленин, во-первых, не берет на себя задачу поддерживать любое национальное движение и требование, он не собирается консервировать все обычаи нации; во-вторых, рабочий класс не может заранее сказать «да» или «нет» по вопросу о практическом осуществлении отделения, ибо он за право на отделение и только, в конкретном же случае пролетариат может или поддержать или выступить против отделения нации; в-третьих, пролетариат учитывает, что осуществимость национальных требований при капитализме так же условна и ограничена, как и всех других требований демократии. «Пролетарская партия, — учил В. И. Ленин, — стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к *сближению и дальнейшему слиянию* наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций» [23].

При таком подходе лозунг о праве наций на самоопределение выступает как могучее средство борьбы за сближение народов. Пролетариат требует свободы отделения всех без исключения угнетенных и неполноправных наций вовсе не потому, что он заинтересован в их отделении, а только потому, что он за свободное добровольное сближение и слияние наций, а не за насильственное.

С национальной политикой партии несовместимо, таким образом, абсолютизирование национальных требований. В отличие от национальной буржуазии, которая во имя своих узких классовых интересов лицемерно объявляет главной и единственной целью в национальном вопросе защиту интересов собственной нации, партия пролетариата отстаивает национальные требования постольку, поскольку они способствуют ликвидации национального гнета и национальной розни, мешающих интернациональному сплочению пролетариата в целом. Ни на какие уступки буржуазному национализму марксистско-ленинская партия, следовательно, никогда не пойдет.

Однако марксистско-ленинские партии проводят четкое различие между буржуазным национализмом стран

БИБЛИОТЕКА ЗГПИ
482796

и наций угнетающих и национализмом стран и наций порабощенных; между реакционным национализмом и шовинизмом, которые противопоставляют одну нацию другой, и национализмом молодых наций, борющихся за свои жизненные интересы, за свободу своих стран. Такого рода дифференцированный подход к проявлениям буржуазного национализма составляет важнейший аспект ленинской национальной политики. «В *каждом* буржуазном национализме угнетенной нации, — учил В. И. Ленин, — есть общедемократическое содержание *против* угнетения, и это-то содержание мы *безусловно* поддерживаем...»[24] В общедемократической освободительной борьбе пролетариат поддерживает и национальную буржуазию. Но ввиду непоследовательности буржуазии пролетариат поддерживает ее национальные требования условно, в зависимости от того, способствуют ли они: миру между нациями, равноправию наций, созданию наилучшей обстановки для классовой борьбы пролетариата[25].

Рабочий класс не может допустить никакого закрепления национализма, преследующего узкие интересы данной нации и противоречащего идеалам братства, солидарности рабочих разных наций. Рабочий класс и его партия, отмечал В. И. Ленин, признают лишь то, что есть прогрессивного в национальном движении, чтобы это признание не вело к затемнению пролетарского сознания буржуазной идеологией. Пролетариат «поддерживает все, помогающее стиранию национальных различий, падению национальных перегородок, все, делающее связи между национальностями теснее и теснее, все, ведущее к слиянию наций. Поступать иначе — значит встать на сторону реакционного националистического мещанства»[26]. Революционным долгом пролетариата является борьба против национализма, и прежде всего против великодержавного шовинизма, признание полного равноправия всех наций вообще, вплоть до права на создание своей национальной государственности. С другой стороны, задачей марксистских партий является «отстаивание единства пролетарской борьбы и пролетарских организаций, теснейшего слияния их в интернациональную общность, вопреки буржуазным стремлениям к национальной обособленности»[27]. Необходимо, таким образом, различать две стороны в национальной политике пролетариата: де-

мократический лозунг национального братства и социалистический лозунг единства рабочих всех национальностей.

Итак, признание марксистской партией права всех национальностей та самоопределение означает, что марксисты борются против всякого применения насилия к нации, желающем отделиться; требуют, чтобы вопрос о таком отделении решался исключительно путем всеобщего, прямого, равного и тайного голосования населения данной территории; выступают против буржуазных шовинистических партий, отстаивающих сохранение национального гнета, отрицающих право наций на самоопределение[28].

Ленинская национальная программа учитывала, следовательно, объективные закономерности развития наций при капитализме: с одной стороны, тенденцию к свободе и самостоятельности, созданию собственного национального государства; с другой — тенденцию к стиранию национальных граней, взаимопроникновению, сближению наций, интернационализации экономической жизни, политики, культуры и т. д.[29]

Законы развития наций учитывались большевиками и при определении принципов построения рабочей партии, профсоюзов, кооперативов с точки зрения их национального состава. (Совместную работу пролетариев различных наций в единых классовых организациях, совместную их борьбу против капитализма (а в России и против самодержавия)) В. И. Ленин считал пролетарским решением национального вопроса, единственно правильным его решением[30].

Пролетарская партия должна строиться не на федералистических или националистических началах, которые рекомендовали, например, австрийские социал-демократы или Бунд, а на принципах интернационализма, чтобы противостоять объединенной в союзы разнонациональной буржуазии.

Строить партию по национальному принципу — значит межевать рабочих по национальностям, содействовать укреплению националистических предрассудков, националистической идеологии, т. е. ослаблять рабочее движение. «Пролетариат, — учит В. И. Ленин, — не может вести борьбы за социализм и отстаивать свои повседневные экономические интересы без самого тесного и

полного союза рабочих всех наций во всех без исключения рабочих организациях... Поэтому рабочий, ставящий политическое единение с буржуазией «своей» нации выше полного единства с пролетариями всех наций, поступает вопреки своим интересам, вопреки интересам социализма и интересам демократии» [31].

С первого дня организации РСДРП строилась на принципах интернационализма. Борьба большевиков шла против тех, кто хотел повернуть партию на путь федерализма либо образования внутри партии обособленных национальных групп. Партия возникла в 1898 г. как «российская» партия, т. е. партия пролетариата всех национальностей России.

В статье «Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату» (февраль 1903 г.) В. И. Ленин писал: «...в вопросах борьбы с самодержавием, борьбы с буржуазией всей России мы должны выступать как единая, централизованная, боевая организация, мы должны опираться на весь пролетариат, без различия языка и национальности, сплоченный совместным постоянным решением теоретических и практических, тактических и организационных вопросов, а не создавать отдельно идущих, каждая своим путем, организаций, не ослаблять силы своего натиска дроблением на многочисленные самостоятельные политические партии, не вносить отчужденность и обособленность...» [32]

II съезд РСДРП (июль 1903 г.) осудил национализм и федерализм еврейского рабочего союза — Бунда (возник в 1897 г.), его требование федеративного устройства партии по национальному признаку. Это нашло отражение в резолюциях съезда: «О месте Бунда в партии», «О выходе Бунда из партии». Съезд выразил уверенность в том, что с дальнейшим ростом революционного движения эти разногласия исчезнут и произойдет необходимое в интересах освободительной борьбы рабочего класса полное слияние передовых представителей пролетариата всех национальностей в одну РСДРП. В резолюциях было указано, что II съезд РСДРП поставил себе целью объединение в одну сплоченную партию всех действующих в России социал-демократов; эта цель была в дальнейшем подчеркнута в решениях III (апрель 1905 г.), IV (апрель 1906 г.), V (май 1907 г.) съездов РСДРП, Пятой (декабрь 1908 г.) и Шестой (январь

1912 г.) партийных конференций, в резолюциях Краковского (декабрь 1912 г.) и Поронинского (сентябрь 1913 г.) совещаний ЦК РСДРП с партийными работниками.

Шестая (Пражская) конференция поручила ЦК РСДРП неустанно добиваться единства с национальными организациями, входящими в РСДРП, и выразила уверенность в том, что «вопреки всем препятствиям, рабочие с.-д. всех национальностей России будут дружно и рука об руку бороться за пролетарское дело и против всех врагов рабочего класса» [33]. Совещание ЦК РСДРП в Кракове в специальной резолюции «О «национальных» с.-д. организациях» отметило, что опыт 1912 г. вполне подтвердил правильность решений Пражской конференции о необходимости единой интернациональной организации РСДРП и недопустимости федерализма. Совещание осудило блок Бунда с буржуазными польскими националистами, подчеркнуло полное банкротство федералистических начал в построении социал-демократической партии и глубокий вред для дела революции обособленности национальных социал-демократических организаций. Совещание призвало рабочих всех национальностей России к самому решительному отпору воинствующему национализму реакции, к борьбе со всеми и всяческими проявлениями националистического духа среди трудящихся масс и к самому тесному сплочению и слиянию социал-демократических рабочих на местах в единые организации РСДРП. В своей резолюции ЦК РСДРП выразил твердую уверенность, что начавшийся революционный подъем, массовые экономические и политические стачки, уличные демонстрации и другие виды открытой революционной борьбы масс помогут «полному сплочению и слиянию на местах с.-д. рабочих без всякого различия национальностей, усиливая тем натиск против угнетающего все народы России царизма и против объединяющейся буржуазии всех наций России» [34].

Интернациональный принцип построения партии большевики рассматривали как необходимое условие решения национального вопроса. В. И. Ленин в «Тезисах по национальному вопросу» отмечал: «Не федерация в строе партии и не образование национальных с.-д. групп, а единство пролетариев всех наций данной местности с ведением пропаганды и агитации на *всех* языках местного пролетариата, с совместной борьбой рабочих

всех наций против каких бы то ни было национальных привилегий, с автономией местных и областных организаций партии» [35].

Пути и средства разрешения национального вопроса всегда зависят от того, какие общественные силы способны его решить и какими правами пользуются эти силы в данном политическом строе. В России царизм, черносотенное дворянство и русская буржуазия были кровно заинтересованы в сохранении национального гнета над украинцами, белорусами и другими народами. Местная, национальная буржуазия была заинтересована в сделке с царизмом больше, чем в освобождении «своей» нации. Общественными силами, которые могли разрешить национальный вопрос, был пролетариат как гегемон (прежде всего русский пролетариат) в союзе с крестьянством (прежде всего местным национальным крестьянством), поскольку именно крестьянство составляло основное население национальных районов России.

Пролетариат и крестьянство России были угнетенными, бесправными классами, поэтому они могли решить национальный вопрос лишь путем революции, которая смела бы царизм и поставила у власти демократическую диктатуру пролетариата и крестьянства. При этом именно русский пролетариат (пролетариат господствующей нации) должен был взять на себя великую миссию освободителя наций, следуя марксистскому принципу: не может быть свободен народ, угнетающий другие народы.

Разоблачая украинского националиста Юркевича, стремившегося доказать «единство» интересов украинских рабочих и украинской буржуазии в борьбе за «свободу Украины», В. И. Ленин писал: «Противником освободительных стремлений украинцев является класс помещиков великорусских и польских, затем буржуазия тех же двух наций. Какая общественная сила способна к отпору этим классам? Первое десятилетие XX века дало фактический ответ: эта сила исключительно рабочий класс, ведущий за собой демократическое крестьянство. Стремясь разделить и тем ослабить действительно демократическую силу, при победе которой было бы невозможно национальное насилие, г. Юркевич изменяет интересам не только демократии вообще, но и своей родины, Украины» [36]. «...Без демократии немыслима ни автономная, ни независимая Украина» [37] — этот вывод

Ленина относится, конечно, не только к Украине. Демократизация политического строя — основное условие решения национального вопроса, исходный пункт большевистскойнациональнойпрограммы.

Требование демократизации политического строя для разрешения национального вопроса нашло отражение и в решениях Поронинского совещания ЦК РСДРП: «Поскольку возможен национальный мир в капиталистическом обществе, основанном на эксплуатации, наживе и грызне, постольку это достижимо лишь при последовательном, до конца демократическом, республиканском устройстве государства, обеспечивающем полное равноправие всех наций и языков, отсутствии обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства» [38].

В трудах В. И. Ленина, решениях партии большевиков всесторонне обосновывается марксистская национальная программа с ее главными требованиями: право наций на самоопределение вплоть до отделения; областная автономия; не только правовое, но и фактическое равенство наций в демократически организованном государстве; интернациональное построение пролетарской партии и других организаций рабочего класса. «Полное равноправие наций; право самоопределения наций; слияние рабочих всех наций — этой национальной программе, — отмечал В. И. Ленин, — учит рабочих марксизм, учит опыт всего мира и опыт России» [39].

Требования большевиков по национальному вопросу первоначально были включены наряду с другими требованиями демократии в программу-минимум — программу свержения самодержавия, принятую II съездом РСДРП. В период нового революционного подъема в России, накануне первой мировой войны (1911—1914 гг.), когда национальный вопрос и в России и на международной арене крайне обострился, большевики сгруппировали свои требования в области национальных отношений в единую программу, и в 1913 г. она была принята на Поронинском совещании ЦК РСДРП в виде специальной резолюции «По национальному вопросу». В апреле

1917 г. VII Всероссийская партийная конференция большевиков приняла с некоторыми дополнениями и уточнениями эту резолюцию как национальную программу Коммунистической партии в условиях подготовки трудящихся масс России к социалистической революции.

Программа по национальному вопросу, разработанная В. И. Лениным и утвержденная в решениях съездов и конференций РСДРП, имеет всемирно-историческое значение. Требуя интернационального построения пролетарской партии, полного равноправия наций при самой широкой демократизации общественно-политического строя, ленинская программа снимала ненужные вопросы об искусственном сохранении наций и четко ставила перед многонациональным пролетариатом России главнейшую задачу — сплочение рабочих различных наций для подготовки демократической, а затем и социалистической революции.

Национальные программы непролетарских партий

Требования мелкобуржуазных партий — эсеров, энесов, трудовиков — по национальному вопросу определялись их общей политической платформой, которая в целом была революционной и содержала идею социализма, но это был не научный, а утопический, народнический социализм, отражавший психологию мелкой буржуазии деревни и города.

Необходимо учесть, что кроме партии социалистов-революционеров (ПСР) в России в 1905—1906 гг. сформировались и другие партии эсеровского типа: Социалистическая еврейская рабочая партия (СЕРП), «Поалей Цион», Грузинская партия социалистов-федералистов, Армянская партия революционного социализма («Дашнакцутюн»), Партия польских социалистов (ППС), Латышский социал-демократический союз, украинская «Спилка», Белорусская социалистическая громада; впоследствии образовались Чувашский союз партии социалистов-революционеров, Эстонская партия социалистов-революционеров, Якутский союз социалистов-революционеров, Осетинская организация партии социалистов-революционеров, магометанская Поволжская организация партии социалистов-революционеров и др.

Программные документы партии социалистов-революционеров обычно публиковались под девизом «В борьбе обретешь ты право свое!», а Народно-социалистической (трудовой) партии — под девизом «Все для народа! Все через народ!». Оба девиза были рассчитаны на привлечение интереса широких народных масс.

Партия социалистов-революционеров в своих официальных органах — газете «Революционная Россия», журнале «Вестник русской революции» проповедовала тактику индивидуального террора в качестве основного метода борьбы с самодержавием, чем наносила огромный вред революционному движению, затрудняя организацию трудящихся масс для борьбы против социального и национального гнета. Эсеры не видели классовых различий между пролетариатом и мелким собственником, затушевывали классовое расслоение и противоречия внутри крестьянства, наряду с меньшевиками отвергали идею гегемонии рабочего класса в буржуазно-демократической революции. В. И. Ленин характеризовал взгляды эсеров как эклектическое смешение идей народничества и ревизионизма, попытку поправить «прорехи народничества... заплатами модной оппортунистической «критики» марксизма»[40]. Программа эсеров рассматривала решение аграрного вопроса с революционных позиций, т. е. содержала требование уничтожения частной собственности на землю, но при этом эсеры проповедовали свои мелкобуржуазные утопии, призывали к так называемой социализации земли, а именно передаче земли в распоряжение общин, осуществлению «трудового» начала, «уравнительности» в землепользовании. Подобная мелкобуржуазная ограниченность и непоследовательность наблюдалась и в подходе эсеров к национальному вопросу. Принципиальные сторонники безгосударственности, анархии, эсеры не могли составить ясного плана будущего республиканского строя. Подобно меньшевикам, эсеры были равно враждебны как идее революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства, так и идее диктатуры пролетариата. Отрицая руководящую роль рабочего класса и марксистской партии в борьбе за демократию и социализм, в том числе в борьбе за утверждение действительного равноправия народов, проповедуя стихийность в теории, анархизм в политике, эсеры примыкали к партиям буржуазного лагеря, стано-

вились прислужниками буржуазного национализма. Это выразилось в их идеалистической трактовке нации и законов ее развития, в их национальной программе. «Нация, — определяли эсеры, — совокупность индивидов (людей), связанных сознанием своего единства, главными факторами которого являются: общность происхождения, общность языка, религии, быта, нравов, обычаев и исторического прошлого» [41]. Ни экономической, ни территориальной общности у нации эсеры не признавали, а видели в ней только единство духовной жизни. Кроме того, общность религии ни в коем случае не может считаться признаком нации, поскольку социалистическая нация как тип характеризуется общностью материалистического, атеистического мировоззрения, а что касается буржуазной нации, то в ряде случаев представители одной национальности придерживаются совершенно различных религиозных верований, а часть ее представителей стоит на позиции атеизма.

Явно стараясь прикрыть антидемократическую направленность русского шовинизма, эсеры давали обтекаемое, бесклассовое определение национализма, характеризуя его как «стремление к сохранению особенностей, присущих данному народу» [42]. Не содержалось прямого осуждения национализма и в следующем пояснении эсеров сущности националистической партии (русских националистов). «Как политическая партия,— писали эсеры, — националисты стоят за предоставление господствующего положения коренной народности в ущерб другим» [43]. Определение это не давало ответа о степени указанного «ущерба», а также о крайнем выражении национализма — шовинизме: ненависти к другим народам и стремлении истребить их самостоятельность и самобытность. Эсеры не раскрывали сущности национализма как буржуазной идеологии в национальном вопросе, тесной связи национализма с интересами эксплуататорских классов. В документах партии эсеров нет самостоятельной постановки национального вопроса, о нем лишь бегло упоминается. В программе, опубликованной в середине 1905 г., эсеры отмечали: «Партия социалистов-революционеров, начиная непосредственную революционную борьбу с самодержавием, агитирует за созыв Земского Собора (Учредительного собрания), свободно избранного всем народом без различия пола, сословия, национальности и религии, для ликвидации самодержавного режима» [44].

Таким образом, формально эсеры признавали необходимость равенства наций. Но это требование оставалось таким же иллюзорным, как и идея созыва в условиях господства царизма всенародного Учредительного собрания (идея, которой, как известно, придерживались кадеты, а вслед за ними меньшевики и которую В. И. Ленин в июле 1905 г. подверг уничтожающей критике в работе «Две тактики социал-демократии в демократической революции» [45]). Материалы состоявшейся и апреле 1907 г. конференции партии эсеров свидетельствуют о том, что эсеры (русские, армянские, грузинские, польские, латышские, белорусские, еврейские и проч.) предлагали рабочему классу эклектическую националистическую программу, которая не содержала единых требований по отношению к различным народам [46]. Для ряда народов, имевших более или менее четко очерченную территорию (Польша, Финляндия, Кавказ), эсеры требовали федерации, создания «своего», национального (буржуазного) государства. Однако, как буржуазные националисты, эсеры не могли решить вопрос о национальных меньшинствах, которые неизбежно оказывались бы на территории той или другой федерации, поскольку никогда и нигде границы наций и государств не совпадают, и Россия была тому ярким примером. Поэтому требование федеративного устройства России эсеры дополняли предложением о введении «культурно-национальной автономии» для национальных меньшинств.

Так же схоластично и противоречиво было определение эсерами метода решения национального вопроса в России. Они, с одной стороны, признавали необходимость революции (в частности, для осуществления федерации); с другой — утверждая достаточность для подавляющего большинства народов России культурно-национальной автономии, приходили к выводу, что свержение Царизма для решения национального вопроса вовсе не обязательно, важно, чтобы была введена конституция. Вместо борьбы за выкорчевывание национализма эсеры предлагали «вырвать его из рук господствующих классов и передать в руки трудящихся, облагородить его, очистить от запекшейся крови веков... превратить из орудия вражды и разрушения в орудие солидарности и созида-

ния — созидания храма будущего международного братства»[47]. Таким образом, программа эсеров заранее предполагала неразрешимость национальных противоречий, невозможность мирного сожительства наций и тем более дружбы народов в рамках единого централизованного государства. Иметь свое национальное государство — это идеал буржуазии, но не пролетариата, для которого превыше всего интересы развития производительных сил и классовой борьбы, союз рабочих различных наций во имя ликвидации всяческого гнета — и социального, и национального. Эсеры содействовали дроблению рабочего движения на национальные группы, толкали их на объединение со «своей» буржуазией ради решения «общих» национальных проблем. В конечном счете эта политика способствовала усилению в среде пролетариата национальных предрассудков, национальной розни и даже вражды.

Партия польских социалистов открыто проповедовала грубый шовинизм, изображая дело так, будто национальный вопрос сводится к противопоставлению поляков другим нациям: «мы» (поляки) и «они» (немцы, русские, евреи и т. д.). «А социал-демократ, — указывал по этому поводу В. И. Ленин, — выдвигает на первый план противоположение: «мы» — пролетарии и «они» — буржуазия»[48]. ППС внушала польским рабочим, что свобода Польши не зависит от победы революции в России. После Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. ППС резко метнулась вправо, к «народовцам» — польской буржуазной партии национальной демократии. Лозунг ППС был: «Польша для поляков». С подобными лозунгами выступали и другие националистические партии. Эсеры Кавказа выставляли девиз «Кавказ для кавказцев», мусульманские националисты выдвигали требование «Баку для мусульман», колеблясь между программами автономии, федерации и планом крупнейшей мусульманской буржуазии присоединить Закавказье к Турции или Персии[49]. Дашнаки одну руку подавали русским эсерам, а другую — армянским попам и богачам, требовали внутренней федерации для Кавказа, договорных отношений Кавказа с Россией.

Под влиянием революционных событий раскололось еврейское буржуазное сионистское движение, из него выделилась группа «Поалей Цион». Ее программа носила мелкобуржуазный и националистический характер. Эта сионистская группа вынашивала мечту о возрождении еврейской нации в Палестине.

Утопичность и национализм эсеровской программы ярко выразил на конференции 1907 г. представитель Белорусской громады, который заявил: «Социализм может быть вернее всего проведен в жизнь через национальные союзы»[50]. В этом заявлении отсутствовала постановка вопроса о классовых антагонизмах буржуазного строя, о революции как пути к социализму. Обращалось внимание лишь на «чистоту национальной принадлежности» тех, кто борется за социализм (белорусы — отдельно, украинцы — отдельно).

На деле никакой «национальный союз» не даст гарантии победы социализма, ибо главной силой, строящей социализм, является не нация, а трудящиеся классы (всех наций, живущих на данной территории или в данном государстве) во главе с пролетариатом. Никакого «национального социализма», строящегося изолированно и обособленно от социализма в других государствах, не может быть. Идеализируя буржуазию — и русскую, и национальную, эсеры представляли дело так, что стоит только свергнуть царизм — и Учредительное собрание даст свободу и равенство народам. Но народы России угнетались не только царизмом, а и буржуазией. Свержение самодержавия при условии прихода к власти буржуазии (как случилось в феврале 1917 г.) ведет не к освобождению народов от рабства, а к усилению империалистического гнета над ними. Действительной свободы народы России могли добиться лишь в союзе с русским пролетариатом, при условии прихода к власти трудящихся масс под руководством рабочего класса. Ратуя за «национальные свободы», эсеры объективно выражали буржуазный идеал создания своей «неприкосновенной» колонизационной области, национального рынка.

Требования трудовиков и энесов по национальному вопросу в принципе не отличались от эсеровской национальной программы, представляли эклектическое смешение принципов федерации и автономии. В программе энесов был выделен раздел «По национальному вопросу», в который было включено следующее требование: «Признание за всеми, без исключения, национальностями права на самоопределение... Для национальностей, ко-

торые останутся в составе Русского государства, — проведение федеративного принципа в государственном строительстве и обеспечение условий свободного национального развития в рамках широкой автономии»[51].

Национализм партий народнического социализма был обусловлен великодержавным русским шовинизмом. Протестуя против политики русификации, буржуазия национальных меньшинств выдвигала принцип своей национальной обособленности. Партии буржуазной демократии были бессильны указать пролетариату путь преодоления национализма. Они не видели (да и не признавали) могучего средства выкорчевывания национальных предрассудков — единой классовой борьбы многонационального пролетариата против буржуазии всех наций за социализм.

Революционная марксистская партия — партия большевиков шла на временный практический боевой союз с мелкобуржуазными партиями против царизма, поддерживала их протест против национального гнета, но при этом раскрывала перед массами псевдосоциализм этих партий, в частности несостоятельность их программы решения национального вопроса, буржуазно-националистический смысл их лозунгов.

Меньшевики как в общеполитической программе, так и в национальном вопросе проводили оппортунистическую линию соглашения с либеральной буржуазией, а через нее — фактически со всем черносотенным лагерем. Исходя, подобно эсерам, из идеалистической (реннеровауэровской) теории нации, меньшевики пропагандировали националистическую программу «культурно-национальной автономии» и считали, что для решения национального вопроса не обязательно свержение царизма, важно, чтобы была введена конституция. Меньшевик Г. Гейликман в статье «Национальный вопрос и пролетариат» (1906 г.) защищал теорию австрийского социал-демократа К. Реннера, утверждая, что нация — добровольный союз одинаково мыслящих и говорящих людей, не связанный с территорией, и что для освобождения наций достаточно узаконить право личности, т. е. право выбирать себе ту или иную нацию и добровольно записываться в ее члены, а также разрешить организацию национального экстерриториального самоуправления по делам культуры. Как ярый националист, Г. Гейликман

выступал против слияния наций, заявляя, что в сближении и слиянии наций заинтересована якобы буржуазия, развивающая крупную промышленность, а рабочий класс имеет другую задачу — «конституирование нации вне сферы исторической территории»[52].

Партия большевиков во главе с В. И. Лениным вела принципиальную бескомпромиссную борьбу как против идеалистической теории нации, так и против меньшевистской платформы «культурно-национальной автономии» с ее откровенным национализмом.

Либерально-монархическое направление в национальном движении России было представлено главным образом программой кадетов. Членами этой партии стали не только русские буржуа, но и представители буржуазии многих наций, населявших Россию. Все они верноподданнически исходили из необходимости сохранения царизма. Русские кадеты, как представители господствующей нации, мечтали о ликвидации всех национальных различий в России на почве полной русификации. Заявляя в своей программе, что они за равноправие всех народов России[53], кадеты фактически отстаивали интересы крупной буржуазии и исходили из принципа «единой и неделимой России». Их программа не предусматривала ни свержения царизма, ни права наций на политическое отделение. Лишь в 1905 г. кадеты, заигрывая с восставшими массами, признали право Финляндии и Польши на областную автономию, но и это выразилось в весьма умеренных предложениях по вопросам развития культуры угнетенных народов.

После Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. кадеты в национальной программе, как и в вопросах общеполитических, сделали резкий крен вправо. Их лозунги о демократии, автономии и равенстве народов выхолащиваются, они ищут блоков с октябристами и правыми партиями в великодержавной шовинистической политике.

И марта 1906 г. в связи с объявленными правительством выборами в I Государственную думу кадетский комитет внепартийных выборов опубликовал обращение «К господам избирателям», в котором открыто пропагандировались три известных черносотенных принципа: самодержавие, православие, народность. Тесно примыкавшие к кадетам партии «мирного обновления», «демокра-

тических реформ», «свободомыслящих» решали национальный вопрос также в духе весьма ограниченного либерализма. Формально все они признавали необходимое введения равенства народов России. На деле, будучи сторонниками сохранения монархии, они способствовали укреплению господства русских помещиков и капиталистов над народами страны. В программе Партии мирного обновления, опубликованной в 1906 г., отмечалось: «Все российские граждане, без различия пола, национальности и вероисповедания, равны перед законом. Каждому гражданину обеспечивается свобода совести и вероисповедания, свобода слова, союзов, собраний, передвижения... Местное самоуправление должно быть основано на выборности при всеобщем, равном, прямом и закрытом голосовании, без различия пола, вероисповедания и национальности» [54]. Однако надо учитывать, что, объявляя себя сторонниками конституции, мирнообновленцы фактически оставались на позиции абсолютной монархии. Они считали, что все вновь издаваемые законы лишь подготавливаются Думой, но окончательно утверждаются императором [55]. Следовательно, и требование равенства наций оставалось пустой декларацией.

Партия свободомыслящих придерживалась тактики самых ограниченных реформ. Эта умеренная, откровенно нереволюционная партия считала главным средством преобразования государственного строя царской России на конституционных началах исключительно пропаганду демократических идей среди масс. В программном документе партии указывалось: «Когда исповедываемые нами начала проникнут в сознание масс, исчезнет гнет и произвол. Исчезнет гнет политический, национальный, общественный, капиталистический, классовый и сословный... не будет произвола чиновников, насилия над совестью со стороны духовенства, злоупотребления семейной властью» [56].

Следует отметить, что выдвинутые даже в самой общей форме требования равенства народов страны сопровождались в программе Партии свободомыслящих такими оговорками, которые на деле только закрепляли бы и усугубляли неравенство народов. Так, например, декларативное требование введения всеобщего и равного избирательного права без различия национальностей сопровождалось утверждением о необходимости ограничений

этого права, связанных с оседлостью (т. е. отстранения от участия в выборах так называемых бродячих инородцев), требование автономии для народностей России дополнялось положением о том, что ее «формы и пределы определяются по различию культурных, этнических, географических, экономических и международных условий и устанавливаются общеимперским Законодательным корпусом» [57], т. е. не сама нация определяет свой политический статус, а он навязывается ей центральной монархической властью (наибольшую автономию партия предлагала предоставить лишь финнам и полякам). По мнению лидеров партии, народностям, которые занимали в России малые территории, жили не сплошной массой или не обладали еще достаточно развитой национальной культурой, могла быть предоставлена очень ограниченная автономия (например, признание национального языка в государственной и общественной жизни, а также его преподавание в начальной школе). Такими народностями Партия свободомыслящих считала литовцев, малороссов, белорусов, эстов, латышей, румын [58] (видимо, молдаван. — *Авт.).* Иногда Партия свободомыслящих снисходила до того, что допускала «признание прав национального языка не только в начальной школе, но и в средней школе для армян, грузин, немцев, а также в политических институтах суда и управления в более мелких земских единицах» [59]. Таким образом, привилегиями в будущем «конституционном» устройстве России пользовались бы, видимо, только три народа — русский, финляндский и польский. Остальные получили бы весьма ограниченные права так называемой автономии. Фактически неравенство народов не только сохранилось бы, но закрепилось. Причем даже и для Финляндии и Польши Партия свободомыслящих делала оговорку о том, что родной язык «должен быть признан официальным, наряду с государственным — русским языком». То есть господство русской нации и русского языка по-прежнему признавалось нерушимым, незыблемым. Кроме того, Царству Польскому ставился ультиматум — автономия в указанных пределах должна стать условием вступления Царства Польского в будущее славянское федеративное государство.

Национальная буржуазия окраин России, используя революционное и национально-освободительное движе-

ние, пыталась вырвать у царя кое-какие уступки. Финская буржуазия ратовала за восстановление конституции. Польская буржуазия во главе с национально-демократической партией и католическое духовенство просили у царя автономии Польши с сеймом в Варшаве, свободы национальной культуры. Украинская буржуазия (без постановки вопроса о равенстве всех народов России) требовала лишь свободы родного языка, отмены ограничений в развитии украинской культуры, введенных в 1876 г., т. е. выдвигала узкую программу культурно-национальной автономии без всяких претензий на политический и экономический суверенитет украинского народа [60]. Белорусские либеральные буржуа в петициях Минского, Могилевского, Виленского сельскохозяйственных обществ выдвигали требование свободного развития белорусской культуры, отмены некоторых ограничительных законов и распоряжений относительно языка, веры и самоуправления [61]. Грузинская буржуазия выдвигала программу весьма умеренных либеральных реформ, ничуть не затрагивавших основ монархического строя России. Она хотела отмены всех исключительных законов по управлению Кавказским краем и ликвидации системы насильственного обрусения, введения в крае земских учреждений, свободы грузинского вероисповедания и проч. [62]

22 октября 1905 г. на имя премьер-министра Витте был послан «меморандум», подписанный литовским либералом И. Басанавичусом, ксендзом И. Абразеюсом и др. В нем литовские буржуа просили территориальной автономии Литвы с сеймом в Вильне (и верноподданно «требовали», чтобы царь именовал себя великим князем Литовским) [63]. Это была типичная программа национальной автономии в буржуазно-националистическом духе. С подобными требованиями обращались в Совет министров и представители национальной буржуазии Латвии, Эстонии, Башкирии и других районов России. Национальная буржуазия наносила громадный вред трудящимся массам, ибо насаждала среди них реакционные идеи внутринационального «классового мира». В Азербайджане мусульманское духовенство в лице партий панисламистов и пантюркистов распространяло теорию о единстве интересов всех мусульман независимо от классовой принадлежности, внушало мусульманам ненависть и недоверие к другим народам, и прежде всего к русскому народу

с его революционными традициями. Пантюркисты утверждали, что «ненависть — полезный источник силы для нации, а месть — двигатель этой силы... Великие дела творит только ненавидящая и мстящая нация» [64]. Однако силу ненависти предлагалось трудящимся-азербайджанцам обратить не против их исконных врагов — самодержавия и капитализма, а против революционного движения, против «иноверных» (армян, русских). Панисламисты заявляли, что единственным средством возрождения и спасения мусульман является служение Корану [65]. На сделку с самодержавием шло мусульманское духовенство и в Средней Азии и в Казахстане, проповедуя и здесь идею бесклассовости коренного населения и некой универсальной демократии, одинаково выгодной для всех слоев общества, призывая к беспрекословному подчинению акпатши (белому царю) [66]. Таким образом, мусульманское духовенство играло роль реакционной силы, защищая на деле интересы феодально-байской верхушки, буржуазии, самодержавия.

Характерно, что буржуазия любой нации — литовская ли, украинская, белорусская и т. д. — требовала национальных свобод и привилегий лишь для «своей» нации, нимало не заботясь о положении других народов и, наоборот, стремясь притеснить их, выгадать за их счет.

Русские черносотенцы открыто говорили о «единой и неделимой России», открыто защищали великодержавную шовинистическую политику царизма. Русские либералы — кадеты делали то же самое, прикрываясь туманными фразами о «национальной культуре» для некоторых народов России, без выделения для них определенных территорий. Нерусские кадеты также в принципе стояли на платформе «единой и неделимой России» (не претендуя на отделение и соглашаясь с тем, что русский язык должен быть обязательным государственным языком), но просили «территориальной автономии» в пределах России с целью развить свой национальный рынок. Эта «территориальная автономия» понималась ими как господство данной нации над более слабыми. «Либеральная буржуазия *всех* наций, — отмечал В. И. Ленин, — а великорусская прежде всего и больше всего, борется за привилегии *своей* нации (пример: польское коло против равноправия евреев в Польше), — борется за национальное обособление, за национальную исключительность и

тем *помогает* политике нашего министерства внутренних дел» [67].

Итак, большинство непролетарских партий в своих национальных программах исходило из возможности решения национального вопроса в условиях сохранения царизма, *при* наличии частнособственнических общественных отношений. Защищая так называемые общенациональные интересы того или другого народа, непролетарские партии фактически помогали эксплуататорским классам угнетать трудящиеся массы национальных меньшинств страны.

Только партия большевиков имела национальную программу, отражавшую коренные интересы рабочих и крестьян многонациональной России.

ГЛАВА 2

ТАКТИКА ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ ПО ВОПРОСУ О ГРАЖДАНСКИХ ПРАВАХ НАРОДОВ РОССИИ

Политическое бесправие народов России и социально-классовая сущность национального представительства в Государственной думе

Национальный гнет в России выражался в полном политическом бесправии национальных меньшинств. Царское правительство руководствовалось изданным еще императором Александром II законодательным актом «Высочайше утвержденные 26 марта 1870 г. правила о мерах образования населяющих Россию инородцев». В этом документе народы Севера, Сибири, Средней Азии, Кавказа, Поволжья были названы «неполноправными инородцами» [1]. В дальнейшем законодательство царского правительства постепенно развивало и усиливало тенденцию правового обособления национальных меньшинств, что вызывало настороженность среди нерусских народов, чувство национальной обиды, раздражительность, доходящую до враждебности [2].

В административной структуре Российского государства не только не учитывались территориальные интересы населяющих его народов, но, препятствуя консолидации национальных меньшинств, царское правительство дробило территорию их этнического заселения, включая ее в границы различных губерний и уездов. Так, например, исключительно украинские по составу населения губернии Киевская и Волынская были включены в число губерний Царства Польского, а часть населенных литовцами уездов входила в Курляндскую губернию. Что касается евреев, то они искусственно были согнаны царским правительством в города и местечки так называемой черты оседлости, которая проходила по губерниям польским, литовским, белорусским, украинским. По цар-

скому законодательству евреи были лишены права передвижения, образования, им было запрещено иметь землю, арендовать ее и даже жить и работать в сельской местности, заниматься земледелием [3].

Царизм жестоко подавлял любую попытку порабощенных народов добиться политического равноправия. В национальных районах стояли русские войска. Некоторые национальные районы представляли военные губернаторства (Туркестан, Кавказ, Польша). Весь штат администрации, полиции, жандармерии состоял из русских, которые к тому же в большинстве не знали языка местного населения.

Под влиянием высокого подъема революционно-демократического движения масс в 1905 г., напуганное Всероссийской октябрьской политической стачкой, царское правительство 17 октября 1905 г. обнародовало манифест. Царь торжественно декларировал: даровать населению «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов»; созвать законодательную Государственную думу; привлечь к выборам все классы населения; не проводить в жизнь никакого закона без утверждения его Государственной думой. Напуганный революцией, самодержавный правитель клялся «обеспечить выборным от народа возможность действительного участия в надзоре за закономерностью действий... властей» [4].

19 октября 1905 г. был преобразован Совет министров, который должен был теперь направлять и объединять действия правительства. Этому органу, а не Государственной думе принадлежала законодательная инициатива, лишь он мог вносить в Думу законопроекты и утверждать их. При этом закон получал окончательную действенную силу только после подписания его монархом.

11 декабря 1905 г. был издан указ царского правительства о расширении избирательного права при выборах в Государственную думу [5]. Однако эта мера затронула лишь небольшую группу состоятельных лиц, владевших недвижимой собственностью, торгово-промышленными предприятиями. Фабрично-заводские рабочие, совершенно лишенные избирательных прав по булыгинскому проекту, были включены этим указом в особую из-

бирательную коллегию (рабочую курию) с правом избирать по одному уполномоченному на каждое предприятие, насчитывающее более 50 рабочих, и по одному на каждую тысячу рабочих на крупных предприятиях. Правительство предпочитало иметь дело с мелкобуржуазным кустарным элементом, а не с рабочими крупных промышленных предприятий, шедших в авангарде революционного движения. Царизм ограничивал доступ в Думу и революционно настроенной части крестьянства. В январе 1906 г. Министерство внутренних дел разослало земским начальникам циркуляр, который предупреждал о недопустимости во время избирательной кампании агитации со стороны противоправительственных партий, включая в их число не только социал-демократов и социалистов-революционеров, но даже кадетов [6]. 20 февраля 1906 г. царь подписал подготовленные председателем Совета министров С. Ю. Витте закон и указы сенату о Государственной думе и Государственном совете. По новому закону Государственный совет (состав которого наполовину назначался царской властью и наполовину избирался из черносотенных слоев дворян, крупных капиталистов и высшего духовенства) был превращен из совещательного в законодательный орган. Разъяснялось, что Государственная дума избирается на пять лет, но и до истечения этого срока государь может ее распустить и назначить новые выборы. Дела, подлежащие обсуждению Государственной думой, вносятся в нее министрами и главноуправляющими, а также государственным секретарем. Все принятые Думой постановления направляются в Государственный совет, а затем на утверждение царя. Только после этого они получают законную силу. Законодательная инициатива Думы не распространялась на основные законы государства. Государственный совет имел право отклонить любое решение Думы [7]. По существу этим законом и указами царское правительство отменило свой манифест 17 октября 1905 г.

Всего с апреля 1906 по февраль 1917 г. Государственная дума избиралась четыре раза: I Дума работала с 27 апреля по 8 июля 1906 г.; II — с 20 февраля по 2 июня 1907 г.; III — с 1 ноября 1907 по 9 июня 1912 г.; IV — с 15 ноября 1912 по 25 февраля 1917 г. (фактически — до 3 сентября 1915 г). Выборы в Думы по закону были не только крайне ограниченны для трудового населения

страны и ее национальных меньшинств, но всячески подтасовывались и в центре и на местах в угоду царскому правительству и эксплуататорским классам.

Выборы в I Государственную думу (как, впрочем, и в последующие) не являлись всеобщими: избирательного права были лишены женщины и свыше 2 млн. мужчин-рабочих, кочевые народы, военнослужащие, молодежь до 25 лет, т. е. в целом больше половины дееспособного населения страны.

Выборы были не равные. Избиратели делились на четыре курии, имевшие резко различные нормы представительства в соответствии с интересами дворян и буржуа: один выборщик приходился на 2 тыс. членов землевладельческой курии, на 7 тыс. — городской курии, на 30 тыс. — крестьянской курии, на 90 тыс. — рабочей курии. Таким образом, 1 голос помещика приравнивался к 3 голосам городской буржуазии, к 15 голосам крестьян и 45 голосам рабочих. Выборщики от рабочей курии посылали лишь 4% всех выборщиков в Государственную думу. При этом избирательные права были предоставлены только рабочим, занятым на предприятиях фабрично-заводской и горной промышленности, как уже отмечалось, предприятия должны были насчитывать не менее 50 рабочих [8].

Выборы были не прямые, а многостепенные. Для рабочих устанавливалась трехстепенная, а для крестьян — четырехстепенная избирательная система. Рабочие сначала выбирали уполномоченных; те на своем собрании избирали выборщиков в губернские избирательные собрания, общие для всех курий, где и происходили выборы депутатов в Государственную думу.

Что касается крестьян, то они вначале избирали так называемых десятидворников на волостной сход, а волостные сходы — представителей на уездные съезды; те в свою очередь посылали выборщиков на губернское избирательное собрание. Только землевладельцы, имеющие от 100 до 800 десятин, участвовали на уездных съездах непосредственно, т. е. царское правительство делало все, чтобы обеспечить помещичий состав депутатов Думы.

Выборы в условиях царского режима фактически не были тайными. Царизм предопределил также, чтобы Дума была по своему составу русской, а не многонациональной. Большая часть угнетенных народов России была

лишена избирательных прав, а те немногие нерусские депутаты, которые прошли в Думу, представляли в основном эксплуататорскую верхушку наций, нимало не заботившуюся о коренных интересах масс. Положение о Думе указывало, что в выборах не участвуют «бродячие инородцы» [9], что «в члены Государственной думы не могут быть избираемы лица, не знающие русского языка» [10], что «выборы в Государственную думу от губерний Царства Польского, областей Уральской и Тургайской и губерний и областей Сибирских, генерал-губернаторств Степного и Туркестанского и наместничества Кавказского, а также выборы от кочевых инородцев производятся на основании особых правил» [11]. Однако в ряде случаев эти «особые правила» так и не были выработаны. Ни одного представителя Туркестана, например, не было в I Думе, так как Дума была разогнана раньше, чем здесь прошла избирательная кампания [12].

Созыв Думы рождал у угнетенных народов надежду на получение национальных свобод. Но их права могли защитить в Думе только представители рабочего класса и трудящегося крестьянства, а царские власти максимально ограничили возможность избрания в Думу депутатов от эксплуатируемых масс. «Свободу» выборов «обеспечивали» карательные экспедиции против революционного движения, выборы проходили в условиях жестокого национального гнета, погромов. Эти обстоятельства усиливали влияние националистической идеологии на трудящиеся массы окраинных районов. Националисты стремились убедить трудящиеся массы, что в Думу надо выбирать не по классовому принципу, не крестьян, не рабочих, а представителей «своей» нации, и лучше состоятельных и образованных, чтобы они могли защитить «общенародные» интересы. Украинские националисты в газете «Рідный край», например, заявляли, что теперь «ни народных бунтов, ни революций не будет» [13]. Часть выборщиков поддалась этой агитации. На деле сами националисты еще на выборах предавали интересы «своей» нации, блокируясь с русскими кадетами, лишь бы пройти в Думу.

Всего в I Государственной думе было 478 депутатов. Председателем был избран кадет С. А. Муромцев. Кадеты получили 179 мандатов, т. е. более $^1/_3$ голосов. 94 крестьянских депутата объединились во фракцию трудови-

ков. К ним вначале присоединились рабочие и социал-демократы (меньшевики), но уже 12 июня социал-демократы выделились в самостоятельную фракцию (17 мандатов). В результате высокого подъема революционного движения черносотенно-монархические партии — «Союз русского народа», «Союз истинно русских людей», «Русская монархическая партия», «Партия правового порядка» — в I Государственную думу не прошли. На крайнем правом фланге оказалась фракция конституционно-монархической партии «мирного обновления» в составе 26 человек. Представители национальных меньшинств — поляки, литовцы, латыши, украинцы, мусульмане — сгруппировались во фракцию автономистов. Эта фракция объединила 63 человека, из них 44 польских депутата, которые составили так называемое польское коло, 5 литовских депутатов, 6 украинских, 5 латышских, 3 мусульманских депутата [14]. Социально-классовый состав данного национального представительства полностью отражал классовую сущность депутатского состава I Думы в целом. Трудовое население национальных районов в выборах фактически не участвовало. Так, например, от 5 северо-западных губерний (территория современной Белоруссии) в I Государственную думу были избраны 36 депутатов, из них — 10 помещиков, 5 из духовного звания, 8 интеллигентов, 12 крестьян (как правило, с большими земельными наделами) и лишь 1 рабочий, избранный по городской курии, член «Всероссийского железнодорожного союза» [15]. В Варшаве, где население получило право избирать двух депутатов Думы, борьба шла в основном между националистическими партиями польской и еврейской буржуазии. Победу одержала польская партия национал-демократов (эндеки), она провела в выборщики 60 своих кандидатов, остальные 20 были избраны от еврейской сионистской организации [16].

По национальному составу население России повсеместно было неоднородным, чем искусно пользовались правительство, эксплуататорские классы, духовенство. Разжигая национальную вражду, религиозный фанатизм, они добивались раздробления голосов избирателей среди трудовых масс и обеспечивали победу своим кандидатам. Нужно отметить, что большинство крестьян России наивно верило в непричастность царя к произволу и беззакониям, которые творились на местах, и надеялось на разрешение Думой насущного для них вопроса о земле. В избирательной кампании зажиточные крестьяне, как правило, равнялись на духовенство и помещиков, шли на блоки с ними.

Стремясь подавить революционное движение, царское правительство применяло по отношению к трудящимся массам самые жестокие формы террора: 70% губерний находилось на военном положении; в Прибалтике, Закавказье, Сибири, в центральных и южных губерниях действовали карательные экспедиции. В таких тяжелых для трудящихся масс условиях проходили выборы в 1 Государственную думу. Не могло быть и речи о широком их представительстве в этом учреждении.

Активный бойкот выборов в I Государственную думу со стороны большевистской партии также отразился на результатах выборов. В крупнейших промышленных городах страны — Петербурге, Москве, Харькове, Одессе и других рабочие бойкотировали выборы в Думу. В Польше под влиянием Социал-демократической партии Польши и Литвы значительная часть рабочих выступала также против участия в выборах в I Государственную думу. И большевики и польские социал-демократы считали, что выборы в Думу отвлекут трудящиеся массы от решения коренных вопросов революции на путь парламентских реформ. Они стремились использовать бойкот в целях революции, призывали рабочих и крестьян вместо участия в Думе готовить новое выступление против самодержавия.

Однако выборы проходили в обстановке фактически начавшегося спада революционного движения после поражения Декабрьского вооруженного восстания 1905 г. На выборах победили кадеты. Законопроекты, выдвинутые представителями трудовых классов, об отмене смертной казни, о личной неприкосновенности, о свободе и Другие были переданы в различные комиссии и не нашли практического разрешения. Тем не менее I Государственная дума не оправдала надежд царизма на использование ее в целях отвлечения масс от революции. В центре ее дебатов оказался важнейший вопрос российской действительности, а именно аграрный вопрос, обсуждение которого носило очень острый характер и закончилось предложением выработать закон о принудительном отчуждении помещичьих земель.

Всего 74 дня работало это первое выборное учреждение. 8 июля 1906 г. Дума была разогнана правительством, Царь объяснял закрытие Думы тем, что ее депутаты осмелились «указать ему на несовершенство основных законов» и опубликовали обращение к населению, в котором Дума настаивала на необходимости принудительного отчуждения помещичьих земель.

Несмотря на все это, царизм не решился на упразднение Думы, как таковой, учитывая, с одной стороны, продолжавшееся в стране революционное движение, а с другой — отрицательную реакцию западноевропейских правительств на роспуск этого представительного учреждения. В случае если царь не созовет вторую Думу, они грозили отказать ему в предоставлении займов. Требование западноевропейских политиков объяснялось прежде всего тем, что упразднение Думы может вызвать новый революционный подъем в России, а это в свою очередь окажет возбуждающее воздействие на пролетариат Запада. Учитывая сложившуюся ситуацию, царское правительство вынуждено было объявить, что 20 февраля 1907 г. на основе прежнего избирательного закона будет созвана II Государственная дума.

Действительно, как отмечал В. И. Ленин, «после разгона Думы правительство сдерживало возмущение страны только посредством военного террора. Усиленные и чрезвычайные охраны, аресты без конца, военно-полевые суды, карательные экспедиции, все это, вместе взятое, нельзя назвать иначе, как военным террором...

Военной силы беспощадного подавления хватило до сих пор, по крайней мере, только на то, чтобы посредством сенатских разъяснений отнять, вопреки закону, избирательное право у тысяч и десятков тысяч рабочих, неимущих крестьян, железнодорожников» [17].

Летом 1906 г. царское правительство объявило две трети России на военном положении, превратило страну в ряд независимых друг от друга сатрапий, отданных во власть бесконтрольно распоряжающихся генерал-губернаторов [18]. Только в Прибалтийском крае за 1906 г. были казнены более 1000 человек без всякого суда, карательными отрядами было сожжено более 300 крестьянских усадеб. От царских карателей крестьяне вынуждены были скрываться и в зимнее время жить в лесах, дичая и доходя до последней степени отчаяния [19].

Решительное наступление на рабочий класс со стороны капиталистов выразилось в организации массовых локаутов. В последней четверти 1906 г. число стачечников уменьшилось до 63 тыс., что составляло 13% по сравнению с числом стачечников во второй четверти того же года. Пошло на убыль и крестьянское движение. Если в мае — августе 1906 г. число уездов, охваченных революционными волнениями, достигало 250, то в сентябре — декабре — только 72 [20].

Рассматривая изменившиеся условия как временное затишье перед новым революционным подъемом, В. И. Ленин, большевистская партия считали необходимым отказаться от тактики бойкота и принять участие в выборах в Думу. Несмотря на начавшийся спад революции, политическая активность трудящихся масс достигала сравнительно высокого уровня. Значительная часть крестьянства, разочаровавшись в кадетах на опыте I Думы, отошла от них и примкнула к мелкобуржуазным и пролетарским группировкам. В результате, учитывая также участие в выборах большевиков, II Государственная дума по социально-классовому и партийному составу оказалась левее I Думы. Всего во II Думу было избрано 518 депутатов, из них 65 социал-демократов, 104 трудовика, 37 эсеров, 99 кадетов, 54 октябриста и черносотенца, 140 беспартийных. В I Думе от Украины, например, было 5 социал-демократических депутатов, 32 кадета; во II Думе — 12 социал-демократов, 13 кадетов. Председателем Думы был избран кадет Ф. А. Головин [21]. «Выборы новой Думы показали, — отмечал В. И. Ленин, — что несмотря на все преследования и запреты растет и крепнет революционное сознание в широких народных массах» [22].

В какой мере данное соотношение социально-классовых сил Думы нашло отражение в ее национальном составе? Из 518 депутатов Думы 187 являлись представителями национальных меньшинств, в том числе — 54 украинца, 46 поляков, 14 татар, 8 литовцев, 7 армян, 6 белорусов, 6 грузин, 6 киргизов, 6 евреев, 5 латышей, 5 эстонцев, 3 азербайджанца, 3 узбека [23]. Царское правительство всячески ограничивало возможности выбора в Думу представителей национальных меньшинств в пользу русского, и прежде всего зажиточного, населения. В Туркестане, например, от 5 378 тыс. коренного населения было избрано в Думу всего 6 депутатов, в то время как от

322 тыс. русского и «пришлого» населения — 7 депутатов [24]. Правительство тщательно следило за тем, чтобы от национальных меньшинств (как и от русского населения) в Думу проходили прежде всего представители крупного землевладения, капиталисты, имущие круги интеллигенции.

Представители польской либеральной буржуазии, объединившиеся в польское коло, насчитывали во II Думе 46 депутатов; мусульманская группа, в которую вошли представители зажиточных кругов татар, башкир, азербайджанцев, объединила 30 депутатов [25]. Члены польского коло, как правило, происходили из дворян, были крупными землевладельцами (имевшими от 200 до 1100 дес.), заводчиками, крупными арендаторами. Большинство представителей поляков, мусульман, украинцев, латышей, эстонцев и других примыкало к партии кадетов. Такой состав депутатов от национальных меньшинств объяснялся прежде всего избирательным цензом, который максимально ограничивал выбор в Думу депутатов от неимущих слоев населения.

Во II Государственную думу от северо-западных губерний были избраны 33 депутата, из них дворян — 8, лиц духовного звания — 3, интеллигентов — 11, крестьян — 4. Что касается рабочего класса, то от него к выборам, например, в Белоруссии был допущен лишь каждый четвертый, причем ни одного рабочего депутата так и не удалось провести в Думу [26]. Из крестьян Минского уезда, включенных в первоначальные списки избирателей, 50% не были допущены к участию в выборах. Крестьянских выборщиков заперли в архиерейские дома, их не выпускали и к ним никого не допускали. Затем их принудили дать клятву голосовать за черносотенцев и под стражей повели к избирательным урнам [27]. Из 98 выборщиков от Тифлисской губернии только двое могли быть от рабочих, остальные — от других классов. Из 32 выборщиков от Батумского и Сухумского округов только один был от рабочих [28]. Из 240-тысячного населения Баку и его районов лишь 15 тыс. человек имели право участвовать в выборах. В Бакинской губернии из 94 выборщиков только 4 были от рабочих [29].

Как и в I Думе, депутаты в основном являлись представителями эксплуататорских классов, духовенства, буржуазной интеллигенции, зажиточного крестьянства.

Революционно-демократическим элементам II Думы было нелегко отстаивать свои позиции. Правое крыло во II Думе во главе с такими махровыми шовинистами и погромщиками, как Пуришкевич, Крушеван, граф Бобринский, князь Святополк-Мирский, устраивали обструкции, оскорбляли левых депутатов, открыто призывали к погромам, оправдывали все зверства реакции. Кроме того, со времени I Думы значительно «поправели» кадеты; теперь они «каялись» и осуждали себя за то, что допустили в I Думе речи, «превращавшие Думу в митинг», клялись, что не будут больше «из Думы делать трибуну»; по всем принципиальным вопросам кадеты фактически шли в блоке с октябристами.

Несмотря на все попытки правых и кадетов отвлечь депутатов от обсуждения острых социально-политических проблем, центральным во II Государственной думе, как и в I, оказался аграрный вопрос. Революционные выступления большевиков и части крестьянских депутатов по аграрному и ряду других вопросов привели самодержавное правительство к выводу, что Дума выходит из повиновения. В результате и эта Дума через три с половиной месяца была распущена, причем для «обоснования» ее разгона царская охранка выдвинула против социал-демократической фракции провокационное обвинение в военном заговоре. В соответствии с этим обвинением 65 депутатов социал-демократов были привлечены к суду, и 16 из них немедленно высланы. 3 июня 1907 г. был опубликован царский манифест, который сообщал о роспуске Государственной думы и провозглашал новый избирательный закон о выборах в III Думу. Было предусмотрено резкое изменение соотношения численности выборщиков между куриями в пользу помещиков и крупной буржуазии. За ними было обеспечено 65% общего количества выборщиков. Число крестьянских выборщиков было сокращено вдвое — с 41 до 22%. При этом депутаты от крестьянской курии избирались теперь не только крестьянскими выборщиками, а всем составом губернского избирательного собрания. Число рабочих выборщиков сократилось с 208 до 112. Городская курия, ранее единая, была разделена на два разряда. Первый составляла крупная буржуазия, второй — мелкая буржуазия и городская интеллигенция. Таким образом, в соответствии с третьеиюньским избирательным законом один выбор-

щик приходился в землевладельческой курии на 230 человек; в городской курии первого разряда — на 1000 человек; в городской курии второго разряда — на 15 тыс. человек; в крестьянской — на 60 тыс. человек и в рабочей — на 125 тыс. человек. В соответствии с этими пропорциями землевладельческая курия, составлявшая всего 0,2% избирателей, выделяла 50% всех выборщиков; крестьянская курия, составлявшая 90% всех избирателей, выделяла всего 22% выборщиков [30].

Третьеиюньский избирательный закон тяжелым бременем лег на плечи угнетенных народов России, резко сократив и без того мизерное представительство от национальных окраин. Манифест сообщал: «Созданная для укрепления Государства Российского Государственная Дума должна быть русскою и по духу. Иные народности, входящие в состав Державы Нашей, должны иметь в Государственной Думе представителей нужд своих, но не должны и не будут являться в числе, дающем им возможность быть вершителями вопросов чисто русских» [31]. Предопределялось, что в тех окраинах, «где население не достигло достаточного развития гражданственности» [32], выборы в Государственную думу должны были быть временно приостановлены. Под этим предлогом фактически лишено было представительства в Думе коренное население восточных национальных окраин, Дальнего Востока и Сибири; исключены были из политической жизни страны кочевые народы; значительно сокращено представительство от избирателей Царства Польского и Кавказского края. Польша, например, имевшая во II Государственной думе 37 депутатов, теперь могла избрать только 14; Кавказ вместо 25 представителей мог послать только 10; Средняя Азия, от которой во II Государственную думу был послан 21 депутат, совсем лишилась представительства [33].

Под влиянием реакционных ограничительных мер III Государственная дума по своему социально-классовому составу оказалась черносотенно-кадетской. Из общего числа 442 депутатов в ней было 171 правых (черносотенцев), 113 октябристов, 101 кадет и близких к ним групп, 13 трудовиков, 18 социал-демократов (из них 4 большевика и 4 примыкавших к ним). Председателем Думы был избран октябрист Н. А. Хомяков, а с марта 1910 г. — октябрист А. И. Гучков. В Думе сложился так

называемый третьеиюньский блок, осуществлявший политику в интересах помещиков-крепостников и крупной буржуазии [34]. Реакционному избирательному закону соответствовал и реакционный состав III Государственной думы, которая безоговорочно поддерживала царизм как в его внутренней, так и во внешней политике. Революционное крыло в III Думе было слабым, социал-демократическая фракция, в большинстве своем меньшевистская, очень неохотно и непоследовательно ставила вопрос о необходимости ликвидации в России национального гнета. Само время работы III Думы — 1907—1912 гг. (Дума созывалась на пять лет) — для России было характерно усилением реакции и соответственно национального гнета. В эти годы была ликвидирована автономия Финляндии, от Царства Польского отделены Люблинская и Седлецкая губернии и искусственно сформирована новая Холмская губерния. Это было черносотенным походом против финского и польского народов и главным образом против местного рабочего и национально-освободительного движения. Образованием Холмской губернии царизм намеревался обострить отношения между польским, русским, украинским и еврейским населением, отвлечь трудящиеся массы этого района от революционных проблем.

В этот период формируются и развивают активную деятельность черносотенные организации. «Союз русского народа» (во главе с Н. Е. Марковым-2), «Союз Михаила Архангела» (во главе с бессарабским помещиком В. М. Пуришкевичем) специализировались на травле евреев. С их помощью было сфабриковано в 1911 г. «дело Бейлиса», спровоцирован в Киеве еврейский погром. «Национальный союз» (возглавлял подольский помещик П. Н. Балашов), опираясь на русских землевладельцев в юго-западных губерниях, проводил по отношению к польскому и украинскому населению обрусительную политику.

В декабре 1910 г. в России начинается заметное оживление рабочего движения. В 1911 г. число стачечников доходит до 100 тыс. (против 50 тыс. в 1910 г.). Ко второй четверти 1912 г., как отмечал В. И. Ленин, «это настроение наросло настолько, что проявилось в действии масс и создало *революционный подъем*» [35].

Решающим толчком к революционному пробуждению

масс послужили Ленские события — зверский расстрел мирной демонстрации рабочих Ленских золотых приисков в апреле 1912 г. Против произвола царских властей и капиталистов по всей стране начались стачки, демонстрации, митинги. Вслед за рабочим классом поднялось крестьянство и народы окраин, задыхавшиеся от безземелья, непосильных налогов, бесправия.

В сентябре — октябре 1912 г. проходят выборы в IV Государственную думу. Для сохранения реакционного состава Думы одного третьеиюньского закона было уже недостаточно. Правящие круги не гнушаются самых низкопробных средств, прибегают к различным предвыборным махинациям, прямой подтасовке. В Государственную думу было внесено 66 запросов, которые свидетельствовали, в частности, о незаконном лишении избирательных прав или о срыве выборов среди миллионов нерусских избирателей [36].

В выборах в III Государственную думу участвовало лишь 13 тыс. избранных уполномоченных, а в IV Думу — всего 7990. Но даже этот немногочисленный избранный круг людей, имевших право голоса, зачастую лишался возможности свободно осуществлять это право, поскольку администрация в одном случае отменяла намеченные выборы, в другом, — действуя путем угроз, прямого насилия, взяточничества и подкупов, аннулировала состоявшиеся выборы [37]. В национальных районах практиковалось назначение неудобного для избирателей дня выборов или организация голосования в пункте, слишком отдаленном от места их проживания. Нередко оповещение о выборах делалось за день до голосования, когда люди уже фактически не могли добраться до избирательного участка.

Так, в Кутаисской губернии остались без представительства наиболее крупные центры — г. Кутаис и портовый г. Поти; были сорваны выборы в Крыму [38]. В Люблинской и Седлецкой губерниях, где кандидат правительства не получил на выборах абсолютного большинства, администрация заставила производить избрание депутата трижды и в конечном счете утвердила баллотирование представителя православного населения [39]. Практиковался и расспрос о политических убеждениях, только после этого делался вывод, можно ли внести данного избирателя в список для голосования [40]. Наконец, в губер-

ниях со смешанным населением для ограничения числа нерусских избирателей применялся следующий прием. По усмотрению министра внутренних дел в этих районах избирательные участки могли быть созданы не по территориальному, а по национальному признаку — образование национальных курий (этим методом исключительно широко пользовались при выборах в IV Думу). Царская администрация использовала любой способ, чтобы выбрать в Думу представителей землевладельцев, но при этом прежде всего — русских землевладельцев. Местные власти намеренно исчисляли площадь землевладения национальных помещиков с преуменьшением [41].

При выборах в IV Думу в Минском уезде было создано 3 отделения избирателей, делившие их по национальной принадлежности — русские, поляки, евреи, с разным количеством представительства. В Екатеринославском уезде был применен тот же принцип: избиратели были разделены на 3 национальные курии — русские, греки, немцы. В этом же уезде 347 избирателей русской и других национальностей (за исключением еврейской) на съезд городских избирателей избирали четырех выборщиков, а 626 евреев — только одного выборщика. Подобные же явления имели место в уездах Александровском, Кременчугском, Полтавском, Виленском, Ковенском, Томском и др. Повсюду эти нарушения производились в интересах тех категорий избирателей, которые могли дать наиболее угодных правительству выборщиков [42].

Документы свидетельствуют о том, что насилия и произвол, имевшие место при выборах в IV Государственную думу, являлись не случайными злоупотреблениями, а новым, намеренным изменением избирательного закона правительственными органами. Тем не менее, основываясь на том, что, по официальным данным, «жалоб и протестов с мест не последовало» [43], Дума признала, что в большинстве губерний выборы были произведены правильно. Но что означало отсутствие официально поданных жалоб? Не более, как боязнь населения заявлять письменные протесты, что имело серьезные основания, ибо, согласно царскому законодательству, жалобщики строго наказывались. Только перечисление возмездий за жалобы занимало в указах правительства около трех страниц [44]. В том случае, если все-таки жалоба поступала, Дума по предложению правого крыла утверждала

правильность выборов, а сама жалоба «не подлежала рассмотрению за истечением времени»[45]. Приводимые в речах левых депутатов факты нарушения закона о выборах и произволе встречали яростное сопротивление реакционного большинства Думы. Черносотенцы цинично требовали не заявлений, а веских документальных доказательств, хорошо зная, что подобные доказательства невозможно было собрать, ибо правительство не разрешало вести следствие на местах. О необходимости такого рода следствий заявляли многие левые депутаты, предлагая в данном случае придерживаться § 14 и 16 Наказа III Думы. Однако эти справедливые предложения правым большинством Думы были отклонены под тем предлогом, что Сенат опротестовал Наказ III Думы и признал его противозаконным.

Получался заколдованный круг и полная безнаказанность местных властей, осуществлявших произвол по отношению к трудящимся массам вообще, и в особенности в национальных районах.

Каков же был результат выборов в Государственную думу IV созыва? В. И. Ленин, подводя итог выборов, делает следующие выводы: «Три лагеря смерили свои силы в избирательной борьбе. Лагерь правительственной контрреволюции оказался настолько бессилен, что пришлось подделывать выборы даже по закону 3 июня. Лагерь либерализма передвинулся еще и еще от демократии к крупной буржуазии»[46].

Третий лагерь — демократия. «О демократии как буржуазной (крестьянской), так и рабочей состав III и IV Думы не говорит почти ничего по той простой причине, что третьеиюньская система нарочито построена для исключения демократии. Равным образом и «национальные» партии, т. е. не принадлежащие к «главенствующей» народности, специально угнетены и придушены 3-им июня»[47]. В целом же «Дума поправела», хотя «страна полевела»[48].

Состав IV Государственной думы представлял следующее: всего 442 депутата, из них правых — 65, националистов и умеренно правых — 120, октябристов — 98, прогрессистов — 48, кадетов — 59; три национальные группы (польско-литовско-белорусская, мусульманская, польское коло) — 21, трудовики — 10, социал-демократы — 14[49].

Соотношение количества депутатов в различных фракциях свидетельствует о том, что, несмотря на революционный подъем в стране, правительству удалось сохранить в Думе контрреволюционное большинство.

Что касается национального состава IV Думы, то из 442 депутатов русских было 373, представителей других национальностей — 69. Число депутатов, входивших в 3 национальные группы, уменьшилось до 21 (в III Думе было 35 человек), представительство одного только польского коло сократилось на две трети[50].

Серьезную победу одержали на выборах большевики: по рабочей курии от 6 наиболее промышленных губерний, в которых насчитывалось $^4/_5$ рабочего класса России, в IV Думу были избраны только члены большевистской партии. Это обстоятельство имело особенно важное значение, так как именно большевистская фракция наряду с другими жизненно важными вопросами провела в Думе огромную работу в защиту равноправия народов России.

Под влиянием революционного движения в стране реакционное большинство в IV Думе не всегда могло противостоять революционной оппозиции, защищавшей интересы народных масс. Нередко обсуждения насущных социально-экономических и других вопросов заканчивались рекомендациями демократического характера.

Национальные группы указываются в документах Государственной думы наравне с другими политическими партиями, и это не случайно. Они имели вполне определенное политическое лицо и в своих решениях в Думе обычно примыкали к фракции народной свободы (кадетам). Своеобразие их заключалось лишь в том, что национальный вопрос они ставили на первый план.

Стремление правительства обеспечить себе в Думе абсолютное большинство правых депутатов русской национальности нашло отражение в том, что по таким губерниям, как Волынская, Киевская, Подольская, где основной массой населения были украинцы; Витебская, Минская, Могилевская, Гродненская, где основную массу населения составляли белорусы и евреи (в связи с тем, что на территории этих губерний располагалась черта еврейской оседлости), — по этим семи губерниям из 68 депутатов Думы 65 депутатов были русской национальности, причислявшие себя к фракциям правых и националистов[51].

Анализ национального состава IV Государственной думы свидетельствует о том, что привилегированное положение в России занимали немецкие землевладельцы-бароны. Например, составляя гораздо меньший процент населения Прибалтики по сравнению с литовцами и латышами, немцы имели в Думе столько же депутатов (7), сколько литовцы (5) и латыши (2), вместе взятые. Характерно, что от Виленской губернии (7 депутатов), где основную массу жителей составляли литовцы, в Думу прошло 4 поляка, 2 русских, 1 литовец. От Лифляндской губернии (4 депутата) — 3 немца, 1 эстонец. От Эстляндской губернии (3 депутата) — 2 немца, 1 эстонец. Эти данные наглядно показывают, что в Государственную думу избирались представители эксплуататорских классов, в основном крупные землевладельцы, которыми, как известно, в Эстонии и Латвии были немцы, в Литве — поляки [52].

По партийной принадлежности депутаты губерний Прибалтики и Царства Польского в основном относились к кадетам, прогрессистам, польскому коло и к октябристам. Такой партийный состав депутатов от Прибалтийского края и Польши предопределил основную линию поведения этих депутатов в Государственной думе: лояльность по отношению к правительству и неустанную борьбу за мелкие реформы, способствующие сохранению существующего строя.

Народы Сибири, Дальнего Востока, Якутии от выборов практически были отстранены. То же можно сказать и в отношении областей Средней Азии, которые вообще не фигурируют в перечне, представленном в Думу. От Казанской губернии, наполовину населенной татарами-башкирами, чувашами и представителями других национальностей, в Думу были избраны только русские. «Инородцам» не удалось послать в Думу ни одного представителя.

Выборы в IV Думу со всеми допущенными в ходе их злоупотреблениями и отступлениями от действующего избирательного закона, с многочисленными «разъяснениями», казалось бы, привели царизм к желанной цели — Дума «поправела».

Тем не менее правые не чувствовали и не могли чувствовать себя уверенно перед лицом растущего революционного движения масс. Убеждая кадетов в необходимости блока с черносотенцами, Пуришкевич откровенно заявил с трибуны Думы: «Что греха таить? Едва протащили ведь и нас в эту Думу, как нам ни помогало правительство. Создать Думу даже такой, как она есть теперь, представляло величайший труд, почти неосуществимый... Спешите пользоваться нами, пока мы здесь, потому что в следующей, пятой Думе нас ведь, может быть, и вовсе не будет» [53].

Но история распорядилась иначе. В результате самоотверженной революционной борьбы трудящихся масс в России в 1917 г. было сметено не только царское самодержавие, но затем ликвидирован и капиталистический строй. Государственная дума, как придаток старого эксплуататорского строя, навсегда ушла в прошлое. Пролетарская революция передала власть в руки Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, избранных на основе тех прав, о которых веками мечтало человечество, при полном равенстве всех граждан, независимо от национальности, вероисповедания и расы.

Большевики во главе революционного движения против национального гнета

В России поднималось, росло и ширилось национально-освободительное движение. Оно было тесно связано с рабочим движением и в период с 1905 по февраль 1917 г. являлось одним из потоков буржуазно-демократической революции, направленной против самодержавия и крепостных порядков.

В связи с социально-классовым расслоением народов России национально-освободительное движение не было единым. В нем с самого начала выделились два резко различных направления: революционно-демократическое, отвечающее интересам трудящихся масс, и буржуазно-националистическое, соответствующее интересам национальной буржуазии и идущее на компромисс с царизмом и русскими капиталистами.

Программные положения революционно-демократического характера были сформулированы в резолюциях и решениях рабочих митингов, сходов и съездов передовых слоев трудящегося крестьянства, учительства и студенчества. Эти документы отражали требования о равноправии граждан независимо от национальной принадлежно-

сти и вероисповедания и, как правило, областной автономии для таких самоопределившихся в хозяйственно-бытовом отношении областей, как Украина, Литва, Эстония, Грузия и др.

В многонациональной стране, какой была Россия, одним из важнейших условий победы демократической и социалистической революций и действительного решения национального вопроса являлось интернациональное воспитание и сплочение трудящихся масс всех народов страны. Эта труднейшая задача общественного прогресса страны была постоянно в центре внимания большевистской партии. Значительный опыт интернациональной солидарности трудящихся большевики накопили в годы первой русской революции. Подытоживая первый этап этой революции, В. И. Ленин писал: «Пятый год объединил рабочих всех наций России» [54]. Эту задачу интернационального воспитания масс большевики осуществляли в различных формах — в печати, с помощью митингов и демонстраций, в организации забастовок протеста против великодержавно-шовинистической политики царизма. Борьба большевиков за политическое равноправие народов России нашла яркое отражение в решениях съездов, конференций и пленумов ЦК РСДРП. Методологической базой решений партии по национальному вопросу были работы В. И. Ленина.

Большое значение в координации действий пролетариата России имел III съезд РСДРП (Лондон, апрель 1905 г.), чисто большевистский по составу. Съезд выработал тактику марксистской партии в демократической революции, вскрыл коренные разногласия между большевиками и меньшевиками, определил курс партии на вооруженное восстание против самодержавия. Съезд в значительной мере содействовал интернациональному сплочению трудящихся масс России и развитию национально-освободительного движения. Он принял ряд важных решений по национальному вопросу, рассматривая его в тесной связи с подготовкой к вооруженному восстанию.

Выступая на съезде, В. И. Ленин обратил внимание партии на необходимость учета опыта не только петербургских рабочих, но и рабочих национальных районов, где также образовались очаги революции, деятельность которых следовало координировать. Делегаты съезда по-

делились опытом организации революционной борьбы на Украине, в Белоруссии, в Прибалтике, в Польше, на Кавказе. Съезд принял резолюцию «По поводу событий в Польше», в которой, приветствуя мужество и решимость братского пролетариата Польши, выразил «уверенность в скором наступлении того дня, когда пролетариат всех национальностей России дружно выступит против ненавистного самодержавия и окончательной победой над ним расчистит себе путь для дальнейшей борьбы за социализм» [55]. В резолюции «По поводу событий на Кавказе» большевики указывали, что революционное движение охватило большинство населения Кавказа и дошло уже до всенародного восстания против самодержавия. Съезд поручил центральному и местным комитетам партии принять самые энергичные меры к наиболее широкому распространению сведений о положении дел на Кавказе путем брошюр, митингов, рабочих собраний, кружковых собеседований, чтобы обеспечить эффективную поддержку революционно-освободительного движения трудящихся Кавказа [56].

В резолюции III съезда РСДРП «Об отношении к национальным социал-демократическим организациям» отмечалось, что интересы экономической и политической борьбы пролетариата требуют объединения социал-демократических организаций всех национальностей России, а начавшаяся открытая революционная борьба против самодержавного строя и близость вооруженного восстания делают интернациональное сплочение трудящихся масс особенно необходимым. В связи с этим съезд выдвинул задачу скорейшего соглашения с национальными социал-демократическими организациями — Социал-демократией Польши и Литвы, Латвийской социал-демократией, Бундом — в целях координации действий и объединения всех социал-демократических партий в единой РСДРП [57]. В резолюции «О пропаганде и агитации» съезд подчеркнул необходимость издания всей партийной литературы на языках народов России [58]. В соответствии с решениями III съезда РСДРП центральным органом партии большевиков стала газета «Пролетарий».

Решения III съезда партии были горячо поддержаны передовыми рабочими России, большевистски настроенными социал-демократическими организациями Украины и Белоруссии, Кавказа и Латвии, умело объединявшими

рабочих различных национальностей. Отчет о съезде был опубликован и на еврейском языке, причем В. И. Ленин написал в качестве предисловия к этому отчету письм «К еврейским рабочим», изданное в 1905 г. редакцией центрального органа РСДРП — газеты «Пролетарий» отдельной брошюрой (на еврейском языке). В. И. Ленин выступил против бундовского национализма, что имел исключительное значение в интернациональном воспитании пролетариата. Он разъяснял, что сознательные рабочие всего мира стремятся к тому, чтобы «создать возможно более тесные связи и больше единения в планомерной социал-демократической борьбе рабочих различных национальностей»[59]. В. И. Ленин раскрывал величайший вред бундовского федерализма, выразившегося в выходе Бунда из РСДРП. И решения III съезда РСДРП, и труды В. И. Ленина, и большевистская печатная пропаганда содействовали высвобождению рабочих из-под влияния идеологии национализма и сплочению их в единую революционную армию против всех видов социального и национального гнета.

Несмотря на преследования революционной печати, большевики сумели сравнительно хорошо организовать снабжение рабочих своей партийной литературой. В годы первой русской революции большевики осуществляли широкую пропаганду идей пролетарского интернационализма не только в своей центральной печати — газетах «Вперед», «Пролетарий», «Новая жизнь», «Волна», «Эхо» и других, но и в местных газетах, а также листовках[60]. Идеи национального равенства и интернациональной солидарности трудящихся масс России латышские социал-демократы разъясняли на страницах газет «Дие енас лапа» («Дневной листок»), «Балс» («Голос»), «Апскатс» («Обозрение»), «Циня» («Борьба»); большевики Кавказа — в газетах «Кавказский рабочий листок», «Пролетариатис брдзола» («Борьба пролетариата»), «Гуммет» («Энергия»); большевики Сибири — в газетах «Красноярский рабочий», «Забайкальский рабочий»; большевики Туркестана — в газетах «Самарканд», «Русский Туркестан»; эстонские социал-демократы — в газете «Эдази» («Вперед»); литовские большевики — в газете «Виленский пролетарий»; большевики Поволжья и Средней Азии — в газете «Урал» (на татарском языке); в Казани выходила газета «Рабочий» и т. д.

Подчеркивая исключительное значение большевистской печати в борьбе за интернациональное воспитание рабочего класса, В. И. Ленин писал в 1905 г.: «Руководить партией при теперешнем гигантском, невероятном росте движения можно только печатью. И надо создать живые, подвижные, быстрые, краткие листки-бюллетени, дающие основные лозунги и итоги основных событий»[61].

За годы первой русской революции (по неполным данным) большевистскими организациями было издано более 2 тыс. листовок разных наименований. ЦК РСДРП и Бюро комитетов большинства издали за это время более 60 наименований листовок; Петербургский комитет РСДРП — до 300; Московский — до 400. В целом листовки издавали больше 50 большевистских комитетов и групп. В виде листовок большевистские комитеты издавали многие произведения В. И. Ленина[62]. Социал-демократические организации Латвии издавали листовки одновременно на нескольких языках — латышском, русском, еврейском, литовском, немецком, эстонском, польском, белорусском. За период 1904—1907 гг. социал-демократия Латвии издала более 2 тыс. листовок[63].

Действенную роль в интернациональном воспитании и сплочении масс России имели первомайские листовки большевиков. Прокламация «Первое мая» (1905 г.) была написана В. И. Лениным и издана не только в газете «Вперед», но и в виде отдельной листовки Московским, Рижским, Екатеринославским, Нижегородским и другими комитетами РСДРП. Призывая рабочих всех стран и народов к тесному союзу в борьбе против эксплуатации и политического бесправия, В. И. Ленин писал: «Долой вражду между рабочими разных национальностей или разных религий! Такая вражда выгодна только грабителям и тиранам, живущим темнотой и разрозненностью пролетариата. Еврей и христианин, армянин и татарин, поляк и русский, финляндец и швед, латыш и немец — все, все идут вместе под одним общим знаменем социализма. Все рабочие — братья, и в их крепком союзе единственная порука за благо и счастье всего трудящегося и угнетенного человечества»[64].

В 1905 г. ЦК РСДРП и большевистские комитеты на местах неоднократно обращались к массам с листовками, в которых разъясняли, что всеобщее, равное, прямое избирательное право при тайном голосовании включает

равноправие граждан независимо от их национальной принадлежности. Но это право можно завоевать лишь в самой решительной борьбе против самодержавного правительства за установление революционно-демократической диктатуры пролетариата и крестьянства. Эта диктатура осуществит главные требования трудящихся масс — демократическую республику, 8-часовой рабочий день, конфискацию помещичьих земель и передачу их крестьянам, а в области национальных отношений придет к власти трудящиеся массы под руководством рабочего класса утвердят принципы равенства народов, суверенитета и солидарности в борьбе за демократию и социализм.

В августовской листовке 1905 г. ЦК РСДРП отмечал, что избирательным правом в представительные учреждения должны обладать «все взрослые люди, мужчины и женщины, русские и поляки, евреи и армяне и проч.» [65]. Анализируя программу рабочего класса в октябрьских событиях 1905 г., В. И. Ленин в статье «Наши задачи и Совет рабочих депутатов (Письмо в редакцию)» подчеркивал, что политические цели Всероссийской забастовки «состояли в освобождении всех народов России от ига самодержавия, крепостничества, бесправия, полицейского произвола». Характеризуя программу временного революционного правительства (которое сформировалось бы в результате свержения царизма), В. И. Ленин отметил наряду с другими политическими требованиями необходимость немедленного предоставления действительной и полной свободы угнетенным национальностям [66].

Русский рабочий класс шел во главе национально-освободительного движения, решительно и беззаветно борясь за ликвидацию в России позорной системы национального гнета. Комитеты РСДРП Москвы, Петербурга, Нижнего Новгорода, Ярославля, Тулы и других городов в своих листовках и воззваниях неуклонно требовали свободы народам России, боролись против насилия над национальными меньшинствами, активно выступали против погромов. Петербургский комитет РСДРП в начале января 1905 г. в листовке «Падение Порт-Артура» потребовал уничтожить национальные и религиозные привилегии. Этот же призыв был включен им в другую, январскую листовку «Ко всем петербургским рабочим». В листовке «К солдатам» 8 января 1905 г., убеждая солдат не стре-

лять в народ, петербургские большевики писали: «Народ требует, чтобы вместо царя Россией управляло собрание выборных от народа. Народ требует, чтобы все племена — русские, поляки, финляндцы, армяне, грузины, евреи, литовцы, немцы, латыши, киргизы, татары — были равны перед законом» [67]. Тульский комитет РСДРП в листовке «Ко всем жителям г. Тулы» (31 марта 1905 г.), разоблачая утверждение черносотенно-погромных прокламаций, будто допущение трудящихся масс всех наций России к управлению государством вредно для русского народа, писал: «Они (черносотенцы. — *Авт.*) говорят, что в число выборных попадает много всяких богатых инородцев: евреев, поляков, финляндцев, что русские будут у них в подчинении. Это — ложь... если же случится, что когда-нибудь русские выберут своим представителем не природного русского, то что из этого? Для нас все народы равны, мы различаем только честных людей от бесчестных, друзей народа от врагов его» [68]. Северо-Западный комитет РСДРП в листовке «Ко всем рабочим» в январе 1905 г. четко сформулировал, что социал-демократы борются «против народного бесправия, полицейского произвола и национального гнета» [69].

Бакинский комитет РСДРП в апреле 1905 г. в листовке «Ко всем рабочим г. Баку», обосновывая необходимость перехода России к демократическому строю, указывал, что правом выбирать и самому быть избранным в представительные учреждения должен пользоваться «каждый гражданин, достигший 20-летнего возраста, будь то мужчина или женщина, русский, еврей, армянин или грузин, христианин или магометанин» [70]. В листовке в популярной форме излагались основные требования национальной программы РСДРП применительно к Кавказу. «Все социал-демократы, — разъясняли большевики, — хотят широкого областного самоуправления для Кавказа, уничтожения всякого национального гнета, свободы и равенства всех языков, религий и народов на Кавказе. Они хотят, чтобы всякий имел право и возможность говорить, писать, учиться и защищаться на суде на своем родном языке. РСДРП признает, кроме того, право за каждым народом на самоуправление. Но при данных условиях социал-демократы не стоят за федеративную автономию Кавказа. Она повела бы только к замене русского господства на Кавказе господством одной из кавказских наций

над всеми другими, она еще более обострила бы национальную борьбу на Кавказе: внесла бы рознь в среду кавказского пролетариата, мешая тем сплочению пролетариата разных кавказских наций между собой и всего кавказского пролетариата с российским. Самая борьба за федерацию отвлекла бы кавказских рабочих от борьбы за более насущные нужды»[71]. Основная задача, разъяснял бакинские большевики, была в завоевании в совместной борьбе кавказского и российского пролетариата демократических свобод с последующим переходом к социализму, поскольку окончательное решение национального вопроса возможно лишь в социалистическом обществе. «Мы должны потребовать, — призывали тифлисские большевики, — чтобы каждый совершеннолетний гражданин имел право принять участие в управлении государством, будет ли он грузин, армянин, еврей или русский, мужчина или женщина... чтобы каждый гражданин без различия пола, национальности и вероисповедания имел право послать своего представителя в будущий российский парламент»[72].

В листовке «Товарищи и граждане» (9 декабря 1905 г.) Екатеринославский коалиционный боевой комитет требовал созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании без различия пола и национальности[73]. Большевики Ташкента писали в статье «Чего хотят рабочие» («Солдатский листок «Правда»», № 2): «Мы, социал-демократы, должны требовать, чтобы в республике каждая нация имела право определить свою судьбу, т. е. желает ли она оставаться в государственном союзе с другими, а если нет, чтобы могла выделиться в государства... рабочий класс требует равноправия населяющих Россию национальностей и признания за каждой национальностью права на самоопределение, т. е. определения своего внутреннего управления и своего отношения к Российской республике»[74].

В большевистской печати, обращенной к трудящимся массам, разъяснялось, что в России фактически шли две войны»: демократическая — «борьба за республику и демократические свободы»; социалистическая — «пролетарская борьба за республику и за социализм»[75].

Большевики разоблачали в своих газетах и листовках погромную политику царизма и призывали пролетариев

России готовиться к вооруженному восстанию против самодержавия. В написанной В. И. Лениным прокламации «Первое мая» (1905 г.) особенно подчеркивалась руководящая роль рабочего класса в защите национальных свобод и укреплении основ пролетарского интернационализма[76].

Большим успехом большевиков в борьбе за единство рабочих всех наций было достигнутое ими слияние национальных социал-демократических организаций с РСДРП, начатое на IV съезде РСДРП (Стокгольм, апрель 1906 г.) и завершенное в мае 1907 г. на V съезде РСДРП, большевистском по своему составу. Основой этого слияния явилась длительная и непримиримая борьба большевиков под руководством В. И. Ленина не только против черносотенной политики самодержавия, но и против проявлений национализма и тенденций к национальной обособленности внутри социал-демократической партии. В. И. Ленин писал по этому поводу: «Чем усерднее разбойничье царское самодержавие старается посеять рознь, недоверие и вражду среди угнетенных им национальностей, чем отвратительнее его политика, натравливающая темные массы к зверским погромам, — тем больше лежит на нас, социал-демократах, обязанность работать над тем, чтобы все разрозненные социал-демократические партии различных национальностей слились в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию»[77].

В «Докладе об Объединительном съезде РСДРП (Письмо к петербургским рабочим)» (май 1906 г.) В. И. Ленин отмечает, что под влиянием объективной логики революционных событий национальные социал-демократические организации — Бунд, Латвийская социал-демократия, Социал-демократия Польши и Литвы — пришли к выводу о необходимости объединения с Российской социал-демократической рабочей партией[78].

V съезд РСДРП уделил огромное внимание национальному вопросу и борьбе против национализма, что было отражено в его резолюциях «О национальном вопросе в связи с деятельностью с.-д. думской фракции», «О народовольческой демократии», «Об объединении с Армянской с.-д. рабочей организацией». Съезд отметил, что социал-демократическая думская фракция во II Государственной думе не уделяла достаточного внимания нацио-

пальному вопросу, не использовала эффективно думскую трибуну для освещения национального вопроса в России и установления тесной связи с широкими массами населения угнетенных национальностей [79].

В резолюции «О народовой демократии» также подчеркивалось, что единственной выразительницей интересов пролетариата всей России, а следовательно и Польши, в Государственной думе должна быть социал-демократическая фракция и одной из ее самых главных задач является постоянное разоблачение политики буржуазных партий и борьба с ними, в частности польского коло, руководимого реакционной, националистической партией эндеков (народовцы). В резолюции указывалось, что польское коло, пользуясь отсутствием непосредственных представителей польского пролетариата и недостаточной осведомленностью социал-демократической фракции о своеобразных условиях общественно-политической жизни Польши, проводит политику буржуазного контрреволюционного национализма, является непримиримым врагом пролетариата и путем националистической, антисемитской агитации оказывает определенное влияние на отсталую часть польских рабочих, вовлекая их в погромы против революционного движения. Съезд призвал социал-демократическую думскую фракцию к беспощадному разоблачению контрреволюционной черносотенной сущности польских национал-демократов, указав, что социал-демократическая фракция не должна входить в какие бы то ни было переговоры и соглашения с польскими народовцами, и подчеркнул необходимость установления со стороны фракции тесных связей с социал-демократией Польши и Литвы, чтобы систематически получать материалы как для критики народовцев, так и для успешной защиты с трибуны Думы интересов пролетариата этих районов страны [80].

Серьезным успехом большевиков в борьбе за сплочение передовых рабочих России в единую интернациональную партию было вовлечение в РСДРП Армянской социал-демократической рабочей организации. В целом V съезд РСДРП явился значительной победой большевиков в рабочем движении, он высоко поднял знамя революции и интернационализма, выступил в защиту равноправия всех народов России.

В тяжелых условиях поражения первой русской ре-

волюции и наступления в стране реакции в связи с государственным переворотом 3 июня 1907 г. большевистская партия ушла в глубокое подполье, В. И. Ленин и многие руководящие деятели партии вынуждены были эмигрировать за границу. Несмотря на все эти трудности, большевистская печать продолжала оставаться главным рупором революции, средством объединения всех прогрессивных сил России, и на ее страницах по-прежнему осуществлялась защита принципов демократии и социализма в национальных отношениях.

Благодаря исключительной энергии В. И. Ленина не прекращалось издание нелегальной большевистской газеты «Пролетарий». В 1908 г. В. И. Ленин организовал ее выпуск в Женеве, в 1909 г. — в Париже. Редакция центрального органа фактически осуществляла роль Центрального Комитета партии большевиков. Совещание расширенной редакции «Пролетария» (Париж, июнь 1909 г.) отметило в своих резолюциях, что общей и основной задачей в период реакции являлось сохранение и укрепление РСДРП, проведение по-прежнему революционной, социал-демократической тактики. В области теории на первый план выдвигалось отстаивание и развитие марксистского мировоззрения; в области же практическо-политической работы прежде всего необходимо организовывать на всех фабриках и заводах чисто партийные ячейки, которые должны войти в самое тесное соприкосновение с рабочей массой, вести живую экономическую агитацию и борьбу, усиленно развивать политическую агитацию, используя при этом крайне важный и богатый агитационный материал, который давала III Государственная дума [81].

Ввиду тяжелого положения, переживаемого партией, совещание расширенной редакции «Пролетария» считало необходимым сосредоточить силы на восстановлении партии, и в первую очередь рабочих комитетов как основных партийных ячеек, и на постановке литературной агитации, легальной и нелегальной (местные и областные газеты, листки, прокламации и т. д.). Редакция рекомендовала в большевистской печати «продолжать пропаганду непосредственной революционной борьбы народных масс (политические забастовки, восстания и пр.), разъясняя опыт всех практиковавшихся ее методов в прошлом и условия возможного дальнейшего ее применения» [82].

В соответствии с решениями совещания расширенной редакции «Пролетария» из членов Большевистского Центра, живших и работавших непосредственно в России, был организован Русский Большевистский Центр (РБЦ) [83]. Главными органами большевиков являлись с октября 1910 по июль 1912 г. нелегальная «Рабочая газета», в 1910—1911 гг. — легальная газета «Звезда», а с мая 1912 г. — массовая ежедневная газета «Правда».

Большевистская печать была важнейшим средством борьбы рабочего класса против засилья реакции, за подготовку нового революционного подъема, за разоблачение черносотенно-шовинистической политики царизма. Этому же кроме газет служили легальные ежемесячные большевистские журналы — «Мысль» (М., 1910—1911 гг.), «Просвещение» (Пб., 1911—1914 гг.).

«Просвещение» опубликовало работы В. И. Ленина «Критические заметки по национальному вопросу» (1913, № 10—12), «О праве наций на самоопределение» (1914, № 4—6) и другие, а также статьи руководящих работников партии: И. В. Сталина «Национальный вопрос и социал-демократия» (1913, № 3—5), Н. Скрыпника «К национальному вопросу» и «О том, как бундисты разоблачили ликвидаторов» (1913, № 6); статьи партийных корреспондентов: В. Волгина «Итог процесса Бейлиса» (1913, № 10), Г. Каменского «От национализма к ликвидаторству» (1913, № 10). В центральном органе РСДРП «Социал-демократ» были опубликованы статьи В. И. Ленина «Царь против финского народа» (октябрь 1909), «Поход на Финляндию» (апрель 1910), «О национальной программе РСДРП» (декабрь 1913). Наибольшее число ленинских статей по национальному вопросу было помещено в газете «Правда»: «Рабочий класс и национальный вопрос» (май 1913), «Отсталая Европа и передовая Азия» (май 1913), «О черносотенстве» (сентябрь 1913), «О «культурно-национальной» автономии» (ноябрь 1913), «Нужен ли обязательный государственный язык?» (январь 1914), «Законопроект о национальном равноправии» (март 1914), «Развращение рабочих утонченным национализмом» (май 1914), «Национальное равноправие» (апрель 1914).

Разоблачению колонизаторской сущности национальной политики царизма рабочими депутатами с трибуны

Государственной думы была посвящена брошюра Н. А. Семашко (Александрова) «Социал-демократическая фракция в III Государственной думе» (1910 г.) В 1914 г. в Тифлисе на армянском языке вышла брошюра С. Г. Шаумяна «О национально-культурной автономии», направленная против армянских националистов и ликвидаторов.

Защита интересов национальных меньшинств осуществлялась и местной большевистской печатью: московскими газетами — «Наш путь», «Рабочий голос», «Пролетарий»; латышскими — «Циня» («Борьба»), «Яуна Балсс» («Новый голос»); литовской газетой «Вилнис» («Волна»); эстонской газетой «Кийр» («Луч»); газетами «Ташкентский рабочий», «Листок тифлисского пролетария», «Голос из подполья» (Барнаул) и другими.

В 1914 г. украинские рабочие с помощью большевистского депутата IV Государственной думы Г. И. Петровского добились издания легального еженедельника «Донецкая Заря»; в Баку большевики издавали журнал «Современная жизнь», в котором были перепечатаны из центральных изданий партии некоторые работы В. И. Ленина, в том числе по национальному вопросу.

Большевистская печать в популярной форме обосновывала необходимость введения полного политического гражданского равенства всех народов России, прав наций на самоопределение вплоть до политического отделения. На страницах газет и журналов большевики раскрывали перед русским рабочим классом сущность его интернационального долга по отношению к угнетенным народам России — возглавить национально-освободительное движение, в революционной борьбе защищать повседневные нужды всех народов страны. С помощью своей нелегальной и легальной печати большевики отстаивали интернациональное единство трудящихся масс всех народов России. Газета «Наш путь», выходившая в Москве, публиковала материалы о жизни и борьбе рабочих Прибалтики, Украины и других национальных районов страны, перепечатывала статьи и заметки из эстонской рабочей газеты «Кийр» и других местных газет. Газеты Прибалтики освещали жизнь российского пролетариата, помещали информацию о забастовочном движении в Петербурге, Москве, Баку и других городах страны. В свою очередь большевики Азербайджана знакомили рабочих

с революционными событиями в центральных городах России, а также в Риге, Киеве, Ташкенте и др.[84]

Действенным средством интернационального воспитания и сплочения трудящихся масс России были большевистские листовки. Массовый выпуск нелегальных листовок особенно хорошо был организован в городах Украины и Белоруссии[85].

Так, в листовке «Что должен помнить каждый солдат?» (1907 г.) говорилось: «Правительство притесняет один народ больше другого, натравливает один народ на другой, науськивает на евреев, поляков, армян, татар, латышей, устраивает погромы. И солдат посылает помогать погромщикам... Пусть знает солдат, что не место ему среди погромщиков»[86]. В 1909 г. в одной из листовок, изданных в Баку, большевики вскрывали Неизбежность национального гнета в условиях капиталистического строя: «Национальный вопрос, национальный антагонизм, — писали большевики, — будет существовать все время, пока существует буржуазия. Только ликвидация частной собственности, эксплуатации и классового господства может положить предел всем видам угнетения, в том числе и национализму. В буржуазном строе национальная вражда, национальное угнетение могут быть ограничены и смягчены только при полном торжестве демократии, при демократической республике, которая гарантирует свободу культурного и политического самоопределения всех национальностей, входящих в состав государства, равноправие всех граждан без различия национальностей, свободу языка в литературе, в школе, в суде. За это и борется социал-демократия». Листовка заканчивалась призывом большевиков к интернациональному сплочению трудящихся России, прежде всего рабочего класса. «Для успешного осуществления... великих задач, — разъяснялось в ней, — рабочему движению прежде всего необходима солидарность и братство рабочих всех национальностей, совместная борьба против общего врага»[87].

Петербургский комитет РСДРП в листовке 1910 г. призывал рабочих депутатов Думы выступать «против неслыханного разгула националистических страстей, травли инородцев и подавления окраин, за равноправие национальностей». Тульские большевики в одной из прокламаций 1910 г. подчеркивали, что у рабочих и крестьян

есть один общий враг — это класс угнетателей и против этого общего врага должны совместно бороться рабочие и крестьяне всех национальностей[88].

В связи с наступлением царизма на демократические права финского народа Рижский комитет РСДРП издал в 1910 г. листовку «Долой притеснителей Финляндии», тифлисские большевики выпустили листовку «Финляндия в опасности». Большевики Эстонии в первомайской листовке 1910 г. заклеймили царское правительство как душителя финского народа[89].

Большевистская партия выполняла с помощью печати разностороннюю работу по интернациональному воспитанию и сплочению трудящихся масс России, помогала рабочему классу осуществлять самостоятельную национальную политику в интересах классовой борьбы за демократию и социализм.

В повседневной борьбе против национального гнета большевики использовали разнообразные формы, в том числе митинги, демонстрации, забастовки. В годы первой русской революции и в последующий период все эти формы применялись главным образом для разоблачения черносотенно-погромной политики царизма по отношению к полякам, финнам, евреям, армянам и проч.

Под руководством большевиков пролетариат России уже в январе 1905 г. начал создавать свои отряды самообороны против полиции, казаков, войск, черных сотен. Так, в Лодзи в дни январской забастовки 1905 г. полицейские пытались организовать еврейский погром, пустив слух об убийстве евреями священника, но стачечники разоблачили и избили провокаторов. В Харькове, Ковно, Минске, Гомеле социал-демократы организовали отряды самообороны из русских и евреев и сорвали планы полиции. Казанский комитет РСДРП окрестил погромы политикой «мордобойного патриотизма». В листовке Самарского комитета РСДРП «Последние друзья самодержавия» было сказано, что в народной междоусобице видит царизм единственное спасение от народа.

Минская группа в воззвании «К товарищам», Тульский комитет РСДРП в листовке «Ко всем жителям г. Тулы», Казанский комитет РСДРП в листовках «Ко всем», «К обществу» и других разоблачали черносотенцев[90].

Трижды в 1905 г. — в феврале, августе и сентябре —

в огне погромов пылал Баку. Только за 6—8 февраля в Баку погромщики убили и изувечили 830 взрослых и детей [91]. Натравливая азербайджанцев и армян друг на друга, царизм стремился ликвидировать один из сильнейших опорных пунктов рабочего движения в России. Но реакционные силы сталкивались и здесь с непреоборимым препятствием — интернациональной солидарностью пролетариата. На провокации царского правительства рабочие Азербайджана отвечали еще большей сплоченностью. Практика подтверждала важное теоретическое положение В. И. Ленина о том, что разжигание расовой и племенной ненависти хотя и может на короткое время задержать развитие классовой борьбы, но неизбежно приводит к еще большему расширению арены новой борьбы, к еще большему озлоблению народных масс против царизма [92].

Под руководством большевистской партии в Баку — в Балаханах, Сабунчах и других районах города — были созданы рабочие дружины, в которые вошли рабочие разных национальностей: азербайджанцы, члены социал-демократической организации «Гуммет», русские, армяне, грузины и др. Эти интернациональные дружины решительно и беззаветно выступили против погромщиков [93]. Центральная большевистская газета «Вперед» отмечала, что в Баку социал-демократы вели открытую агитацию на ежедневных митингах на улицах и в зданиях заводов и мастерских. Число участников доходило на митингах до 6 тыс. Социал-демократы призывали к братству народов и к объединению их с целью свержения самодержавия путем вооруженного восстания. Речи говорились на русском, татарском и армянском языках. По пути выяснялись и другие пункты социал-демократической программы, раздавались десятки тысяч листовок, собирались деньги на вооружение [94]. Пропаганду и агитацию среди трудящихся Баку вели испытанные большевики М. А. Азизбеков, М. Б. Ахундов, Ц. С. Бобровская, М. Васильев-Южин, П. А. Джапаридзе, П. В. Монтин, И. Т. Фиолетов, С. М. Эфендиев и др.

Отношение большевистской партии к событиям в Баку было кратко и ясно выражено в первомайской листовке 1905 г., написанной В. И. Лениным. «Царское правительство, — подчеркивал В. И. Ленин, — старается натравить один народ на другой, оно устроило побоище в

Баку, наклеветав татарам [95] на армян, оно готовит теперь новое побоище против евреев, разжигая в темном народе ненависть к ним.

Товарищи рабочие! Мы не позволим больше так надругаться над русским народом. Мы встанем на защиту свободы, мы дадим отпор всем, кто хочет отвлечь народный гнев от нашего настоящего врага. Мы поднимем восстание с оружием в руках, чтобы свергнуть царское правительство и завоевать свободу всему народу» [96].

Горячее сочувствие потерпевшим от погрома бакинцам выразили рабочие Петербурга, Москвы, Николаева, Киева, Казани, Гомеля, Ж.лобина и других городов. Протесты против бакинского погрома сопровождались призывами к свержению самодержавия.

13 и 14 февраля 1905 г, под руководством большевиков рабочие — грузины, армяне, русские, азербайджанцы — сумели дать отпор царским властям, которые стремились вызвать в Тифлисе армянский погром. Демонстрации протеста против погрома собрали под. знамена революции и братства народов 20-тысячную толпу [97]. Большое значение в укреплении интернационального единства рабочих имело распространение прокламации Тифлисского комитета РСДРП «Да здравствует международное братство!», отпечатанной в нелегальной (Авлабарской) типографии на грузинском, русском и армянском языках.

Большевики явились инициаторами и активными участниками борьбы против межнационального погрома в Эривани (Ереване). Они добились разрешения созвать в эриванской городской думе митинг, который призвал армян и мусульман бороться за прекращение резни, за установление межнационального мира. В результате энергичных действий социал-демократов и прогрессивных сил погром был прекращен.

Выполняя роль не только агитатора и пропагандиста, но и организатора интернационального объединения пролетариата России в революционной борьбе, большевистская печать, прежде всего газета «Новая жизнь», разъясняла задачи рабочего класса в специальных разделах — «Черная сотня», «Погромы» и т. п., в которых освещались события в Баку, Одессе, Варшаве, Казани, Нижнем Новгороде, Феодосии и других городах, ставших жертвами погромной политики царизма.

В большевистской газете «Волна» был выделен раздел «К борьбе с черносотенцами», в котором обобщался опыт рабочих по отпору силам реакции; газета «Вперед» опубликовала статьи «К борьбе с черной сотней», «Белостокская резня». III съезд РСДРП, Рижская конференция РСДРП в своих решениях резко осудили погромную политику царизма и призвали к борьбе против нее.

В резолюции III съезда РСДРП «Об отношении к тактике правительства накануне переворота» большевики отметили, что царизм «организует так называемые черные сотни и поднимает против революции все вообще реакционные, бессознательные или ослепленные расовой и религиозной ненавистью элементы народа...» [98] В связи с этим съезд рекомендовал всем партийным организациям неуклонно разоблачать в пропаганде и агитации реакционные цели правительства, «организовывать вооруженный отпор выступлению черных сотен и всех вообще реакционных элементов, руководимых правительством» [99].

В. И. Ленин в статье «Черные сотни и организация восстания» (29 (16) августа 1905 г.) призвал рабочий класс России в ответ на погромы мобилизовать свои силы для подготовки восстания с целью свержения царизма. В статье анализировался положительный опыт Борисоглебской группы РСДРП и социал-демократов Екатеринослава, которым, как отмечал В. И. Ленин, принадлежал почин создания вооруженной самообороны рабочих, способных противостоять контрреволюции в условиях, когда царское правительство навязывало народу гражданскую войну [100].

Работавшая в сентябре 1905 г. в Риге конференция РСДРП, в которой кроме большевистского ЦК РСДРП приняли участие представители меньшевистской Организационной комиссии, Бунда, Латышской социал-демократической рабочей партии, Польской социал-демократии, Революционной украинской партии, в резолюции «По поводу событий на Кавказе» выразила глубокое сочувствие армянам и азербайджанцам Баку, а также пролетариату Кавказа. Конференция высказала убеждение, что рабочие Кавказа и впредь, несмотря ни на какие препятствия, будут продолжать революционную борьбу вместе с пролетариатом всей России для достижения окончательной победы над царизмом. Раскрывая реакционную сущность

националистической политики царизма, конференция отмечала: «Политика натравливания одной национальности на другую за последние годы сделалась в руках правительства главнейшим орудием борьбы с революционным движением пролетариата и в недавних кавказских событиях достигла своего апогея, вылившись в кровавую резню между армянами и татарами». Конференция подчеркивала, что «только солидарная борьба пролетариев всех национальностей под единым знаменем социал-демократии сможет оказать надлежащий отпор национальной политике царизма». Под этой резолюцией подписались делегаты всех партий, кроме меньшевиков [101]. Таким образом, соглашательская, оппортунистическая политика меньшевиков привела их в конечном счете к отказу от борьбы против великодержавного шовинизма.

Митинги и демонстрации, осуждающие провокационную политику царизма, проходили в Тифлисе и Батуме, в Петербурге и Москве, Киеве и Одессе, Харькове и Феодосии, Екатеринославе и Казани и других городах.

В резолюции рабочего митинга г. Иваново-Вознесенска 7 сентября 1905 г. было отмечено, что «натравливание несознательных масс на интеллигенцию, возбуждение национальной вражды между народностями, населяющими Россию... погромы и избиения, являясь гнусными по своему существу, показывают в то же время бессилие царского правительства» [102]. О том же писали рабочие Риги в резолюции сентябрьского митинга [103], харьковские большевики — в листовке ««Подвиг» черной сотни и полиции в Нижнем Новгороде» [104].

Энергичное сопротивление польских рабочих погромам в октябре 1905 г. выразилось в четкой организации самообороны. Попытки царских властей произвести в Лодзи еврейский погром рабочие встретили в штыки [105]. Решительная позиция рабочего класса охладила пыл провокаторов, и погром удалось предотвратить. Дружный отпор попыткам черносотенцев устроить в октябре 1905 г. еврейский погром в Риге и Либаве (Лиепае) дали Руководимые социал-демократами военно-боевые организации Латвии [106].

Под влиянием агитационно-пропагандистской деятельности большевиков в борьбу против погромов стали включаться крестьяне и солдаты. В Екатеринославе в июне — июле 1905 г., в Риге в октябре 1905 г., в Казани

и Седлеце в июле 1906 г. солдаты помогли рабочим прекратить погромы.

Съезд Всероссийского крестьянского союза, проходивший в начале ноября 1905 г., указал в своих решениях, что Учредительное собрание должно быть избрано путем всеобщего, равного, прямого и закрытого голосования без различия пола, народности и вероисповедания. Депутаты съезда выразили протест против нарушения основных прав сограждан, живущих в Польше и в тех губерниях, где было введено военное положение и усиленная охрана, потребовали отмены смертной казни и исключительных законов. В резолюции «По вопросу об еврейских погромах» крестьянский съезд осудил антисемитскую политику царизма и призвал к борьбе с ней [107].

Прогрессивные писатели присоединяли свои голоса к тем, кто выступил в защиту угнетенных народов России. Л. Н. Толстой, А. М. Горький, В. Г. Короленко, Э. Вильде, М. М. Коцюбинский, Ш. Алейхем, О. Туманян, М. А. Сабир и другие гневно разоблачали политику царских властей, инспирирующих погромы и вражду между людьми разной национальности. А. М. Горький написал статью о кавказских событиях, в которой, разоблачая погромщиков, делал вывод о том, что у всех народов Кавказа один враг — царское правительство. Обращаясь к рабочим, он призывал: «Сольемся в одну великую непоборимую волю и тогда — свобода». Статья была опубликована в ноябрьском номере газеты «Баку» в виде передовой под заглавием «М. Горький о татаро-армянских отношениях» [108]. М. А. Сабир в стихотворении «Бей-мелмилел» («Интернационал»), осуждая провокации царских властей, натравливавших народы друг на друга, призывал азербайджанских, армянских, русских рабочих и рабочих других национальностей «родину друг в друге обрести» [109].

В октябре 1905 г. в связи с тем, что царский манифест 17 октября не содержал никаких положений об удовлетворении насущных политических требований польского народа (полной автономии, сейма в Варшаве, всеобщего избирательного права), передовые рабочие Польши решили продолжать всеобщую политическую забастовку, народ вооружался, горожане и даже крестьяне создавали боевые дружины. Против революционно-освободительного движения в Польше выступила черносотенная

пресса. Царское правительство приостановило издание всей периодической печати в Варшаве, запретило митинги и даже вошло в соглашение с Германией, которая обещала в случае восстания в Польше направить туда свои войска. Русская шовинистическая печать представляла требование полной автономии Польши как требование ее отделения от России. 28 октября царь ввел в Польше военное положение и назначил губернатором генерала Скалона, который немедленно начал жестокое наступление на трудящиеся массы Польши. Чтобы создать ситуацию, которая позволила бы применить против рабочих военную силу, полиция пыталась вызвать в Варшаве еврейский погром, однако безуспешно. Погром не удался ввиду высокой сознательности польских рабочих, которые разоблачили провокатора и расправились с ним па месте [110].

Варшавский комитет Социал-демократии Польши и Литвы (СДПиЛ) обратился с воззванием к польским гражданам, в котором разоблачил клеветнический характер правительственного сообщения о сепаратистском характере движения в Польше и осудил введение военного положения в Польше, отметив, что это является преступным маневром «националистической тактики правительства с целью отделить польскую революцию от русской» [111].

В связи с локаутом капиталистов — закрытием Жирардовской мануфактуры — тысячи человек остались без работы. В Варшаве начался голод. Не хватало топлива. Вспыхнула эпидемия тифа. Только русский пролетариат и большевистская партия решительно выступили в защиту коренных интересов народа Польши. По инициативе большевиков рабочие России проводили митинги солидарности, сборы средств в помощь бастующим. В большевистских газетах «Пролетарий», «Новая жизнь» появились специальные разделы о событиях в Польше, где разоблачалась шовинистическая политика царизма, публиковались сведения о героической революционно-освободительной борьбе польского народа за демократию и национальную свободу, решения и постановления местных социал-демократических и прогрессивно настроенных организаций о помощи народу Польши. В одной из статей газета «Новая жизнь» писала: «Вернуть полякам местную автономию — не значит расчленить Россию,

кромсать ее на части. Союз свободных народов — польского и русского — а этого и добивается польский рабочий класс — обеспечит лишь правильное культурное развитие их». Польша требует: «естественного права на культурное и национальное самоопределение, права самой заботиться о местных нуждах и стремлениях», которым пользовалась до 1815 г. О том же сообщала передовая статья «Россия и Польша». Большевики призывали русский рабочий класс, в случае если польский народ ответит на введение военного положения вооруженным восстанием (на что и провоцировал поляков царизм), всеми силами помочь польскому восстанию, ибо оно есть часть всей российской революции против абсолютизма. «Польский и русский рабочие классы — родные братья одной великой международной семьи пролетариата. У них одно сознание, одни цели, общие ближайшие задачи и одни способы борьбы с общим врагом» [112].

Большую помощь оказали польскому освободительному движению рабочие Петербурга, Москвы, Вильны (Вильнюса), Харькова, Киева и других городов. Петербургские рабочие явились инициаторами политической забастовки протеста против введения в Польше военного положения. Железнодорожники Вильны на митинге 3 ноября приняли следующую резолюцию: «Мы высказываем свою солидарность всем рабочим Царства Польского и России, глубоко презираем всякие попытки правительства натравливать одну народность на другую; мы готовы всеми средствами дать самый решительный отпор ; тем темным силам, которые хотели путем погромов, грабежей и кровопролития противодействовать успеху революционного движения» [113].

Митинги солидарности с пролетариатом Польши провели 9 ноября 1905 г. киевские рабочие, 17 ноября 1905 г. — харьковские рабочие.

Беззаветная и решительная борьба рабочих России за предоставление Польше свободы увлекла и значительную часть городской мелкой буржуазии. Это сказалось и на позиции эсеров, дашнаков и грузинских федералистов. На коалиционном митинге в Тифлисе 6 ноября они приняли резолюцию протеста против национального гнета в России, против военного положения в Польше, против еврейских погромов. Выступавшие на митинге призывали добиваться установления демократического

государственного строя, при котором не будет места национальному гнету [114].

Интернациональная солидарность рабочего класса оказала революционизирующее влияние и на русских солдат в Польше. Солдаты проявляли колебания, появились случаи неповиновения начальству, в Петрокове они отказались стрелять в мирную демонстрацию протеста против военного положения в Польше.

Совместный натиск польского и русского пролетариата, поддержка этого натиска всем трудовым населением страны, колебания в войсках вынудили царское правительство отступить. 19—20 ноября военное положение в Польше было снято, и в правительственном сообщении об этом было указано, что и в Польше будут осуществлены основные положения манифеста 17 октября 1905 г.

Митинги, демонстрации, забастовки протеста организовали большевики в поддержку требований национальной свободы финского народа. В газете «Новая жизнь» был выделен специальный раздел под заглавием «Финляндия», в котором систематически освещались события в этом районе и выдвигались конкретные лозунги в помощь народу Финляндии.

В сентябре — октябре 1905 г. в Финляндии готовилось вооруженное восстание против самодержавия. К рабочему классу, во главе которого шли марксисты И. Сирола, О. В. Куусинен и др., примкнула демократически настроенная мелкая буржуазия города. Под влиянием солидарности российского и финляндского рабочего класса часть царской армии революционизировалась, и это сорвало попытки самодержавия усилить состав своих войск в Финляндии. Так, в сентябре 1905 г. при воздействии большевиков латышский полк, размещенный в Витебске, отказался ехать «усмирять финляндцев». Латышские солдаты организовали революционную демонстрацию на улицах Витебска под лозунгом: «Долой самодержавие!», «Свободу Финляндии!» С помощью местной группы РСДРП латышские солдаты издали листок «Куда нас гонят», в котором разоблачали колонизаторскую политику царизма [115].

17 октября 1905 г. рабочие Гельсингфорса (Хельсинки) начали стачку солидарности с пролетариатом России, в связи с чем прекратила действовать Финляндская железная дорога. Брошенные на подавление забастов-

щиков русские солдаты отказались расстреливать митинг рабочих. Революционная инициатива русских солдат вдохновляюще подействовала на трудящихся Финляндии. 18 октября в стачку включились все фабрики и заводы, некоторые учреждения, типографии, магазины, порт. К бастующим присоединилась даже часть полицейских. Рабочие потребовали расформировать царскую полицию, захватили железную дорогу, телеграф, телефон, арестовали жандармов. Под влиянием революционного движения прекратили работу сенатские чиновники и служащие. Царские войска, вызванные 20 октября для расстрела митингов и демонстраций, отказались стрелять в народ. С помощью организованной рабочими национальной освободительной гвардии население наводило в городах демократические порядки. Царь вынужден был пойти на уступки. 24 октября 1905 г. был опубликован манифест, который отменил репрессивные меры по отношению к Финляндии. 18 ноября в Финляндии состоялось назначение нового финляндского сената. В мае 1906 г. финляндский сейм выработал демократическую конституцию Финляндии, и в июле 1906 г. царь утвердил ее. Вместо сословного четырехпалатного сейма в Финляндии был введен однопалатный сейм на основе всеобщего, равного избирательного права для всех граждан с 24-летнего возраста, включая женщин [116].

Выражая удовлетворение исходом национально-освободительной борьбы в городах Финляндии, большевики в газете «Новая жизнь» отмечали: «Все, кому вообще дороги интересы рабочего класса, должны с чувством живейшей радости приветствовать блестящую победу, одержанную финскими народными массами» [117]. В. И. Ленин указывал, что пролетариат Финляндии сумел «воспользоваться октябрьской кратковременной победой российского пролетариата для того, чтобы создать под боком у черносотенного царя одну из самых демократических конституций всего мира, создать свободные условия для организации рабочих масс Финляндии...» [118] Эта победа в национально-освободительном движении была завоевана прежде всего в результате дружной поддержки народа Финляндии пролетариатом России, русскими рабочими и солдатами.

Под влиянием рабочего класса в революционную борьбу включалось крестьянство. Весной 1906 г. Россию

охватил новый подъем широкого народного движения, оценивая который В. И. Ленин писал: «...«мирный парламентаризм» блекнет и отходит на задний план... игра в конституцию сменяется непосредственным решением государственных вопросов силой» [119].

Стремясь свести на нет революционный подъем, царское правительство вновь прибегло к погромам. Зверские расправы и расстрелы мирных граждан полицией, казаками, черной сотней в мае 1906 г. имели место не только в национальных районах, в городах Казани, Харькове, Гомеле, Белостоке, но и в чисто русских городах — Муроме, Вологде. Прикрытие погромов разглагольствованием о национальной розни стало уже невозможным — контрреволюционная сущность погромов проявилась предельно ясно.

Анализируя методы, которые применяла реакция при подавлении выступлений рабочих и крестьян, В. И. Ленин констатирует, что главной формой борьбы самодержавия являлся черносотенный погром, «избиения евреев, студентов, революционеров, сознательных рабочих...» с помощью применения артиллерии в селах и городах, карательных экспедиций, карательных поездов и т. п. [120]

V съезд РСДРП, указывая в своих решениях на обязанность социал-демократии сделать все для выполнения пролетариатом роли вождя в буржуазно-демократической революции, особо остановился на задаче интернационального воспитания и сплочения трудящихся масс. В частности, в резолюции «Об отношении к непролетарским партиям» съезд отметил, что реакционные и черносотенные партии («Союз русского народа», «Совет объединенного дворянства» и др.) являются классовой организацией крепостников-помещиков. Используя национальную травлю и погромы, они стремятся потопить революцию в крови междоусобной войны. Социал-демократия в своей агитации и пропаганде среди масс должна разоблачать теснейшую связь этих партий с царизмом, разъяснять необходимость непримиримой борьбы за полное уничтожение всех социальных и политических остатков крепостнического варварства [121].

В резолюции «О народовой демократии» съезд призвал партию и социал-демократическую фракцию к беспощадному разоблачению контрреволюционной деятельности польских националистов [122].

Митинги, демонстрации и забастовки протеста против национального гнета являлись действенным оружием в руках большевистской партии и рабочего класса России и в последующий период — в годы реакции и нового революционного подъема. В 1909—1910 гг. под руководством большевиков прошли массовые митинги протеста против наступления царизма на Финляндию, а также против его русификаторской политики в Польше. В 1911 г. большевистская партия организовала мощный протест русского пролетариата против еврейских погромов и спровоцированного черносотенцами «дела Бейлиса». Передовая интеллигенция при активном содействии А. М. Горького, В. Г. Короленко организовала в Петербурге особый комитет для борьбы против антисемитизма, который создал антипогромный фонд. По всей стране прошли митинги в защиту прав угнетенных в России народов, за прекращение дела Бейлиса. Под давлением массовых рабочих демонстраций и забастовок в России и за границей царское правительство вынуждено было открыто судить Бейлиса. Неоспоримые факты свидетельствовали о его невиновности. Под влиянием прогрессивного общественного мнения Бейлис был оправдан. В работе «К вопросу о национальной политике» (апрель 1914 г.) В. И. Ленин писал: «Дело Бейлиса еще и еще раз обратило внимание всего цивилизованного мира на Россию, раскрыв позорные порядки, которые царят у нас. Ничего похожего на законность в России нет и следа. Все позволено администрации и полиции для бесшабашной и бесстыдной травли евреев — все позволено вплоть до прикрытия и сокрытия преступления. Именно таков был итог дела Бейлиса...» [123], которое наглядно показало, что страна переживает на деле «состояние плохо прикрытой *гражданской войны*. Правительство не управляет, а воюет.

Если оно выбирает ««истинно русские», погромные средства для войны, то это потому, что *других в его распоряжении нет*» [124].

В феврале 1914 г. под руководством большевистской партии пролетариат и передовая интеллигенция России выразили гневный протест против запрещения царским правительством празднования 100-летия со дня рождения великого украинского поэта, революционера-демократа Т. Г. Шевченко. Против этого позорного запрета выступили В. И. Ленин, газета «Правда», большевистская фракция IV Государственной думы. Группа депутатов направила правительству по этому поводу запрос, где было сказано: «В этом факте получила наиболее яркое отражение не только политика разнузданного национализма и угнетения одной из крупнейших национальностей, входящих в состав России, но и антиобщественные и антикультурные тенденции правительственного курса. Жестокое беззаконное преследование украинского языка и самостоятельности украинского народа является звеном в общей цепи беззакония и своеволия, сковавшей все народы, населяющие Россию» [125]. Киевский комитет РСДРП опубликовал листовку, в которой призвал рабочих Украины в день памяти Т. Г. Шевченко к общему протесту против правительственного угнетения. «Протестуйте против поработителей ваших прав и прав нации, — разъяснял комитет. — Только с падением самодержавного строя будет легче рабочему бороться за свою долю, о которой так часто упоминал покойный поэт. В день памяти поэта-трибуна вспомните о светлом грядущем строе, о социализме. Помните, что во главе борьбы за социализм против угнетателей всех наций идет рабочий класс — пролетариат.

Крепче связывайте, товарищи, борьбу воедино! Куйте прочные связи классовой солидарности!» [126]

Украинские буржуазные националисты во главе с М. Грушевским в угоду царизму заявили, что неуместно делать из имени Шевченко лозунг протеста против существующего в России государственного строя. «Таков *всякий* либерально-буржуазный национализм, — отмечал В. И. Ленин, — не только великорусский (он хуже всех, благодаря его насильственному характеру и родству с гг. Пуришкевичами), но и польский, еврейский, украинский, грузинский и всякий иной. Буржуазия *всех* наций и в Австрии и в России под лозунгом «национальной культуры» проводит *на деле* раздробление рабочих, обессиление демократии, торгашеские сделки с крепостниками о продаже народных прав и народной свободы» [127].

В 100-летнюю годовщину со дня рождения Т. Г. Шевченко в Киеве, Харькове, Одессе, Тифлисе состоялись рабочие забастовки, антиправительственные выступления трудящихся прошли в Екатеринославской, Полтавской, Херсонской и Волынской губерниях. 100-летие со дня ро-

ждения поэта отмечали трудящиеся Петербурга, Москвы, Тифлиса и других городов России. Подводя итог массовым выступлениям в защиту памяти поэта-демократа, В. И. Ленин писал, что запрещение чествования Т. Г. Шевченко «было такой превосходной, великолепной, на редкость счастливой и удачной мерой с точки зрения агитации против правительства, что лучшей агитации и представить себе нельзя... После этой меры миллионы и миллионы «обывателей» стали превращаться в сознательных граждан и убеждаться в правильности того изречения, что Россия есть «тюрьма народов»» [128].

Трудящиеся массы угнетенных наций убеждались на своем опыте, что русский народ, и прежде всего русский рабочий класс, является их действительным другом и защитником, их руководителем в борьбе за ликвидацию самодержавия, империализма, национального гнета.

Таким образом, большевики в 1905—1914 гг. провели большую работу по воспитанию масс в духе пролетарского интернационализма. Ни одна партия, кроме большевиков, не защищала с такой последовательностью и упорством свободу и равенство народов России, дружбу между ними, революционное единство рабочего класса.

Борьба демократических партий в Государственной думе против черносотенцев по вопросу о политическом равенстве народов России

Трибуна Государственной думы была ареной острых столкновений политических партий по национальному вопросу, прежде всего по вопросу о гражданских правах народов России. Опираясь на правые партии, октябристов и идущих с ними на компромисс кадетов, царское правительство стремилось с помощью Государственной думы закрепить свои позиции в национальной политике, усилить эксплуатацию национальных меньшинств. В свою очередь рабочая демократия, сплачивая вокруг себя демократические элементы Государственной думы, использовала ее трибуну для борьбы против великодержавного шовинизма, пропаганды и защиты права наций на самоопределение вплоть до политического отделения, для интернационального объединения трудящихся масс страны.

Ожесточенные дискуссии проходили в стенах Думы вокруг различного рода законопроектов и прошений о политическом равноправии народов, поданных в Думу представителями национальных меньшинств.

Кадеты (русские и нерусские) представляли свое участие в Думе лишь как посредничество между народом и царем. Этой соглашательской позиции либералы придерживались и в отношении к нуждам угнетенных народов. Так, на выборах в I Думу русские кадеты обещали отстаивать автономию Польши. Но, попав в Думу, кадеты первые заявили, что это требование «несвоевременно», и добились его отклонения.

Официальные круги пытались убедить, что в составе Думы имеются представители всех народностей, населяющих Россию (в то время как в действительности значительная часть национальных меньшинств была лишена избирательных прав), при этом Дума, по их мнению, стремилась к мирному сожительству «всех классов и народностей», что «объединение всех племен и народностей возможно только при удовлетворении потребностей каждого из них сохранять и развивать своеобразие в отдельных сторонах быта» [129]. Затушевывая классовое и национальное неравенство в России, русская буржуазия выражала свой идеал устройства общества: сохранение классов, но без классовой борьбы; сохранение угнетения наций, но без национально-освободительного движения. Более или менее допустимым русская буржуазия признавала лишь сохранение своеобразных традиций в быту народов.

Правое крыло Думы и кадеты считали главной причиной белостокского (июнь 1906 г.) и других погромов озлобление полиции против революционеров и анархистов [130]. Кадеты Набоков, Родичев и другие, выступая в Думе, ни словом не упомянули о принципиальной недопустимости национального гнета, не ставили в вину правительству погромы, а упрекали его за то, что оно не может справиться с рабоче-крестьянским движением Другими методами (не погромами). По этому поводу В. И. Ленин писал: «Буржуазия хочет *сильного* правительства *в борьбе с революцией*» [131].

Предавая интересы родного народа, представители национальной буржуазии присоединились в Думе к русским кадетам. Думские депутаты от латышской буржуа-

зии не подписали ни одного протеста левых русских депутатов против смертных приговоров, вынесенных в мае 1906 г. царским правительством революционерам Латвии.

Украинские националисты, стремясь создать в Думе единую фракцию, объединились в национальную Громаду. В I Думе в нее вошло 40 депутатов Украины, в том числе крестьяне. Но интересы крестьянских депутатов в значительной мере совпадали с программой трудовиков, а это вело к неизбежным конфликтам внутри Громады. Во II Думе украинские националисты сумели убедить часть крестьянских депутатов в том, что вопрос об автономии Украины гораздо важнее аграрного вопроса, в результате чего часть крестьян-депутатов вышла из трудовой группы и в аграрном вопросе поддержала реформистскую, по существу кадетскую, аграрную программу Украинской радикально-демократической партии [132]. Еврейские депутаты (из буржуазного «Союза достижения равноправия евреев») образовали в I Думе «общенациональную группу» и держали себя крайне осторожно, больше всего боясь вызвать гнев правительства. Лидер этой группы кадет Винавер говорил: «Необходимо позаботиться, чтобы еврейский вопрос в Думе прошел возможно глаже, не встретив на своем пути особенных трений и препятствий. Тактическое поведение должно сплачивать евреев-депутатов. Оно выражается не только в том, чтобы вовремя говорить, но и в том, чтобы уметь вовремя молчать» [133].

Трудящиеся массы национальных районов надеялись, что Дума сможет разрешить национальный вопрос. Так, горец Т. Э. Эльдарханов (Терская область), выступая в I Государственной думе, сказал: «Я, как представитель маленьких народностей, у которых нет культуры, нет, кроме прошлой свободной жизни, ничего для борьбы с темной силой, которая надвинулась на нас, заявляю, что счастье и мир для нас будут тогда, когда нам дадут устроить свою жизнь самим» [134]. Депутат I Думы от Ломжинской губернии представитель польского коло И. С. Гарусевич огласил заявление 27 депутатов от Царства Польского, в котором содержалось требование о восстановлении равноправия польских граждан России. Отмечая тот факт, что основные законы, опубликованные 23 апреля 1906 г., не содержали даже названия Царства Польского, он сказал: «Против этого посягательства и вообще против попирания прав польского народа мы здесь протестуем и протест свой обращаем к русскому народному представительству. Наши права неотъемлемы и святы, и из них исходит необходимость автономии Царства Польского, как заветное требование всего населения нашего края. С этим требованием являемся мы в Государственную думу бороться за наши права и за общую свободу» [135].

Конституционные иллюзии были присущи также трудовикам и меньшевикам. Трудовики Аладьин, Ершов, социал-демократ Михайличенко и другие нередко выдвигали весьма кардинальные предложения — о политической амнистии, о введении равноправия наций, мерах борьбы против погромов, утверждения законом праздника 1 Мая и т. д., — но ни одного из них не отстояли до конца, ибо поддерживали кадетов и шли у них на поводу. Трудовик Седельников, например, считал, что Государственная дума призвана «врачевать недуги всех народов, населяющих Россию», она не забудет интересы того или другого народа, в частности киргизов. Седельникову казалось принципиально важным, чтобы нужды киргизов были отмечены во всеподданнейшем адресе Думы царю [136].

В конечном счете трудовики и меньшевики шли на соглашение с кадетами, подписывались под их обтекаемыми «формулами перехода» (к обсуждению других вопросов), и таким образом демократические предложения сдавались в архив многочисленных думских комиссий. Так, Аладьин согласился передать в комиссию дело о белостокском погроме, Михайличенко снял с обсуждения рабочий вопрос.

Большевики не участвовали в I Думе, но внимательно следили за ходом дебатов в ней. Большевики помогали социал-демократической фракции Думы отстаивать идеи революции и интернационализма, преодолевать мелкобуржуазные иллюзии масс, разоблачать как великодержавный шовинизм, так и псевдодемократизм кадетов. Для этой фракции был подготовлен большевистский проект декларации, написанный В. И. Лениным. Декларация начиналась так: «В лице нашей группы партия сознательного пролетариата всех наций нашего государства, Российская социал-демократическая рабочая партия, выступает перед всем народом с трибуны Государственной Думы» [137]. В декларации разъяснялись основные цели

пролетарской программы-максимум (социализм) и про
граммы-минимум (победа демократической революции)
раскрывалась сущность Думы как «новой ширмы старо
го самодержавия» [138].

Но меньшевики не приняли ленинский проект декла
рации, и она не была зачитана с трибуны I Думы. Так
тика меньшевиков в буржуазно-демократической револю
ции была кардинально противоположна позиции больше
виков. Меньшевики не признавали пролетариат гегемоно
революции, они считали, что после свержения самодер
жавия власть должна перейти к либеральной буржуази
поэтому пролетариат обязан поддерживать ее. Меньше
вик И. Рамишвили, выступая в Думе, заявил: «Тактико
социал-демократии является революционизирование ка
детского министерства... Московские события доказал
нам, что пролетариату нет необходимости идти проти
пушек и пулеметов. Он не должен браться за оружие» [139]
Обращаясь к кадетам, меньшевик Н. Жордания сказал:
«Будущая власть — это ваша власть». Вторя ему, мень
шевик П. Маслов заявил: «Самая подходящая парти
могущая добыть свободу политическую, это есть парти
кадетов, партия народной свободы» [140].

В национальной политике меньшевики по принципи
альным вопросам также блокировались с кадетами. Од
нако в ряде случаев под давлением революционных вы
ступлений масс меньшевики вынуждены были поддер
живать предложения демократического характе
В. И. Ленин, например, положительно отнесся к выступ
лению социал-демократической фракции по поводу бело
стокского погрома [141]. В противоположность позиции ка
детов, которые хотели похоронить дело о белостокско
погроме в бесконечных «комиссиях по расследованию
социал-демократы предложили Государственной ду
осудить белостокский погром, призвать народ «дать о
пор национальной травле, разжигаемой врагами народ
добиться полного равноправия всех национальностей»

О правильности позиции социал-демократическо
фракции по отношению к погрому в Белостоке В. И. Ле
нин писал следующее: «Различие *интересов* буржуазии
пролетариата выступает с очевидностью в этих двух раз
личных формулах. Буржуазия хочет затушить револю
цию. Пролетариат хочет вооружить революцию. Буржуа
зия воздыхает о суде чиновников. Пролетариат апелли

рует к суду народному... Буржуазия призывает только *министров*, призывает их *уступить*. Пролетариат призывает *население*, призывает вооружаться и *дать отпор*» (в том числе *«дать отпор* национальной травле») [143].

15 мая от имени 151 депутата (среди них были социал-демократы, трудовики, кадеты) в Думу был внесен законопроект о гражданском равенстве, в частности о равноправии народов России. Правые элементы в штыки встретили этот законопроект. Князь Волконский выступил против равенства евреев с другими народами России. «Надо доказать, что равенство не принесет им вреда», — заявил он цинично. Граф Гейден, делая вид, что согласен с законопроектом, фактически был против, ибо считал, что нельзя «просто отменить ограничения в правах известных национальностей... надо выработать сложный закон» [144].

Демократически настроенный русский историк, левый кадет Н. И. Кареев, один из тех, кто подписал проект 151-го, сказал: «Нам тут возражали: «Чем же вы замените то, что будете уничтожать?» — Есть вещи, которые должны быть уничтожены без всякой замены. Кандалы надо снять с рук и ног и ничем их заменять не надо. Я лично думаю, что все ограничения, которые вытекают из принадлежности лица к известной национальности или к местному вероисповеданию, могут быть сразу отменены...»[145]

Буржуазно-ограниченный законопроект предлагал ввести равенство всех народов и наций перед законом (формальное равенство), не ставя задачи их политического самоопределения, ликвидации фактического неравенства в развитии народов. Тем не менее реализация этого демократического требования была бы шагом вперед, серьезно облегчила бы положение народов России. Но и это заявление было похоронено в думской канцелярии так же, как и другие демократические законопроекты и требования.

Социал-демократическая фракция II Думы состояла из 12 меньшевиков и И большевиков. Меньшевики, пользуясь преимуществом в 1 голос, нередко ставили фракцию в затруднительное положение, принимая оппортунистические лозунги и решения в интересах либералов. Но в целом выступления меньшевиков из окраинных районов России были направлены против произвола самодержа-

вия и национального гнета. Так, весьма показательн речь меньшевика И. Г. Церетели. 6 марта 1907 г. на 5- заседании II Думы он прочел заявление, в котором выра зил мелкобуржуазные иллюзии своей партии, веру в то что Дума может законодательным путем организовать сплотить массы и с их помощью добиться утверждени конституции и что с помощью этой конституции нар сможет получить и волю, и землю, сможет «вырвать и из рук правительства». Церетели подчеркнул непосред ственное участие царского правительства в организаци погромов. «Правительство, — отметил он, — закрывал глаза на преступную деятельность черной сотни, подде живая травлю национальностей — евреев, поляков, а мян, грузин, мусульман, поощряло устройство погрома Седлеце, награждало организаторов этого погрома. Теперь всем становится ясно, что защищать привилеги можно только с помощью наемных погромщиков, с по мощью голого насилия...»[146] Эта речь вызвала бурны протест со стороны черносотенно-монархических депут тов Думы П. А. Крушевана, В. М. Пуришкевича, граф Бобринского и других. Они прерывали Церетели грубы ми выкриками, шумом, призывали председателя остан вить оратора, который якобы призывал к вооруженно восстанию. Даже председатель Думы, кадет Головин, вы нуждеН был УреЗОНИТЬ не В Меру раЗОШеДШИХСЯ госпо На выкрики Пуришкевича: «Невозможно сидеть, нево можно слушать!..» — председатель под аплодисмент большинства депутатов заявил: «Господа, члены Думы не желающие слушать оратора, благоволят покинуть за заседания, но не прерывать оратора»[147].

Депутат Думы латышский социал-демократ И. П. Озо гневно осудил с трибуны политику натравливания нар дов России друг на друга. Для подавления крестьянски волнений в Прибалтийском крае карателИ-бароны выпи сали специально с Кавказа черкесов, причем оплата транспортировка этих наемников совершенно официаль но субсидировались Рижским учетным банком, что под тверждало явный сговор правительства с прибалтийски ми баронами[148]. Правительство весьма широко пользо валось подобными методами, используя темноту масс национальные предрассудки и невежество.

Депутат II Государственной думы, представитель украинского народа трудовик С. В. Нечитайло сказал:

«Действительно, мы народ неученый. Чему же этот на род учится в деревне? Всякая прогрессивная газета за прещена, всякая прогрессивная книга запрещена. В по следнее время он не может читать ничего, кроме листков, которые разбросаны во всех местах, во всех захо лустьях. Эти листки только нас растравляют на битву со всеми нациями...»[149]

Положительным фактом в деятельности социал-демократической фракции II Государственной думы явилось внесение за подписью 43-х ее членов законопроекта об отмене ограничений, связанных с национальностью или вероисповеданием. Влияние революционно-демократического направления было настолько сильно, что думская комиссия при выработке закона о неприкосновенности личности поддержала законопроект 43-х, отметив в одном из постановлений необходимость отмены всех стеснений, каким подвергались в России нерусские народности и иноверные исповедания. «Пускай Дума, — говорилось в этом документе, — принимая настоящий законопроект, своим авторитетным решением укажет правительству, что со старой, отжившей свой век обрусительной системой следует раз и навсегда покончить. Настало время, когда все жители империи, без различия народностей и вероисповеданий, имеют право свободно и беспрепятственно развивать свой национальный быт, и это не только не помешает, но будет содействовать развитию и росту блага всего государства»[150]. По существу содержание законопроекта думской комиссии было либерально ограниченным. Он не ставил задачи уравнения народов России в государственно-политических правах. Тем не менее он, безусловно, заключал в себе элементы демократии, поскольку выражал протест против национального гнета. Царское правительство и этот проект оставило без внимания. Вопрос о действительной свободе и равенстве народов в конечном счете решался не Думой, а революционной борьбой масс.

Самыми последовательными и самоотверженными защитниками освобождения народов России от социального и национального гнета были большевики. В своей печати и на V съезде РСДРП они вскрывали ошибки в тактике социал-демократической фракции Думы, в том числе и в национальном вопросе. Прежде всего отмечалось, что фракция не дала достойного отпора декларации

правительства, в которой по-прежнему утверждалось г
подство «русского начала, православной церкви», а ск
пые обещания о введении самоуправления в Прибалти
ском, Западном краях и Царстве Польском тут же с
провождались оговорками о необходимости обеспечени
особых интересов чисто русского населения [151].

Опыт революции 1905—1907 гг., поведение политич
ских партий в Думе со всей очевидностью показали тру
дящимся массам угнетенных народов, что национальна
буржуазия превыше всего ставила свои классовые инте
ресы и что царская Дума не решит вопроса о равенств
народов. Трудящиеся все яснее понимали, что равенст
народов можно завоевать лишь в вооруженной борьб
в результате победы революции и установления демокра
тической диктатуры пролетариата и крестьянства.

Оценивая место думских дебатов в общем потоке р
волюционного движения, В. И. Ленин писал в конце фа
раля 1907 г. в статье «Вторая Дума и задачи пролетариа
та»: «Близится новая революционная волна, новый рево
люционный бой народа за свободу.

Этот бой будет дан не в Думе. Этот бой решит вос
стание пролетариата, крестьянства и сознательной час
войска. Этот бой надвигается на нас всем ходом событи
всем ходом столкновений левой части Думы с правител
ством и кадетами» [152].

Таким образом, думские дебаты, столкновения пол
тических партий по коренным вопросам общественно
жизни страны были немаловажным звеном в цепи обстоя
тельств, подталкивающих революцию. Трудящиеся м
сы, убеждаясь в бессилии Думы, в нежелании правител
ства пойти навстречу насущным требованиям рабочих
крестьян, угнетенных народов, расставались с конститу
ционными иллюзиями и все активнее включались в I
крытую революционную борьбу под руководством рабо
чего класса.

Однако в начале 1907 г. уровень революционного дви
жения в стране был не настолько высок, чтобы оказат
решительную поддержку левым депутатам II Думы. Ос
новные силы революции были измотаны, устали и отсту
пили фактически еще в 1906 г. На основании введени
3 июня 1907 г. нового избирательного закона в Росси
национальный гнет неизмеримо усилился. Великодержав
ный шовинизм открыто, в еще большей мере, чем раньше,

насаждался черносотенно-монархическими верхами, крепостниками-помещиками.

При резком сокращении представительства в Думе от коренного населения национальных районов царизм ввел привилегированное представительство в Думе от «православного» (великорусского) населения в ряде губерний Польши, Литвы, Закавказья, от казачьих войск Кубанского, Терского, Забайкальского, Уральского, Амурского и Уссурийского округов. Для большего обособления национальностей друг от друга, противопоставления их друг другу и затушевывания классовых противоречий внутри той или другой нации по указанию правительственных верхов в III Думе так же, как и во II, было выделено польское коло, кроме того, образована мусульманская группа и непосредственно по инициативе Столыпина образована объединенная фракция и партия русских националистов. Правительство в своей великодержавно-шовинистической политике опиралось в Думе на два реакционных большинства: правооктябристское — открыто реакционное и октябристско-кадетское, монархическая и антиреволюционная сущность которого, как правило, прикрывалась либеральным флером.

Резкие межпартийные столкновения произошли в III Думе по вопросу о Финляндии. Царское правительство предприняло, по меткому выражению В. И. Ленина, поход на Финляндию с целью раз навсегда покончить с финляндской конституцией и относительной самостоятельностью Финляндии в составе Российской империи. Как отмечал В. И. Ленин, самодержавие предприняло *«полное разрушение финляндской свободы»,* стремясь уничтожить последний след народных завоеваний 1905 года [153].

В конечном счете с помощью кадетов Дума приняла предложенный Министерством внутренних дел законопроект «О порядке издания касающихся Финляндии законов и постановлений общегосударственного значения». Этот законопроект распространял общеимперское законодательство на территорию Финляндии и означал, что народ Финляндии целиком подпадал под полицейскую и Русификаторскую власть самодержавия. Несмотря на то, что под влиянием большевиков социал-демократическая фракция III Государственной думы предложила отклонить правительственный законопроект, отвергавший

финляндскую конституцию, он был принят 28 мая 1910 г
правооктябристским большинством в 164 голоса проти
23 (социал-демократы и трудовики). Остальные (в то
числе кадеты) уклонились от голосования.

Острые межпартийные столкновения произошли пр
обсуждении внесенного правительством законопроект
«Об уравнении в правах с финляндскими гражданам
других русских подданных». Дело шло о том, чтобы рус
ские, проживавшие на территории Финляндии, пользо
вались теми же правами, какими пользовались у себя на
родине граждане Финляндии. Получалось парадоксаль
ное противоречие. Царское правительство, добиваясь
чтобы финляндцы поделились своими демократическим
правами с теми русскими, которые проживали на их тер
ритории, в то же время отказывало в демократически
правах всему русскому населению империи.

Существо вопроса о Финляндии раскрыли в своих вы
ступлениях представители социал-демократической фра
ции, в частности примыкавший к большевикам И. П. По
кровский. Осудив новый законопроект о Финляндии ка
антинародный, реакционный, он заявил, что «русски
граждане будут уравнены с финляндцами тогда, когд
они в России получат полные права гражданства» [15
Правооктябристское большинство Думы настояло н
спешности рассмотрения проекта. В конечном счете Дум
приняла его под названием «Закон 17 июня 1910 года
По этому закону финляндский сейм терял законодател
ные права и законодательную инициативу. Право внес
ния в сейм отдельных проектов принадлежало только Ш
ператору [155]. В результате подобных законодательных ме
получилось не уравнение русских, проживавших в Фи
ляндии, в правах с финнами, а, наоборот, — уравнени
граждан Финляндии в бесправии со всем остальным на
селением Российской империи.

Острый характер приобрели в Думе дебаты по пол
скому вопросу, в частности о выделении Холмщины. И
тинные цели выделения Холмской губернии были за
скированы черносотенской идеей защиты православне
(украинского) населения от католического (польского
влияния. Однако эта версия не могла ввести в заблужд
ние даже слабо ориентированных в политике людей, по
скольку в будущей губернии с населением 750 тыс. чел
век насчитывалось примерно 45% католиков и 35% пр

вославных, остальное население относилось к протестан-
там, иудеям и т. д. [156] Следовательно, нежелательная и
опасная, с точки зрения правительства, часть населения
в новой губернии лишь на 10% превышала ту, в интере-
сах охраны которой якобы был задуман законопроект.
Чтобы склонить польских депутатов к голосованию за
выделение Холмщины, царское правительство подготови-
ло законопроект о введении городового самоуправления
в Польше, который резко ограничивал избирательные
права евреев в пользу польской буржуазии. Польские ли-
бералы с удовольствием приняли эту подачку. Выступая
в Думе, представитель польского коло В. Ф. Яронский
сказал: «Мы сознаем, что в настоящий момент вводить
самоуправление в наших городах без ограничения для
евреев было бы совершенно немыслимым» [157]. Признавая
нормальным ограничение избирательных прав евреев,
польские депутаты теряли тем самым моральное право на
уравнение поляков в политических правах с русским на-
селением, на что им указывали не только социал-демокра-
ты, но даже правые, октябристы и кадеты. Заявление
трудовиков по холмскому законопроекту зачитал в Думе
К. М. Петров. В нем отмечалось: «Для великорусского
населения подобное националистическое законодатель-
ство не только не принесет пользы, но принесет громад-
ный и надолго непоправимый вред... Коренное русское
население совершенно не желает ничьих притеснений» [158].

Достаточно четко выразив свою программу по нацио-
нальному вопросу, трудовики выступили за полное урав-
нение всех без исключения населяющих Россию народов,
за право каждой народности на самоопределение в во-
просах языка и национальной автономии [159]. Но при без-
условной демократичности национальная программа тру-
довиков все же грешила мелкобуржуазной ограничен-
ностью: право наций на самоопределение сводилось
фактически к культурно-национальной автономии; отсут-
ствовало главное условие осуществления действительно-
го права наций на самоопределение — свержение само-
державия и установление революционно-демократической
Диктатуры пролетариата и крестьянства.

Единственно правильную позицию по вопросу о Поль-
ше занимала в Думе рабочая демократия. 13 января
1912 г. в своей речи депутат И. П. Покровский осудил
реакционную сущность царского законопроекта о Холм-

щине; раскрыл предательство интересов народа и русской, и польской, и украинской, и еврейской буржуазией, стремление эксплуататорских классов натравить трудящиеся массы друг на друга, разделить их по национальному признаку, что в конечном счете способствовало ослаблению революционного натиска на самодержавие[160].

Нужно отметить, что социал-демократы в ходе думских прений по холмскому вопросу выдвинули важное требование областной автономии. В частности, И. П. Покровский заявил в своей речи: «Задачи пролетариата и демократии прежде всего — демократизация всего государственного строя, приближение управления к интересам и к жизни населения, отсюда развитие самоуправления, отсюда, как логический вывод, автономия такой исторически сложившейся единицы, как Царство Польское с его своеобразными культурными и экономическими интересами»[161]. Социал-демократы подчеркивали, что вопрос о самоуправлении Польши есть часть национальной программы международной (и в том числе российской) рабочей демократии, а именно о праве всех наций на самоопределение. Это требование соответствует интересам развития всех народов и в максимальной мере способствует установлению доверия и дружбы между народами.

Однако немыслимо было ожидать от реакционной «черной» III Думы поддержки интернационалистской позиции рабочих депутатов. 26 апреля 1912 г. правооктябристское большинство Думы 156 голосами против 10 протащило проект о выделении Холмщины, и летом 1912 г. проект был без всяких изменений утвержден Государственным советом.

Принципиальную борьбу вели большевики в Думе против правительственного законопроекта о введении института земств в западных губерниях, направленного на усиление обрусительной политики царизма в Витебской, Волынской, Киевской, Минской и Подольской губерниях. Выступая против данного законопроекта, И. П. Покровский четко определил интернационалистскую сущность национальной политики революционной социал-демократии. «Мы, социалисты, — говорил Покровский, — работаем со всей демократией без различия наций и вероисповеданий, будь то грузин, армянин, поляк или еврей

мы все дружно идем против русских, будь то в мундире, вицмундире, сюртуке или рясе, против русских угнетателей, которые одинаково угнетают и инородцев и русскую народную массу»[162]. На ироническую реплику правых «русские против русских?!» Покровский метко ответил: «Не мы против русских, а русское правительство против русского народа!»[163] Покровский закончил свою яркую обличительную речь призывом к ниспровержению самодержавия[164]. Социал-демократическая фракция голосовала против законопроекта, отметив, что царское правительство неизмеримо обостряет национальную вражду в западных губерниях, устраняет от участия в земстве крестьян и рабочих.

Черносотенцы особое «внимание» уделяли еврейскому вопросу. Они использовали любой повод, чтобы ограничить права евреев, оскорбить и унизить их. Так, 26 ноября 1910 г. правые внесли в Думу спешный запрос о возможности проживания евреев в определенных местностях и предложили усилить их выселение в границы черты оседлости. Большинство Думы, отклонив спешность этого запроса, передало его в комиссию, которая и постановила его принять[165]. В ходе дебатов по поводу законопроекта о местном суде октябрист Гримм, сославшись на указание Государственного совета, предложил ввести статью о запрещении евреям быть мировыми судьями. При обсуждении законопроекта о введении земства в западных губерниях Дума под нажимом черносотенцев приняла примечание, согласно которому евреи лишались права участия в выборах в земство. При этом правые настаивали даже на запрещении земствам принимать на службу врачей-евреев[166].

Выступая по поводу законопроекта о неприкосновенности личности, И. П. Покровский в своей речи подчеркнул: «Антиеврейская политика не имеет никаких оправданий — ни государственных, ни экономических... она коренится всецело в искусственно культивируемой националистической ненависти»[167]. Представитель революционной социал-демократии призвал трудящихся евреев идти в тесном союзе с рабочими и крестьянами всех национальностей России против общего врага — самодержавного правительства.

Большой заслугой большевиков и других левых сил Думы являлась упорная борьба против навязанного Ду-

ме черносотенцами вопроса о «деле Бейлиса». На отно-
шение Думы к этому вопросу в значительной мере п(
влияли революционные демонстрации и митинги, прове-
денные передовыми рабочими России в защиту Бейлиса.
Большинство депутатов Думы поддерживало позицию
социал-демократов, осуждающую антисемитскую полити-
ку царизма [168].

Острые проблемы национальных отношений в России
находили непосредственное отражение и в деятельности
IV Государственной думы. Правое большинство всегда
стояло на страже интересов царизма, поддерживало его
попытки решить эти проблемы сверху и таким образом
ликвидировать мощный фактор революционного броже-
ния в стране.

15 ноября 1912 г. при торжественном открытии IV Го-
сударственной думы председатель Совета министров Ко-
ковцов зачитал декларацию правительства, в которой
провозглашалось, что Дума, как и вообще все государ-
ственные учреждения России, «призвана к неуклонной
охране издревле положенных в основу русской государ-
ственной жизни и освященных ее историей — единства и
нераздельности Империи, первенства в ней русской на-
родности и веры православной» [169]. При этом правитель-
ство стремилось убедить угнетенные народы, что «пер-
венство русской народности не исключает благожела-
тельного отношения правительства к подданным Россий-
ской Империи иных национальностей, которые мирно тру-
дятся над ее процветанием и укреплением и полагают
свое благополучие и даже самое бытие в единстве с ве-
ликой русской народностью» [170]. Какую же программу
практически предлагало правительство в национальном
вопросе? Оно обещало: «постепенно распространить зем-
ское самоуправление на прибалтийские и привисленские
губернии»; «распространить землеустроительные работы
на окраины Империи... правительство придает перво(ст-
пенное значение правильной постановке переселенческо-
дела и целесообразному использованию в интересах рус-
ского населения богатств наших окраин»; «в деле наро-
ного просвещения предполагается открытие ряда учеб-
ных заведений на окраинах, в том числе... сельскохозяй-
ственного заведения в Западной Сибири и высшего
учебного заведения на Кавказе» [171], то есть правитель-
ство оговаривало благожелательное отношение к наци-

нальным меньшинствам лишь в случае их лояльности.
О реформе местного самоуправления, необходимость ко-
торой остро ощущалась на всех окраинах, были даны
лишь туманные обещания Царству Польскому и При-
балтийскому краю. В то же время правительство открыто
поощряло дальнейшее переселение русских граждан на
земли Средней Азии, Кавказа, в западные губернии и
Прибалтику [172].

В области народного просвещения обещания прави-
тельства были весьма незначительны. Создавалось впе-
чатление, что этот вопрос был затронут лишь для того,
чтобы создать видимость деятельности правительства и
в этой сфере общественной жизни.

Но даже куцые обещания и оговорки правительства
в пользу «инородцев», его «благожелательное отноше-
ние» не устраивали крайне правых депутатов Думы.
Черносотенцы высказывали свое недовольство тем, что
правительство, по их мнению, предлагает слишком мягко
отнестись к инородцам, что по отношению к ним нужно
проводить гораздо более жесткие ограничения, чем это
осуществляется властью. Необходимость подобных мер
Пуришкевич стремился оправдать потребностью оборо-
ны России на случай возможной войны с Германией и
Австрией. Речь этого депутата была полна оскорбитель-
ных и клеветнических заявлений по адресу нерусских на-
родов; их стремление к равноправию, тяга к просвеще-
нию, науке, культуре — все расценивалось как измена
Родине. «В тот момент, когда у нас, быть может, завтра
будет война с Германией или Австрией, — говорил Пу-
ришкевич, — не поляки ли подготовляют восстание? Не
польское ли население будет к услугам того неприятеля,
который ворвется в русские пределы?» И далее: «... сре-
ди финляндцев нет ни одного лояльного и именно поэто-
му — ни одного в Думе. Финляндцы препятствуют упро-
чению русской государственной идеи... На Кавказе го-
товится армянская революция. Везде расшатана русская
власть... растут сепаратистские идеи инородцев, стре-
мящихся втянуть Россию во внешние осложнения, чтобы
воспользоваться ими и отделиться... Поляки и украинцы
сошлись в ненависти к России» [173]. Пуришкевич призывал
к превращению России в однонациональное государство
путем дальнейшего вытеснения национальных языков,
культуры, традиций и применения к угнетенным народам

более действенных политических мер и ограничений. Это была программа махрового шовинизма.

Депутат Савенко выступил с защитой идеологических позиций и лозунгов партии русских националистов. Эта партия объединила и часть правых. Речь Савенко объективно послужила не столько защитой неприкрытого великодержавного шовинизма, сколько доказательством его классовой направленности против национально-освободительного движения. «Националистическую партию, — сказал Савенко, — в последнее время с особым усердием называют то воинствующей, то человеконенавистнической и особенно часто в последнее время национализм русский называют зоологическим... Гг., мы не совершаем грех против природы; защищая жизнь национальную, мы делаем то, что должны и обязаны делать... Ведь слева раздается лозунг «Свобода национального самоопределения»... русский национализм не наступательный, а оборонительный...» [174]. И вывод: для уничтожения межнациональной борьбы есть лишь «одно средство — отнять, уничтожить свободы, ибо национальные движения и национальная борьба всегда и неизменно являются прямым следствием политических свобод» [175]. Так «обоснованно» защищала с трибуны Думы правительственную политику фракция националистов.

Лишь октябристы являлись единственной фракцией в Думе, которая выразила удовлетворение декларацией правительства. Они заявили, что «приятно поражены» отсутствием тревожного тона в ней и готовы «мирно трудиться» над предложенными правительством законопроектами [176]. При этом они высказали мнение, что «реформы для инородцев не должны клониться к уничтожению прав русской народности» [177].

Прогрессисты настойчиво требовали от правительства осуществления реформ в соответствии с манифестом 17 октября. По национальному вопросу их оратором был депутат г. Риги Залит, и говорил он преимущественно о нуждах Прибалтийского края: «Многие стороны жизни регулируются такими законами, происхождение которых кроется в весьма далеком прошлом. Самое слово «реформа» в сознании коренного населения прибалтийских губерний приобрело священное значение» [178]. Депутат обвинял правительство в чрезмерном доверии к немцам-дворянам и отчасти этим объяснял «непонимание», сло-

жившееся между правительством и коренным населением — латышами и эстонцами.

Депутаты кадетской партии весьма осторожно критиковали шовинистическую погромную политику царизма. Они возражали не столько против национального гнета в принципе, сколько против методов осуществления этого гнета. Понимая, что открытая погромная политика ведет к революционным потрясениям в стране и боясь их, кадеты настаивали на более лояльном отношении к «инородцам». Лидер партии кадетов П. Н. Милюков в своем выступлении похвалил поляков и мусульман за корректность, лояльность, скромность, упрекнул правительство за откровенную травлю евреев, пристыдил националистов за пропаганду устарелых «зоологических» основ русского национализма [179]. Он призвал царское правительство отказаться от политики грубого подавления нерусских национальностей и применять по отношению к ним более гибкие формы русификации.

В речах «национальных» кадетов содержались элементы демократизма. Так, депутат Ковенской губернии литовец Ичас отметил, что «не было среди перечисленных законопроектов того, что изменило бы положение инородцев». «Нам все говорят, — сказал он, — что самое большое зло и самый сложный вопрос — это вопрос об инородцах. Но, гг., ведь не в этом дело, что в России есть инородцы, а в том, что правительство не понимает по отношению к ним своих обязанностей... Какая польза русскому правительству от того, что несколько тысяч литовцев сгнило в тюрьмах, ссылках, на поселении, что много тысяч литовцев эмигрировало в Америку?» [180] Ичас указал, что необходимы свобода культурного развития, реформа народного образования и фактическое осуществление начал манифеста 17 октября.

Нужды Прибалтийского края перечислил депутат г. Риги Мансыров. Он отметил, что в крае нет суда присяжных, земского самоуправления и многого другого, чем Давно пользовалась внутренняя Россия. «Мы просим, правительство безмолвствует, ну а народ? Он не безмолвствует. . . А если он заговорит, что может тогда произойти? . . Давайте нам реформы и тогда вы увидите, что без всяких посторонних насильственных мероприятий Прибалтийский край органически сольется с прочими местностями России... и будет представлять часть великой и

единой России»[181]. Несмотря на реформистскую сущность речи Мансырова, в его выступлении содержался и элемент демократизма — протест против национального гнета и признание условием прогресса малых народов их добровольное — на равных правах — сближение с русским народом.

Политические платформы национальных групп (мусульманской фракции, польского коло, белорусско-польско-литовской группы) приближались к платформе кадетов. В большинстве случаев эти группы голосовали вместе с фракцией народной свободы, отстаивая в национальном вопросе специфические требования своих окраин.

От мусульман по поводу декларации выступил депутат Уфимской губернии Ахтямов: «Мы, мусульмане... с чувством глубокого сожаления мы должны констатировать, что на перемену политики правительства по отношению к инородческому вопросу мы рассчитывать не можем. Здесь все остается по-старому... некоторые области законодательной реформы вызывают в нас чувство тревоги, например, дело народного образования, распространение землеустроительных законов 1910 и 1911 гг. окраины и переселенческая политика». Заканчивая свою речь, Ахтямов сказал: «Выведите нас из положения граждан 2-го сорта, дайте нам, национальности, которая признает Россию своим единственным отечеством и готова мирно трудиться над его процветанием... возможность культурно развиваться и работать на пользу общества наравне со всеми русскими гражданами»[182]. Мусульманская фракция стояла на позиции типичного буржуазного либерализма. Достаточно резко критикуя произвол царских властей по отношению к мусульманскому населению, представители этой фракции в то же время не протестовали против национального гнета в России по отношению к другим народам; в конечном счете они надеялись убедить правительство в необходимости улучшить положение мусульман посредством уравнения их в правах с русскими.

Депутаты польского коло представляли польскую националистическую буржуазию и никак не являлись выразителями воли польской демократии. От имени польской национальной группы выступил при обсуждении декларации правительства депутат Варшавской губернии Кониорский. Он обосновывал необходимость скорейшей от-

мены чрезвычайного законодательства в Царстве Польском (Варшавском генерал-губернаторстве), введения местного самоуправления, ратовал за устранение ограничений преподавания польского языка в школе. Он расценивал увольнение железнодорожных служащих-поляков с купленной в казну Варшавско-Венской железной дороги, закрытие просветительных обществ, школ, рабочих союзов и даже кооперативов как тенденцию к истреблению в пределах государства польской национальности, как тормоз культурного и экономического развития окраин[183]. Депутат Дымша (от Седлецкой губернии) заявил протест против применения к полякам термина «инородцы», однако обоснование протеста было сделано в либеральном духе и фактически явилось попыткой вырвать у царизма определенные уступки для поляков при сохранении гнета над другими народами страны. Дымша сослался на соответствующую статью из имперского законодательства, где приводилось перечисление «инородцев» — чуваши, калмыки и восемь или девять отдельных племен, но поляки не были названы. «Мы, поляки, — заключил Дымша, — по законам такие же полноправные граждане Российской Империи, как и все другие, мы не инородцы... А между тем... в Варшавской судебной палате 36 членов, из них — 32 православные, 3 — лютеране, 1 — магометанин, а поляка и католика ни одного!»[184] Безусловно, в данной претензии очень ярко проявился буржуазный национализм депутата польского коло. Польские либералы, упрашивая правительство «сойти с ложного пути гнета и обрусения», взывали к его «здравому смыслу» и заранее соглашались на урезанные реформы. Говоря о необходимости реформ в Царстве Польском, они ни словом не обмолвились о нуждах других национальных меньшинств России.

Требования белорусско-польско-литовской группы были те же, что и у представителей польского коло.

Трудовая группа занимала в национальном вопросе, как и в других социально-политических вопросах, затрагиваемых в Думе, колеблющуюся позицию между кадетами и революционными социал-демократами. В своих выступлениях представители трудовиков резко критиковали национальную политику правительства, но на практике вступали в блок с кадетами. Трудовик Янушкевич (Ковенская губерния) выразил протест литовского наро-

да. Охарактеризовав в своей речи закон 3 июня 1907 г. как помещичий, черносотенный закон, Янушкевич указал, что даже в Ковенской губернии, этой, по его выражению, крестьянской окраине, в Думу прошли только помещики. В значительной мере этот факт объяснялся и тем, что правительство умело использовало острые противоречия, сложившиеся в крае между польскими помещиками и литовскими крестьянами. Янушкевич подверг резкой критике земское начальство, которое проводило суд не на литовском, а на русском, непонятном для местного населения языке, когда «человек судится, не зная, как и за что». Напомнив, что еще в бытность II Думы стоял вопрос о введении в Северо-Западном крае земского самоуправления, но оно так и не осуществлено по той «причине», что «там еще мало русского элемента», Янушкевич с возмущением заявил: «Но как же, а местные жители, литовцы, люди или нет?» [185] Касаясь вопроса о бюджете государства, он под рукоплескания слева закончил свою речь решительным осуждением правительственного бюджета. «...Подходя с точки зрения инородца, — отметил он, — должен сказать, что правительству, являющемуся узурпаторским и желающему уничтожить всякий росток культуры, давать ни копейки нельзя, иначе это будет преступление, и этого преступления совершить не могут те, которые защищают интересы трудового населения...» [186] Его поддержал и депутат Рыслев, который заявил, что правительство не заслуживает никакого доверия, так как «ведет экономику вразрез с интересами трудящихся, дезорганизует хозяйство страны привнесением в него чуждых ему реакционно-политических, шовинистических и националистических тенденций» [187].

Основой для решения национального вопроса трудовая группа справедливо считала демократизацию политического строя России. Но трудовики не понимали решающей роли рабочего класса в революционном преобразовании общественной жизни, не представляли себе четко расстановки классовых сил при будущем демократическом строе и отводили в нем руководящую роль либеральной буржуазии, именно на либеральную буржуазию они возлагали свои надежды в решении аграрного, национального и других вопросов.

Среди социал-демократов не было единого мнения о причинах национального гнета в России, а главное

о путях его ликвидации. Меньшевики Чхеидзе, Чхенкели, Скобелев и другие, замалчивая колонизаторскую роль русской буржуазии, указывали, что национальный гнет в РОССИИ связан с господством царизма, феодалов, остатками крепостничества. Распространяя мелкобуржуазные иллюзии, меньшевики, вслед за кадетами, называли политический строй России после введения I Государственной думы конституционным, обновленным; они предлагали совершенствовать этот строй, ограничивая по мере возможности произвол царизма и обеспечивая сосредоточение власти в руках буржуазии и под ее руководством — осуществление общеполитических, общегражданских свобод. Вместе с тем меньшевики-депутаты окраин нередко выступали против своей местной националистической буржуазии.

Очевидно, что в позициях по национальному вопросу между кадетами, меньшевиками и трудовиками отчетливо прослеживался блок, ибо в конечном счете все они критиковали правительственную политику, ограничиваясь в практической части требованием урезанных реформ.

Составляя в ноябре 1912 г. тезисы декларации думской фракции РСДРП, В. И. Ленин подчеркивал, что большевики обязаны в Думе выступить «против национализма правительственного, с указанием угнетенных народностей: Финляндия, Польша, Украина, евреи и т. д. Лозунг *политического самоопределения* всех национальностей крайне важно указать точно в противовес всяким недоговоренностям (вроде *одного* «равноправия»)... Против либерального национализма, который не так груб, но вреден особенно своим лицемерием, своим «утонченным» обманом народа» [188].

Из большевистской «шестерки» от имени революционной социал-демократической фракции при обсуждении Декларации правительства выступил депутат Малиновский (как оказалось впоследствии, провокатор). Действуя в угоду царской охранке, этот депутат лишь слегка затронул национальный вопрос, фактически он говорил только о культурно-национальных запросах представителей Украины и Польши и бросил две риторические фразы о финляндской конституции и травле евреев. Зачитывая декларацию РСДРП, он делал пропуски, произвольно изменял текст решений партии и в результате

принципиально извратил весь смысл декларации РСДРП и национальной программы большевиков.

Таким образом, в дебатах по поводу декларации царского правительства слово рабочего класса не прозвучало. В. И. Ленин считал, что в силу особой важности национального вопроса при первом же удобном случае большевики обязаны огласить с трибуны Думы свою национальную программу, но это удалось осуществить лишь в мае 1913 г.

Обсуждение декларации правительства закончилось принятием формулы перехода к очередным делам, внесенной фракцией прогрессистов. Согласно этой формуле думское большинство по всем вопросам жизни страны, в том числе и по национальному, требовало «осуществления начал, возвещенных Манифестом 17 октября, и водворения строгой законности» [189].

Принципиально иной, единственно правильный, революционный путь решения национального вопроса и действительного достижения политического равноправия народов России предлагали и отстаивали в Думе только депутаты-большевики А. Е. Бадаев, Г. И. Петровский, М. К. Муранов, Ф. Н. Самойлов, Н. Р. Шагов. Следуя ленинским указаниям, социал-демократическая фракция на 1-й и 2-й сессиях IV Думы (с 3 декабря 1912 по 13 июня 1914 г.) сделала более 18 запросов в защиту трудящихся национальных окраин России.

Исключительно большое значение в политической жизни партии большевиков и сплочении вокруг нее трудящихся масс народов России имела речь депутата-большевика Г. И. Петровского, произнесенная 20 мая 1913 года. Выступление большевистского депутата по национальному вопросу именно в этот период было заранее запланировано и тщательно подготовлено партией. Проект речи Петровского был написан В. И. Лениным, который в связи с этим просил прислать ему как можно больше местного материала из различных губерний России (этот богатейший материал хранится в архиве большевистской фракции IV Думы).

Конспиративно проект речи был послан Г. И. Петровскому через Н. И. Подвойского. В письме из Кракова от 18 апреля 1913 г. Н. К. Крупская, сообщая Н. И. Подвойскому о направлении ему этого проекта, подчеркивала: «Речь крайне важна по принципиальному наступлению

против пошлой культурно-национальной автономии. Надо все усилия приложить, чтобы она была прочтена полностью» [190].

Ленинское задание было с честью выполнено. Несмотря на попытки правых сорвать выступление рабочего депутата, беспрерывный шум и звонки председателя, Г. И. Петровскому удалось полностью прочесть ленинский текст с думской трибуны. В тексте разъяснялась позиция социал-демократической фракции большевиков по национальному вопросу, разоблачалась реакционная политика Министерства внутренних дел, черносотенный характер IV Думы. В речи смело и открыто противопоставлялись две коренным образом отличные друг от друга национальные политики — русского царизма и самой революционной в мире партии, партии большевиков. Подчеркнув громадное значение национального вопроса в многонациональной самодержавной России, Г. И. Петровский охарактеризовал действия правительства как политику злобствующего национализма. «Правые партии, — отметил он, — включая сюда октябристов, все приветствуют всякие меры угнетения против народов — финского, еврейского, польского, украинского... татар, армян... киргизов и башкир. Во всем мире не найти ничего худшего, ничего позорнее того, что проделывают с угнетенными народностями у нас... Нигде на земном шаре нет такого дикого средневекового учреждения, как черта еврейской оседлости... Только на почве этого отвратительного крепостного порядка могут возникать такие бесстыдные, чудовищные дела, как дело Бейлиса» [191].

В речи Петровского впервые на всю страну прозвучал с официальной трибуны один из основных тезисов национальной программы большевиков: решение национального вопроса возможно, во-первых, «только при полном демократизме, обеспечивающем последовательное и свободное развитие национальностей, на основах полного национального самоопределения...», во-вторых, «при слиянии, объединении пролетариата всех национальностей в борьбе за социализм против всякой буржуазии, против всяких помещиков, разжигающих вражду как национальную, так и расовую» [192].

Таким образом, большевистской партией была раскрыта тесная взаимозависимость между завоеванием трудящимися классами социально-политических свобод и

ликвидацией национального гнета; резко разоблачался национализм как орудие в руках буржуазии против революционного движения; подчеркивалось, что европейская буржуазия лишь на словах признавала право наций на самоопределение (в процессе борьбы против абсолютизма и крепостничества), а на деле, достигнув власти, повернулась к самому махровому национализму из-за страха перед освободительным движением пролетариата. Вскрывая «единодушие» русской либеральной буржуазии, прогрессистов и кадетов с черносотенными партиями и правительством, Г. И. Петровский сказал: «Кадеты обманывают народ. Называясь демократами, они защищают идею «господствующей нации»... На словах буржуазия... признает необходимость политической свободы и даже октябристская буржуазия это признает, но не может быть действительной политической свободы в стране, где не обеспечена свобода национального развития... Кто истинно стоит за равноправие национальностей, тот не может поддерживать никаких национальных привилегий ни в школе, ни в земстве, ни в какой-либо государственной или общественной деятельности» [193].

Как депутат от Екатеринославской губернии, где $^{7}/_{10}$ населения было украинским, Г. И. Петровский на убедительном местном материале показал травлю черносотенцами украинцев, преследование родного языка, препятствия к развитию национальной культуры, литературы, искусства и т. д. Петровский обличал национализм и местной буржуазии. Так, представителю белорусско-польско-литовской группы Мацеевичу, выступавшему! с протестом против национального гнета по отношению к полякам, депутат-большевик сказал: «Но, гг. польские депутаты, какою мерою мерите, такою и вам отмерят. Если вы допускаете у себя преследование евреев, то как смеете протестовать против гнета на вас? .. Ваш гнет и последняя знаменитая травля евреев во всем польском крае доказывают вашу близость к нашим угнетателям. Ваш гнет, гг., так же чувствуется в Галиции над галицийскими украинцами...» [194]

Чрезвычайно важно было разъяснение Петровским о конечных целях разоблачения большевиками национального гнета с трибуны Государственной думы. Их обличительные речи объяснялись не тем, что большевики надеялись убедить черносотенцев России в правоте мар-

ксистской политики, а стремлением объединить всех угнетенных против эксплуататорских классов. «Разжигание национальной вражды, разделение в национальном вопросе всех партий, — отметил Петровский, — вот самая главная задача реакции. Поэтому вопрос о национальном мире или о национальной вражде имеет коренное значение для русской демократии... Так пусть наряду с голосом правительства и его представителей прозвучит голос представителя пролетариата, решающего национальный вопрос "братским единением тружеников всех национальностей в борьбе против всяких помещиков и всякой буржуазии, к какой бы нации они ни принадлежали» [195].

В речи Петровского была глубоко раскрыта сущность пролетарского интернационализма как мировоззрения, идеологии, политики и нравственного стимула рабочего класса в области революционного движения; пролетарский интернационализм четко противопоставлен буржуазному национализму.

В заключение своей речи Петровский всесторонне обосновал заявление социал-демократической фракции, призывавшей голосовать против бюджетной сметы Министерства внутренних дел. Петровский закончил свое выступление под рукоплескания слева.

Текст речи Петровского был немедленно и полностью опубликован в «Правде». Оглашение в Думе национальной программы большевиков имело исключительное значение в интернациональном воспитании масс и сплочении их под знаменем демократии и социализма.

В. И. Лениным был подготовлен еще ряд документов по национальному вопросу для внесения их в Государственную думу. Один из них — законопроект о национальном равноправии — «Проект закона об отмене всех ограничений прав евреев и всех вообще ограничений, связанных с происхождением или принадлежностью к какой бы то ни было национальности» [196] был опубликован в газете «Путь правды» 28 марта 1914 г. Социально-политическое значение ленинского законопроекта неоценимо. В нем содержались четыре пункта: граждане всех национальностей, населяющих Россию, должны быть равны перед законом; необходимость отмены любых ограничений, связанных с происхождением или принадлежностью к какой бы то ни было национальности; неотложность

отмены ограничений для евреев в сфере общественной и государственной жизни, праве жительства, передвижения, образования, избирательном праве, воинской повинности.

Законопроект был внесен в IV Государственную думу и, как и следовало ожидать, отклонен черносотенно-либеральным большинством.

16 апреля 1914 г. газета «Путь правды» опубликовала еще одну статью В. И. Ленина, посвященную борьбе за политическое равенство народов России. Статья называлась «Национальное равноправие». Основной целью статьи было разъяснение интернационального долга русского рабочего класса по отношению к порабощенным царским правительством народам страны. «Среди тревог и треволнений, — писал он, — приносимых борьбой за существование, за кусок хлеба, русские рабочие не могут и не должны забывать о том национальном угнетении, под игом которого находятся десятки и десятки миллионов «инородцев», населяющих Россию... Из каждых 100 жителей свыше 50 принадлежат к «инородцам».

И все это громадное население поставлено в условия жизни еще более бесчеловечные, чем условия жизни русского человека» [197]. Призывая русских рабочих к активной борьбе за политическое равенство всех народов страны, В. И. Ленин разъяснял, что политика угнетения национальностей отвечает интересам русских помещиков и капиталистов, махровых черносотенцев. Эксплуататорские классы стремятся разделить трудящиеся массы по национальному признаку, чтобы тем самым ослабить их борьбу против всевозможных форм насилия над ними. В своей политике эксплуататорские верхи использовали темноту и невежество масс, различного рода национальные и религиозные предрассудки, суеверия и т. д. «В противопоставлении интересов различных наций, — отмечал В. И. Ленин, — на отравлении сознания темных и забитых масс построены все расчеты черносотенцев... преследование «инородцев», разжигание взаимного недоверия между русским крестьянином, русским мещанином, русским ремесленником и крестьянином, мещанином, ремесленником еврейским, финским, польским, грузинским, украинским — вот хлеб, которым питается вся черносотенная банда» [198]. Ленин назвал делом чести русских рабочих, чтобы законопроект фракции РСДРП в Думе

тив национального гнета был подкреплен десятками тысяч пролетарских подписей и заявлений. «Это лучше всего укрепит *полное* единство, слияние между всеми рабочими России без различия национальностей» [199].

Важнейшими ленинскими документами, подготовленными для большевистской фракции IV Думы, являются также: проект еще одной речи Г. И. Петровского «К вопросу о национальной политике» (апрель 1914 г.) и «Проект закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств» (май 1914 г.) [200]. К сожалению, ни огласить речь в Думе, ни внести законопроект большевикам не удалось.

Большевистская фракция, главным образом депутаты А. Е. Бадаев, Г. И. Петровский и М. К. Муранов, использовала любой повод для пропаганды принципов пролетарского интернационализма как основы национальной политики большевиков. Большевистские депутаты вели также значительную внедумскую работу и были тесно связаны с трудящимися массами национальных районов. От передовых рабочих, от студентов петербургских, московских, харьковских, киевских, от крестьянских сходов они получали наказы и просьбы о том, чтобы осудить с трибуны Думы отдельные факты проявления национального гнета.

Уже в день открытия IV Думы 15 ноября 1912 г. по призыву Петербургского комитета в столице прошли стачки и многотысячные демонстрации против черносотенно-националистического состава новой Думы.

Из наказов депутатам-большевикам следует прежде всего отметить наказ рабочих-украинцев Екатеринославской губернии Г. И. Петровскому, в котором рабочие просили отстаивать в Думе свободу самоопределения и Другие национальные требования украинского народа. Об этом же просили большевика М. К. Муранова, депутата от рабочей курии Харьковской губернии, крестьяне Екатеринославского и Новомосковского уездов, а также крестьяне Полтавской губернии. Рабочие России обращались к думским депутатам-большевикам через газету «Правда». Так, рижские рабочие просили депутатов в апреле 1913 г. оказать им содействие в их борьбе с капиталом. Рабочие Варшавы тревожились по поводу готовящегося погрома евреев и посылали свои резолюции депутатам, прося с трибуны Думы огласить их протест."

Передовые рабочие России с горячим сочувствием следили за выступлениями большевиков в Думе. Особенно ценной была их дружная поддержка в борьбе против попыток меньшевиков навязать рабочим программу культурно-национальной автономии.

Знаменательно, что боевая позиция депутатов-большевиков в борьбе за коренные интересы угнетенных народов весьма положительно была оценена профессиональным союзом польских рабочих деревообделочной промышленности. В решении союза, которое было опубликовано 14 апреля 1913 г. в газете «Правда», они признавали «социал-демократическую фракцию в Думе единственной и непосредственной представительницей польского пролетариата»[201] (а не польское коло!). Эта резолюция рабочих Польши характерна для определения той роли, которую сыграла большевистская фракция в IV Государственной думе.

Деятельность депутатов-большевиков А. Е. Бадаева, Г. И. Петровского, М. К. Муранова, Ф. Н. Самойлова, Н. Р. Шагова в IV Думе была прервана 5 ноября 1914 г. их арестом. Поводом к нему стало провозглашение декларации, направленной против империалистической войны.

В целом Государственная дума, созданная под влиянием первой русской буржуазно-демократической революции как представительное учреждение, фактически лишь прикрывала сохранение монархического режима и являлась одним из средств проведения колониальной политики самодержавия. Острые столкновения в думских дебатах между политическими партиями по вопросу об уравнении прав всех народов России в государственной жизни ясно раскрыли, что царизм в своей националистической политике опирался на правооктябристское и, по многим вопросам, также на октябристско-кадетское большинство. Представители мелкобуржуазных партий — эсеров, трудовиков — в своих выступлениях по национальному вопросу заняли позицию буржуазной (а не рабочей) демократии. Протестуя в принципе против национального гнета, осуждая отдельные факты произвола царского правительства над национальными меньшинствами, мелкобуржуазные партии, однако, во-первых, четко не связывали вопрос о ликвидации национального гнета с необходимостью свержения самодержавия, во-вторых, не

формулировали в своих выводах того важнейшего факта, что решающим условием установления в России демократической республики было интернациональное единство трудящихся масс всех народов страны.

Последовательно революционную тактику проводили только депутаты-большевики. Они успешно использовали думскую трибуну для решительного и глубокого разоблачения колониальной националистической политики царизма, призывая трудящиеся массы народов России сплотиться в единую армию борцов против всех форм социального и национального гнета за победу демократической революции в России.

В IV Думе впервые с трибуны представительного государственного учреждения была оглашена национальная программа большевиков. Это явилось большой победой в деле революционного и интернационального воспитания народных масс. Активная защита большевиками политических интересов национальных меньшинств, внесение в Думу запросов по поводу конкретных проявлений великодержавной политики царизма — все это действовало на массы мобилизующе, тесно сплачивало их вокруг большевистской партии, русского рабочего класса в борьбе против самодержавия и капитализма.

ГЛАВА 3

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАРОДОВ РОССИИ В ПРОГРАММАХ И ТАКТИКЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИИ

Земельные нужды народов России и аграрные проекты непролетарских партий

Национальный вопрос в России тесно переплетался с аграрным и рабочим вопросами. В. И. Ленин отмечал, что основу буржуазной революции в России составлял аграрный вопрос, сущностью которого являлась «борьба крестьянства за уничтожение помещичьего землевладения и остатков крепостничества в земледельческом строе России, а следовательно, и во всех социальных и политических учреждениях ее»[1]. 10,5 млн. крестьянских дворов в Европейской России владели 75 млн. десятин земли, 30 тыс. землевладельцев имели почти такое же количество земли, а именно — 70 млн. дес., или в среднем свыше 500 дес. каждый[2]. Огромная масса крестьянства в России жестоко страдала от безземелья и остатков крепостничества (прямое переживание барщины, аренда исполу, аренда за отработки, кабала за долги, кабала за отрезные земли, за лес, за луга, за водопой и т. д.).

Сохранение крепостничества в земледелии стало абсолютно нетерпимым. Эксплуататорские верхи российского общества уже понимали неизбежность устранения крепостничества, но предпринимали все возможное, чтобы это делалось как можно медленнее и безболезненнее для класса помещиков, т. е. путем «перерастания крепостнически-помещичьих хозяйств в юнкерски-буржуазные хозяйства, превращения массы крестьян в бобылей и кнехтов, насильственного удержания нищенского уровня жизни массы, выделение небольших горсток гроссбауэров, буржуазных крупных крестьян, создаваемых неминуемо капитализмом в крестьянской среде»[3].

Русские помещики во главе с министром Столыпиным пошли именно по этому, так называемому прусскому пути развития капитализма в деревне. Ноябрь 1906 г. вошел в историю. России как рубеж, когда в соответствии с законодательным актом царского правительства фактически был положен конец общинному землевладению: членам общины было разрешено получать от общины свой надел земли и отделяться от нее на хутора. В этом акте выразилось стремление царизма укрепить в деревне свою опору в виде кулачества, значительно расширив рамки этого класса за счет выделившихся из общины зажиточных крестьян. Столыпинская реформа полностью отвечала интересам кулачества, ибо только его представители могли, выделившись из общины, самостоятельно вести хозяйство, поскольку имели инвентарь и скот. Что касается беднейшей части крестьянства, которая составляла значительную часть общинников, то, не имея ничего, они вынуждены были продавать свои наделы и наниматься в батраки. Таким образом, столыпинская реформа способствовала ускоренному классовому расслоению деревни на кулачество и сельский пролетариат. Естественно, что трудовое крестьянство выступило против столыпинской реформы, ведшей к разграблению общинных земель и пролетаризации деревни.

Классовым интересам крестьянства России отвечал другой путь развития капитализма в деревне, так называемый американский, который вел к полной ликвидации класса помещиков и организации в деревне фермерских хозяйств. Этот путь, как отмечал Ленин, обеспечивал неизмеримо более быстрое развитие капитализма «вследствие громадного роста внутреннего рынка, подъема жизненного уровня, энергии, инициативы и культуры *всего* населения»[4].

Следует также учитывать, что крепостническое угнетение крестьянской массы в России, господство бюрократизма в земельной политике чрезвычайно затрудняли использование гигантской площади свободных земель страны, а этот неиспользованный фонд вполне мог бы обеспечить экономическую основу для эффективного расширения земледелия и повышения производительности труда. Средневековым являлось в России не только помещичье, но и крестьянское надельное землевладение,

дробившее класс крестьянства на десятки разрядов, сословных категорий. В крестьянские поземельные отношения бесцеремонно вмешивались и центральные и местные власти. Крестьяне России, по выражению Ленина, были загнаны «точно в гетто, в мелкие средневековые союзы фискального, тяглового характера, союзы по владению надельной землей, т. е. общины»[5].

Только победа демократической революции, свержение самодержавия, полная ликвидация помещичьего землевладения могли вырвать крестьянство из средневекового рабства и создать условия для широкого, свободного и всестороннего развития сельского хозяйства на базе национализации всех земель.

От безземелья в царской России сильнейшим образом страдало русское крестьянство, но в еще большей степени — коренное население национальных районов страны. Национальные меньшинства вообще всячески ограничивались в возможностях развития экономики. Им чинились всевозможные препятствия в приобретении недвижимого имущества, в покупке и аренде земли, занятии тем или другим родом деятельности, передвижении, предпринимательстве, торговле и т. д. Так, например, нерусское население Сибири и Севера, кочевое население Средней Азии царизм представлял в своих документах как «бродячих инородцев», однако не давал им возможности стать оседлым населением, запрещая приобретение земли. Например, татарам не разрешалось приобретать землю в Туркестанском крае, лицам польского происхождения — в Западном крае; даже сдать свое имение в аренду лицу польского происхождения русские могли только с разрешения генерал-губернатора. В Киевской губернии, особенно в южной ее части нужда крестьян в земле была очень велика, в то время как здесь графы Браницкие имели 200 тыс. дес., Потоцкий и Бобринский — более 100 тыс. каждый, Игнатьев — 10 тыс., капиталист Терещенко — до 100 тыс. дес. и т. д.[6] 1/3 крестьянского населения Сувалкской губернии была фактически безземельна. У многих крестьян на двор приходилось земли от 1 до 3 моргов, что означало в среднем от 0,5 до 1,5 дес. на двор[7]. От безземелья и нищеты ежегодно в среднем в Америку переселялись от 14 до 17 тыс. литовцев, непосредственных тружеников-земледельцев. Гонимые земельной нуждой, они вы-

нуждены были покидать родину, бросать на произвол судьбы свои семьи, обрекать себя на скитания, рабское существование и произвол тех предпринимателей, которые перевозили их в Америку за свой счет[8].

Крайне обострял аграрный вопрос переселенческая политика царизма, которая наряду со столыпинской реформой была прежде всего одним из средств борьбы против революционного крестьянского движения. В начале 90-х годов XIX в. царское правительство начинает организацию переселенческих фондов в Степном крае и Сибири, вторгаясь в землепользование нерусского крестьянства. С этой целью правительство снаряжает целые экспедиции для статистического изучения возможностей колонизации. После каждой новой экспедиции нормы земельного наделения нерусского крестьянства сокращались. За 1893—1905 гг. в переселенческий фонд царским правительством было отобрано у нерусского населения степных областей более 3 млн. дес. лучших земель и, кроме того, 17 млн. дес. для казачьих поселков[9]. В результате сотни тысяч киргизов и казахов Акмолинской, Семипалатинской и других областей остались без земли. У многих кочевников были отобраны пастбища. Эта политика ограбления нерусского крестьянства Сибири и Степного края еще более усилилась в годы реакции после поражения первой русской революции. Царское правительство варварски изгоняло местное население (киргизов, казахов, туркмен) с их участков земли в дикие горы и необжитые степи, предоставляя захваченные земли с готовым искусственным орошением русским колонизаторам. Так, в Киргизской степи не менее миллиона киргизов нуждались в поземельном устройстве, положение киргизского народа было отчаянное. Киргизы «хлопотали перед всяческим начальством, прибегая ко всяким законным способам в защиту своих прав, и получили только военное положение — больше ничего»[10]. За 10 лет у нерусских крестьян-скотоводов Усть-Каменогорского уезда Семипалатинской области царские власти отняли более 2 млн. дес. земли. 25 октября 1912 г. Совет министров утвердил нищенскую норму земельного обеспечения киргизов, а затем эта норма была узаконена и для сибирских губерний, Забайкалья и Дальнего Востока. В Тобольской губернии в 1910—1912 гг. по произволу Министер-

ства внутренних дел у кочевых скотоводов были отняты не только пастбища, но даже рыболовные озера. В Томской губернии, по свидетельству очевидцев, изъятие так называемых излишков земли у кочевников-скотоводов превратилось в настоящую экспроприацию. У них отнимали самые необходимые пастбища, которыми они пользовались издавна [11].

Еще большие насилия наблюдались по отношению к нерусскому населению на так называемых кабинетских (принадлежащих непосредственно царскому двору) землях. Опираясь на царский указ от 19 сентября 1906 г. о передаче части кабинетской земли под заселение, администрация Алтайского округа сгоняла с этих земель кочевых и оседлых скотоводов и отдавала их в аренду русским переселенцам из Европейской России. В справке за 1907—1910 гг. алтайские чиновники писали, что в Алтайском округе переселенцам из Европейской России могло быть предоставлено около 5 млн. дес., значительно превосходящих по своему качеству большую часть заселяемых казенных земель в Сибири. С 1893 по 1906 г. у кочевников за Уралом было отобрано 20 млн. дес. земли. Только за 5 лет, с 1909 по 1913 г., царские чиновники отобрали в колонизационный фонд в Сибири и Азии около 26,5 млн. дес. земли [12]. Точно такая же картина наблюдалась и в Дагестане, в Бакинской губернии, в Башкирии. За самый короткий срок в Уфимской и Оренбургской губерниях было расхищено до 1,5 млн. дес. земель, бывших собственностью башкирского народа. Князь Ливен, министр государственных имуществ, приобрел 6200 дес., Макаров, министр внутренних дел, — 2313, член Государственного совета Я. мятин — 2148, действительный статский советник Горемыкин — 1998, начальник Московского жандармского управления Слезкин — 2070 дес. земли [13].

В Завкавказье $^2/_3$ лучших плодородных земель находилось во власти помещиков и удельного ведомства, монастырей, церквей и мечетей. Вследствие этого земельный голод среди крестьян, в особенности в губерниях Елисаветпольской, Эриванской и Кутаисской, был еще более острым, чем в центральной России [14]. При этом правительство всячески поощряло русскую колонизацию на Кавказе и в Закавказье с захватом земель от коренного населения в частную собственность. Организованное с целью обрусения коренного населения переселенческое движение в Закавказье усиливало и без того чрезвычайное малоземелье местных крестьян и вызывало их крайнее озлобление. В Бакинской губернии многие общества не имели ни клочка своей земли, а крестьяне работали на чужих — помещичьих, казенных, удельных, монастырских землях за нищенский заработок [15]. В Терской области проживали чеченцы, кабардинцы, кумыки, ингуши, осетины и пришлое русское население. 50 тыс. ингушей жили некогда общиной. Земли их были отобраны в XIX в. и переданы казакам, а ингуши вынуждены были арендовать у них землю. В среднем ингушские крестьяне платили ежегодно казакам более 30 тыс. руб. аренды, т. е. за свою землю только за 1905 г. они отдали 50 тыс. руб. (аренда и штрафы) [16]. Горец имел здесь «половину, треть, пятую, десятую и т. д. ...десятины земли...». У чеченца, как сказал один из депутатов I Думы, «земли столько, сколько помещается под его буркой, а цена земли, занимаемой лежащей коровой, такая же, как и цена коровы...» [17]. Казаки, сдавая землю в аренду, в любое время могли согнать арендатора и сдать землю другому. Арендная плата доходила до 20 коп. за квадратную сажень.

Доведенные до отчаяния безземельем и голодом горцы — чеченцы, ингуши, осетины нанимаются в так называемые черные сотни, которые царское правительство использовало при подавлении революционных выступлений рабочих и крестьян. Вербуя молодых горцев на полицейскую службу, агенты царской администрации старались увлечь их перспективой блестящего будущего, сулили чины, ордена, почет. Лучшие представители горцев в телеграмме на имя своего депутата Т. Э. Эльдарханова в I Думу просили запретить эти позорные акции правительства [18].

Несмотря на то что коренное население Литвы страдало от чрезвычайного безземелья, царское правительство осуществляло и здесь переселенческую политику, приглашая крестьян из внутренних губерний и продавая им на самых льготных условиях землю, отобранную у местного населения. Подобная аграрная политика правительства вызывала резкие межнациональные противоречия между приезжим русским и местным литовским населением [19]. В работе «Аграрная программа социал-

демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин, приведя из речи депутата II Думы Эльдарханова факты расхищения земли коренного населения правительством, сделал ироническое замечание (имея в виду несостоятельность меньшевистской программы муниципализации земли): «...должно быть, это было до стокгольмской лекции Плеханова и Джона о недосягаемости муниципализированных земель для недемократической государственной власти» [20].

Царизм стремился путем переселения не только ослабить аграрно-крестьянское движение в центре России, но и ускорить колонизацию окраин, ассимилировав местное население с русским. Однако насильственная ассимиляция только затрудняла, тормозила объективный и прогрессивный процесс сближения народов в производстве, торговле, быту, духовной жизни. Между переселенцами и местным населением вспыхивала вражда из-за земли и воды (которых часто не хватало самим местным жителям).

Об исключительной злободневности проблемы поземельных отношений в царской России убедительно свидетельствовал даже тот факт, что в I Государственной думе за 10 дней по аграрному вопросу выступило 60 ораторов и записались для выступления в прениях еще 117 [21].

В программах и тактике политических партий России аграрный вопрос решался различно, в каждом отдельном случае отражая специфические интересы определенного класса или прослойки крестьянства.

Аграрная программа правых партий, изложенная в декларации правительства и докладе министра земледелия и землеустройства во II Государственной думе, сводилась к трем главным пунктам: столыпинская реформа, крестьянский банк, переселение безземельных крестьян. Кадеты внесли на обсуждение I Думы законопроект, получивший (в соответствии с числом подписавших его лиц) название «проект 42-х». Они считали необходимым сохранить помещичье землевладение и предлагали провести отчуждение «по справедливой оценке» (за выкуп со стороны частично государства и в значительной мере — крестьян) только тех земель, которые эксплуатировались самими владельцами, а обрабатывались исполу крестьянским инвентарем или сдавались

в аренду. Выступая в защиту кадетского аграрного проекта в I Думе, депутат Л. И. Петражицкий (Петербург) отметил, что «наделение крестьян землей не есть решение аграрного вопроса», но, ввиду острого кризиса, является необходимой помощью крестьянству, «для этой помощи нужно принести... жертвы... В конце концов бремя это падет главным образом на самих крестьян» [22]. Сущность отношения либерально-монархической буржуазии к нуждам крестьянства была предельно четко сформулирована в речи кадета М. Я. Герценштейна, который, отметив, что кадеты вовсе не сторонники принудительного отчуждения земли во всех случаях, закончил свое выступление следующими словами: «Сейчас пожар, его надо тушить, а потушить можно только увеличением площадей землевладения... Земля должна продаваться по более дешевой цене» [23].

В. И. Ленин оценивал кадетский аграрный проект как стремление повторить реформу 1861 г., как либерально-чиновничье, а не революционно-классовое решение вопроса о средствах и путях проведения земельной реформы. «Кадетская аграрная программа, — писал В. И. Ленин, — идет по линии столыпинского, т. е. помещичьего буржуазного прогресса» [24].

Из выступлений депутатов от рабочих и крестьян в Думе, их петиций, писем и запросов вытекает важный вывод: угнетенные народы не мыслили себе национальное освобождение вне решения аграрного вопроса и предоставления в их распоряжение определенных земельных угодий.

Во II Государственной думе октябристы открыто защищали столыпинскую аграрную реформу. Кадеты, идя на сделку с правительством, отказались от требования отчуждения даже части помещичьих земель за счет казны и предложили возложить уплату за отчужденные земли на крестьян. Меньшевики поддерживали кадетов.

В марте 1907 г. В. И. Ленин (являвшийся представителем петербургской организации РСДРП для связи с социал-демократической фракцией II Государственной думы) написал проект речи по аграрному вопросу для социал-демократической фракции [25]. Несмотря на то что речь была зачитана не полностью, она имела огромное значение для выяснения позиции революционной пролетарской партии. Впервые с трибуны государственного

представительного учреждения был провозглашен лозунг безвозмездной конфискации помещичьей земли и призыв к трудящемуся крестьянству взять решение аграрного вопроса в свои руки. Под влиянием большевиков крестьянские депутаты стали постепенно отходить от кадетов, что было чрезвычайно важно для установления прочного союза рабочего класса с крестьянством в буржуазно-демократической революции. В. И. Ленин отмечал в 1907 г.: «Мелкие собственники-земледельцы в массе высказались за национализацию и на съездах Крестьянского союза в 1905 году, и в первой Думе в 1906 году, и во второй Думе в 1907 году, т. е. на протяжении всего первого периода революции» [26].

Революционно-демократическая позиция крестьянства в дальнейшем расширялась и укреплялась. Сплачиваясь под большевистскими лозунгами, трудовое крестьянство и центра и национальных районов России решительно боролось на протяжении всей буржуазно-демократической революции и против столыпинского аграрного законодательства, и против произвола помещиков и правительственных органов, оно явилось верным союзником рабочего класса в 1917 г. в условиях подготовки социалистического переворота.

Все представители национальных меньшинств в Государственных думах высказывались по аграрному вопросу. Классовая сущность выдвигаемых ими аграрных проектов была чрезвычайно разнообразной — от поддержки позиции кадетов до признания необходимости национализации земли при условии полной демократизации общественно-политического строя страны.

Примыкавший к кадетам депутат I Думы И. Х. Чаксте (Курляндская губерния) выступил против конфискации помещичьих земель. Он предлагал передать крестьянам только церковные (пасторские) земли [27]. Кадеты депутаты П. С. Леонас (Сувалкская губерния) и Ф. Хан-Хойский (Елисаветпольская губерния), поддержал аграрный «проект 42-х». Хан-Хойский, признавая необходимым принудительное отчуждение помещичьей земли на началах «справедливой оценки», подчеркивал, что «отчужденные земли должны составлять не общегосударственный земельный фонд, а областной земельный фонд в пределах каждой данной области» [28]. Либерально-монархическое отношение к аграрному вопросу вы-

разил и депутат I Думы, виленский епископ барон Э. Ю. Ропп. «Крестьянский вопрос, — сказал он, — не может одинаково решаться в различных местностях Империи... Признавая совершенную нужду крестьян, признавая совершенно их бедственное положение и признавая вместе с тем, что оно разделено и в национальном, и в культурном отношениях... мы желаем... приобрести больше земли, чем сегодня имеем, но все-таки не нарушая прав чужих, без насилия и без внутренней борьбы, а постепенным развитием на существующих основах» [29].

Компромисс между помещиками и крестьянами в аграрном вопросе, частичное принудительное отчуждение помещичьих земель, наделение крестьян землею за выкуп или предоставление крестьянам ее во временное пользование отстаивали кадеты Я. Я. Тенисон и К. Я. Озолин (Лифляндская губерния), народовцы Р. В. Дмовский и В. Ю. Тышкевич (Варшава). В целом высказывания той части депутатов I и II Дум, которые поддерживали кадетов, мало чем отличались друг от друга.

Тышкевич, выступая с трибуны I Государственной думы, подчеркнул своеобразие форм землепользования в Центральной России и на ее юго-западе, в частности особенности аграрного вопроса в Царстве Польском. Он настаивал на проведении в жизнь принципа децентрализации, т. е. на том, чтобы национальные окраины самостоятельно проводили у себя аграрную реформу. Призывая «исправить ошибку 1861 г.», он предлагал «...увеличить тогдашние нищенские наделы... применить принудительное отчуждение... там, где местные условия того требуют... на непременных условиях выкупа земли за счет государства по справедливой оценке и, безусловно, в полную собственность наделяемых» [30]. Депутат II Думы Дмовский, признавая необходимость увеличения площади крестьянского землевладения, считал, что вопрос этот может быть решен только автономным сеймом Польши, т. е. практически снимал аграрный вопрос с повестки дня [31]. Депутат I Думы К. Я. Озолин, выразив удовлетворение «проектом 42-х», отметил, что некоторые его частные замечания вызваны лишь особенностями землевладения в Прибалтийском крае. По существу же этот депутат высказался против ради-

кальных мер в области земельных отношений, против «ломки действительности». Призывая депутатов «подняться выше своих личных интересов, выше интересов классовых», он отмечал, что принудительное отчуждение части частновладельческих земель преследует, согласно «проекту 42-х», только одну цель — устранение острой нужды в земле трудящегося крестьянства [32]. Кадет П. С. Леонас, также поддерживая «проект 42-х», выразил надежду, что вопрос о земле решит Государственная дума: она установит главные принципы его решения, а местные учреждения определят формы их конкретного применения. Демократизм этого депутата как представителя одной из угнетенных наций России выразился в том, что он подчеркнул единые интересы русского и литовского народов и тот величайшей важности факт, что русский народ выступил против царившего в России национального гнета. «Мы отлично понимаем, — сказал Леонас, — что все те тяжелые раны, которые были нам нанесены, мы будем в состоянии залечить с помощью... русского народа, который берет устройство рабочей судьбы в свои руки и который оставил путь насилия и человеконенавистничества и стал на путь свободы, равенства, братства и социальной справедливости» [33].

Чрезвычайно показательной с точки зрения буржуазного национализма угнетенной нации была речь депутата II Государственной думы кадета П. П. Юрашевского (Курляндская губерния). Выдвинув требование отмены феодальных привилегий крупных землевладельцев, он (типично по-кадетски) ограничил необходимость отчуждения помещичьих земель лишь выше определенной нормы. Демократическим звеном в этой речи был протест против национального гнета, требование права прибалтийских народов на самоопределение (в виде областного самоуправления) и самостоятельное распоряжение своей землей. За «компромисс» в аграрном вопросе высказался и прогрессист Т. Я. Юрине, представитель Эстляндской губернии, предложивший «наследственную или вечную аренду». «Тот, который пользуется землей, — сказал он, — который лучше ею пользуется, тот и будет иметь землю в своих руках». Однако Юрине, как и следовало либералу, был против конфискации помещичьей земли [34].

Таким образом, та часть представителей национальных меньшинств, которая стояла в целом на позиции ка-

детского аграрного законопроекта, все же вносила определенный элемент демократизма в данную платформу, защищая специфические интересы угнетенных народов, стремясь к решительному уничтожению всех привилегий дворянства. Ограниченность позиции национальных кадетов проявлялась в отрицании ими необходимости создания государственного земельного фонда, в признании целесообразности создания лишь областных земельных фондов. Их требование областной автономии, областного самоуправления при широкой демократизации политического строя было безусловно положительным и прогрессивным, но стремление обосновать в известной степени областничество в организации земельных отношений вносило элемент консерватизма в их аграрную программу и тесно смыкало их с реформистской программой «муниципализации», которую выдвинули меньшевики.

Часть представителей национальных меньшинств в Думе примыкала в аграрном вопросе к трудовикам. Земельный проект трудовиков («проект 104-х» в I Думе) содержал требование отчуждения в общенародный земельный фонд помещичьих и прочих частновладельческих земель, «превышавших трудовую норму». Трудовики отвергали выкуп. Наделение крестьян землей, согласно их проекту, должны были осуществить местные комитеты (избранные всеобщим голосованием) на принципах уравнительности, по трудовой норме. Революционный характер аграрной программы трудовиков заключался в требовании ликвидации вековых крепостнических устоев в экономике страны, решения аграрного вопроса в целом в пользу крестьянства. Однако программные положения трудовиков о «трудовом начале», «трудовой норме» как якобы базе для развития социализма были утопичными. Объективно их аграрная программа отвечала интересам развития капитализма в сельском хозяйстве.

С резкой критикой правительственной аграрной политики выступили депутаты II Государственной думы, трудовики К. Хасанов (Уфимская губерния), Ф. К. Васютин (Харьковская губерния) и др. «Мы, — заявил Хасанов, — собрались сюда со всех концов России, чтобы от имени наших избирателей выразить требование о земле и воле... Если нам наши земли, отобранные правительством, не будут возвращены, мы все меры бу-

дем принимать к тому, чтобы эти земли обратно отобрать... вопреки всяким преградам, которые будет нам здесь ставить правительство» (Аплодисменты слева)[35]. Васютин в своей речи тесно связал возможность решения аграрного вопроса с необходимостью ликвидации в России крепостнического режима. «Народ, — сказал он, — жаждет избавиться от гнета помещиков-крепостников, которые со всех сторон его теснят, но мы, товарищи крестьяне, здесь слышим совсем другое. Нам г. председатель Совета министров говорит, что принудительное отчуждение частновладельческих земель для наделения крестьян недопустимо... это повлечет разорение культурных хозяйств... будут обездолены 130 000 владельцев... Мы видим здесь в лице г. председателя Совета министров не министра всей страны, а министра 130 000 помещиков. 90 000 000 крестьян для него ничего не составляют... Знайте, что народ, если правительство не удовлетворит нужды, тоже не спросит вашего согласия, он возьмет землю... Нам, товарищи, предлагают переселение в Сибирь. Я — украинец. Наши деды и прадеды грудью отстаивали Украину, и что же они за это получили? Земли, которые они отстояли, были розданы помещикам, а их закрепостили...» Васютин от имени трудовой группы и Крестьянского союза предложил признать настоятельную необходимость коренной аграрной реформы путем передачи трудовому народу казенных, удельных, кабинетских, церковных, монастырских и, на началах принудительного отчуждения, земель частновладельческих[36]. С защитой аграрной программы трудовиков выступил член этой группы во II Думе литовец А. А. Булат (Сувалкская губерния), отметив, однако, что вопрос относительно выкупа должен решаться местными земельными комитетами[37].

В работе «Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов» В. И. Ленин с большим сочувствием цитирует и комментирует выступление члена мусульманской фракции депутата Р. Медиева (Таврическая губерния), оценивая его как горячую революционную речь в защиту «земли и воли»[38].

«Чем дальше продолжаются прения, — отмечал Медиев, — тем ярче выплывает перед нами требование народа — что землей должен пользоваться тот, кто на ней трудится», Он рассказал, как царские чиновники отбирали башкирские земли. Министры и действительные статские советники, начальники жандармских управлений получали по 2—6 тыс. дес. Медиев огласил наказ «братьев-татар», которые жаловались на расхищение царскими чиновниками вакуфных (т. е. церковных) земель; процитировал ответ туркестанского генерал-губернатора одному татарину, от 15 декабря 1906 г., что переселяться на казенные земли могут только лица христианского вероисповедания. «Не пахнет ли от этих документов, — возмущался Медиев, — чем-то прелым, аракчеевщиной прошлого века?»[39]

Эсеровскую точку зрения в аграрном вопросе разделяла часть депутатов от кавказских крестьян — Сагателян (Эриванская губерния), представитель партии «Дашнакцутюн» С. Х. Тер-Аветикянц (Елисаветпольская губерния). Как известно, эсеровский проект («проект 33-х») отличался большей левизной и более революционным характером требований, чем проект трудовиков. Эсеры предлагали немедленную и полную отмену частной собственности на землю. Хотя утопия уравнительности в землепользовании была и в этом проекте, но в то же время он был более смелым и прогрессивным по сравнению с «проектом 104-х». «Это, — писал В. И. Ленин об эсеровской аграрной программе, — утопия не оппортунистического, а революционного мелкого буржуа, не хозяйственного мужика, а разоренного мужика, не мечта нажиться от помещика, на счет пролетария, а мечта облагодетельствовать всех, и пролетариев в том числе, посредством поравнения. Это — не боязнь втянуть в движение самые широкие и самые бедные массы, а желание втянуть их в борьбу (желание, не сопровождающееся уменьем и пониманием дела)». Раскрывая противоречивость эсеровской аграрной программы, В. И. Ленин подчеркивал, что главным в ней была антикрепостническая направленность, революционный дух, но эта программа выражала мелкобуржуазный демократизм, была антинаучна, псевдосоциалистична, причем реакционность эсеровской программе придавали прежде всего утопические требования трудового начала и уравнительности[40].

С точки зрения перспектив социалистического преобразования сельского хозяйства программные требования эсеров не выдерживали никакой критики, хотя в основном своем требовании — уничтожение помещичь-

его землевладения и превращение всей земли в общее народное достояние — они были прогрессивными и революционными. Депутат II Государственной думы Тер-Аветикянц горячо высказался в защиту передачи земли в общественную собственность. «...Нам, представителям трудового народа, — сказал он, — представителям крестьянства, которое смотрит на землю, как на всеобщий дар божий, который наравне со светом, воздухом и водой должен быть общей собственностью, решение этого вопроса кажется очень простым, и нужно его считать таковым; именно: земля на началах общинной собственности должна принадлежать труженикам, т. е. трудовому народу, и никому другому». Решительная революционная позиция депутата нашла яркое выражение в его заявлении о том, что, в случае если земля не будет передана народу, «народ, который в продолжение веков много раз платил за землю потоками своей крови, сумеет организоваться и насильно взять не только землю, но и многое другое, весьма ценное (Шум справа). Сумеет своими организованными силами добиться всех тех благ, к которым неудержимо стремится». Тер-Аветикянц резко осудил кадетскую аграрную программу и подчеркнул единство классовых интересов трудового закавказского и русского крестьянства. Озлобление безземельного крестьянства Закавказья направлено, отметил он, «не против переселяющихся русею крестьян, которых наши крестьяне считают своими братьями, а тех господ, которые переселенцами пользуются как орудием обрусения... Я от имени всего кавказского крестьянства, без различия национальностей и религии, заявляю, что наше крестьянство стремится к такому же решению земельного вопроса, к какому стремится крестьянство и остальной России. В решительный момент все кавказское крестьянство пойдет рука об руку со своим старшим братом — русским крестьянством и добудет себе землю и волю, добудет себе человеческие права и условия человеческого существования» (Аплодисменты слева) [41].

От имени казахского народа с трибуны II Государственной думы выступил Б. Б. Каратаев (Уральская область). Осуждая аграрную политику царизма, он подверг критике проекты выступивших в Думе главноуправляющего земледелием и землеустройством князя

Васильчикова и председателя Совета министров Столыпина. Подчеркнув большую земельную нужду крестьян Уральской, Тургайской, Акмолинской, Семипалатинской, Семиреченской областей, Каратаев сказал, что переселенческая политика приводит к крайнему разорению и расстройству хозяйства коренного населения, что переселение не должно осуществляться несогласованно с интересами местного населения, так как представляет фактически насилие сильного над слабым. В заключение Каратаев подчеркнул единство интересов трудовых крестьян России без различия их национальности в борьбе против помещиков. «Пусть помнит Государственная дума, — заявил он, — что киргиз-кайсаки (дореволюционное название казахов. — *Авт.*), которых обижают путем переселения на их земли крестьян ради защиты помещичьих интересов внутри России, интересов этих 130000 помещиков, пусть она имеет в виду, что киргиз-кайсаки всегда сочувствуют всем оппозиционным фракциям, которые желают принудительного отчуждения частновладельческих земель для удовлетворения крестьянского земельного голода» [42].

За ликвидацию помещичьего землевладения высказался представитель польского малоземельного крестьянства И. М. Наконечный (Люблинская губерния). Выдвинув от имени своих избирателей требование земли и воли, Наконечный подчеркнул единство интересов польского и русского крестьянства. Защищая интересы польского народа, Наконечный заявил, что содержание аграрной реформы должно быть предоставлено законодательному собранию Царства Польского, созванного на основе всеобщей, равной, прямой и тайной подачи голосов, причем собранию этому должно быть предоставлено право принудительного отчуждения частновладельческих земель по его собственному усмотрению и почину. «Только такое решение вопроса, — сказал он, — будет истинно демократическим... удовлетворит нужды нашего бедного крестьянства. И мы, поляки, питаем глубокую надежду, что русское крестьянство и весь народ поддержит справедливые требования и поможет нам устроиться согласно с своеобразием нашего быта» [43].

Украинская фракция во II Государственной думе, от имени которой выступал депутат Сайко (Полтавская губерния), присоединилась к трудовикам, но предло-

жила заменить в «проекте 104-х» слова «общенародны земельный фонд» словами «краевой национальный з мельный фонд, долженствующий послужить началом с циалистического устройства». «Украинская фракция, — заявил депутат, — считает наибольшей несправедливо стью на свете частную собственность на землю»[44].

Решительно выступив за ликвидацию частной соб ственности на землю и образование в национальны рамках общенародного земельного фонда, украинска фракция фактически высказывалась за национализаци земли. Это наиболее революционное требование в аграр ном вопросе поддерживала значительная часть беднейшего малоземельного и безземельного крестьянства.

Таким образом, аграрные программы непролетар ских партий в целом отражали тенденцию развития к питализма в деревне с той принципиальной разнице что кадеты стремились направить это развитие по пру скому пути, мучительному для широких трудовых ма деревни, в то время как аграрные программы мелк буржуазных партий — трудовиков и эсеров — в коне ном счете формулировали тенденции американского пу развития капитализма в деревне. Либеральная бур]ку зия (кадеты) стремилась решить аграрный вопрос п сохранении класса помещиков, не ломая по сущест крепостнических порядков. Мелкобуржуазные парт считали необходимым покончить с остатками крепо ничества в сельском хозяйстве. Формулируя подчас р дикальное требование не только ликвидации помещи его землевладения, но и частной собственности на зе и передачи земли крестьянству, трудовики и эсеры п влекали к себе внимание определенной части кресть ства. Как в своей программе, так и в тактике мелкобу жуазные партии были непоследовательны, выдвига утопические лозунги «трудовой нормы», уравнитель сти в землепользовании, в ряде случаев шли на пр тические блоки с кадетами, тем самым изменяя и те сам широких трудящихся масс села. В конечном сч их тактика отражала классовые интересы зажиточ части крестьянства.

Однако, как считала партия большевиков, како бы ни были мелкобуржуазные утопии, которыми все родннческие партии и группы облекали борьбу кре янских масс против крепостнического помещичьего з

левладения и против крепостнических пут землевладения и землепользования в России вообще, сама эта борьба выражала собой вполне буржуазно-демократическое, безусловно прогрессивное и экономически необходимое стремление к решительной ломке всех этих пут[45]. Исходя из этого, большевистская партия считала не только возможным, но и обязательным в непосредственной классовой борьбе крестьянства против самодержавия и остатков крепостничества вступать в практические блоки с мелкобуржуазными революционными партиями с целью создания более благоприятных условий для своего идеологического воздействия на крестьянство, усиления организованности крестьянского движения и упрочения союза крестьянства с рабочим классом.

Ленинская программа национализации земли и поддержка ее трудовым крестьянством национальных районов России

В условиях буржуазно-демократической революции в России В. И. Ленин выдвинул по аграрному вопросу программу национализации земли, считая ее не только решающим фактором быстрейшего капиталистического прогресса в земледелии, но и одним из важнейших факторов перехода от демократической революции к социалистической. Национализация земли означала полную ликвидацию частной собственности на землю и передачу всей земли в распоряжение государства. Национализация земли была последовательно демократической программой, означавшей наибольшую в капиталистическом обществе свободу классовой борьбы и свободу землепользования. Отмена частной собственности на землю на практике явилась бы таким могучим ударом по частной собственности на все средства производства вообще, что пролетарская революционная партия обязана была всемерно поддерживать подобное преобразование[46].

Однако российская социал-демократия не имела единого мнения не только по общеполитическим вопросам, но и по аграрному. На IV съезде РСДРП (1906 г.) меньшевики выдвинули программу так называемой муниципализации земли. В этой программе отсутствовало главное требование демократической революции в России —

требование конфискации помещичьих земель. Меньшевики считали достаточным подвергнуть конфискации лишь часть («излишки») помещичьей земли, а также кабинетные, удельные, монастырские земли и передать их в распоряжение муниципалитетов (т. е. местных самоуправлений или земств), у которых крестьяне должны были арендовать эту землю каждый по своим возможностям. Таким образом, меньшевистская программа была не революционной, а соглашательской программой примирения с интересами помещиков. В программе муниципализации нашло яркое отражение неверие меньшевиков в революционные силы крестьянства, их отрицание гегемонии рабочего класса в буржуазно-демократической революции и его союза с крестьянством. Одним из аргументов в пользу муниципализации меньшевики выдвигали то положение, что эта программа якобы отвечает интересам национальных меньшинств, которые, по их мнению, никогда не согласятся с национализацией земли.

Так, выступая во II Государственной думе, И. Г. Церетели (Кутаисская губерния) отметил, что национализация земли была бы величайшей несправедливостью по отношению к мелким национальностям [47].

На деле же, как подчеркивает В. И. Ленин, идея муниципализации *«только и послужила* националистическим тенденциям разных групп буржуазии. *Только эти группы,* если не считать правого казака Караулова, «взяли себе» под охрану разные «краевые» и «областные» фонды. При этом *аграрное* содержание провинциализации (ибо фактически Маслов «отдает» земли провинциям, а не «муниципиям», так что слово провинциализация точнее) националы *выкинули:* ничего не предрешать, *все* предоставить автономным сеймам или областным и т. п. самоуправлениям, и вопрос о выкупе — вопрос о собственности и т. д.» [48].

Отмечая националистически-федералистическую сущность муниципализации, В. И. Ленин на основании анализа крестьянского движения в первой русской революции и выступлений крестьянских депутатов в Думе делает вывод, что защита муниципализации соображениями о согласии или несогласии национальностей несостоятельна и находится в противоречии с «определенно заявленным мнением весьма различных народностей»

Крестьяне всех народов России, и центра и окраин, в своем большинстве, в одном случае стихийно, в другом — сознательно, отстаивали требование конфискации помещичьей земли с последующей ее национализацией. 3 этом отношении чрезвычайно показательной является речь на одном из заседаний I Думы украинского автономиста Я. К. Имшенецкого (Полтавская губерния). Подчеркнув необходимость передачи земли государству, он заявил: «...все преимущества на стороне именно не землевладения, а землепользования, на стороне того порядка, при котором земля будет принадлежать не частным лицам, а государству». Такой чрезвычайно важный хозяйственный фактор, как земля, отметил депутат, должен быть использован «не для служения частным интересам, а для служения интересам общественным... пользование землей гораздо меньше прикрепляет к земле, чем владение ею на правах собственности... Рабочие силы, которые не могут быть использованы в земледелии, уйдут в промышленность, а землю предоставят тем, кто мог бы использовать на ней свой труд более целесообразно...» [50]. Депутат справедливо указал, что собственность на землю затрудняет дальнейшее развитие культуры земледелия, развитие производительных сил в сельском хозяйстве. При наличии частной собственности земля сосредоточится в руках крупных собственников и масса трудового населения деревни останется в прежней кабале, угнетенная и эксплуатируемая имущими слоями. Утопичность данной программы состояла в отстаивании «трудовой нормы», «продовольственной нормы» землепользования. Тем не менее прогрессивность этой программы в целом была бесспорна, поскольку она требовала ликвидации частной собственности на землю и передачи всей земли в ведение государства.

Члены фракции автономистов I Государственной Думы судья К. П. Геллат (Эстляндская губерния) и крестьянин М. Н. Гринцевич (Виленская губерния) фактически также отстаивали требование национализации земли. Отмечая, что самую большую группу населения в Эстляндии составляли батраки и безземельные крестьяне, К. П. Геллат сказал: «...у меня нет основания заявить здесь, что население Эстляндии поднимет бурю в защиту неприкосновенности земельной собствен-

ности». Признав, что он поддерживает кадетский аграрный «проект 42-х», Геллат закончил свою речь такими поправками и оговорками к проекту, что те в конечном счете меняли его сущность в пользу национализации земли. «Я думаю, — заявил он, — что население Эстляндии будет радостно приветствовать эту реформу, в особенности в том случае, если те крестьянские участки, которые выкуплены, не будут подлежать принудительному отчуждению, если земельный фонд будет находиться в заведывании и распоряжении местного самоуправления и если, наконец, вновь образуемые хозяйства, в размере трудовой нормы, будут сдаваться в аренду долгосрочную, пожизненную и потомственную» (Аплодисменты) [51].

М. Н. Гринцевич, охарактеризовав тяжелое положение литовских крестьян, также, как бы в порядке улучшения кадетского аграрного «проекта 42-х», выдвинул требование полного отчуждения помещичьей земли и передачи ее государству, создания государственного земельного фонда. Из этого фонда государство должно предоставлять крестьянам землю «в наследованное пользование... без права переуступки... частным лицам, но с правом продажи и покупки вновь в государственный фонд» [52].

Кадетский аграрный проект был подвергнут обстоятельной критике в I Государственной думе украинским автономистом И. Л. Шрагом (Черниговская губерния). Член националистической украинской радикально-демократической партии, земский деятель, Шраг в принципиальных вопросах был бесспорно ближе к кадетам, чем к трудовикам. Но на его позиции сказывалась принадлежность к угнетенной нации. «Проект (42-х)... — говорил он, — исходит как бы из предположения, что аграрный вопрос должен быть разрешен для государства с однородным населением. Между тем несомненно, что население чрезвычайно разнородно и формы землевладения у отдельных народов и в отдельных областях развивались исторически и в свою очередь влияли на психологию народов... Задача центрального правительства заключается в том, чтобы установить те основные положения, которые действительно должны быть признаны общими для всех областей и народов Российской Империи, а также те особенности, которыми последние

отличаются. Эти начала сводятся к двум главным: во-первых, к признанию необходимости принудительного отчуждения земель, в том числе и частновладельческих земель, и, во-вторых, к признанию, что эти отчужденные земли должны поступить в пользование или в собственность трудящегося землевладельческого населения». В заключение Шраг подчеркнул взаимообусловленность между решением аграрного вопроса и демократизацией общественного строя с полным уравнением в правах всех народов страны [53]. Речь Шрага свидетельствовала о противоречиях между русскими и «национальными» кадетами. Эти противоречия использовали демократически настроенные депутаты для укрепления своих позиций.

Знаменательную речь в защиту революционного решения аграрного вопроса произнес в I Государственной думе депутат Ставропольской губернии трудовик Ф. М. Онипко. Подчеркнув, что на трудовом крестьянстве «зиждется все благосостояние, все могущество, все надежды России», Ф. М. Онипко решительно заявил: «... миллионы голосов сливаются в одном могучем возгласе: «Всю землю, всю волю всему народу!» — и в этом священном требовании крестьянин не допустит ни малейшей урезки. За него он положит свою голову, за него пойдет в тюрьму и ссылку». Депутат напомнил о единогласном решении съезда Всероссийского крестьянского союза (Москва, ноябрь 1905 г.) о передаче всей земли в общенародную собственность. Он гневно осудил жестокое преследование членов Крестьянского союза со стороны царского правительства: «Наше русское правительство обрушилось на них со всей тяжестью, со всей свирепостью. Сколько тысяч членов Крестьянского союза и посейчас томятся в тюрьмах, сколько из них ушло в ссылку!» Поддержав аграрный проект трудовиков (проект 104-х), Онипко отметил главное, что привлекало его в этом проекте: «...вся земля с ее недрами и водами Должна принадлежать всему народу... должна отдаваться в пользование только тем, кто будет обрабатывать ее своим трудом». Категорически отвергая возможность каких бы то ни было компромиссов «между интересами земледельцев и землевладельцев», он подчеркнул, что земля должна перестать служить способом эксплуатации одних людей другими. «Земля божья, зем-

ля ничья, — сказал он, — всякий, трудящийся на земле, имеет на нее право». В своей речи он призывал к аграрной революции в России: «...не будем медлить! Проведем проект, пока не поздно. Иначе встанет народный мститель... за нас встанет весь русский народ, все трудовое крестьянство. Нас поддержат все те, которые живут своим собственным трудом, и рабочие, и трудовая интеллигенция» [54].

Представители крестьян национальных меньшинств в своих выступлениях в Думе брали пример с передовых русских крестьян-депутатов, в частности по важнейшему вопросу о тесной взаимосвязи и взаимозависимости между политической свободой трудящихся и удовлетворением их земельных нужд. Так, депутат Саратовской губернии учитель П. А. Аникин (избранный по крестьянской курии) напомнил правым партиям Думы, что крестьяне начали свою аграрную кампанию вполне мирно: они собирались, беседовали, писали общественные приговоры и посылали ходоков искать правды. А ходоки в результате осуждались правительством на каторгу. Не найдя правды ни в жизни, ни в писаном законе, крестьяне решили, что, поскольку земля «по-божьи» должна принадлежать им, они по решению своих сходов стали запахивать помещичьи земли. Правительство в ответ на «самоуправство» подвергало их массовым экзекуциям.

Этот суровый опыт привел крестьян к единственному правильному выводу о необходимости установления в России демократического строя. «Аграрный вопрос в России, — подчеркнул Аникин, — не только экономический, но и политический». Необходимо политическое раскрепощение народа. «При решении аграрного вопроса мы должны считаться с голосом крестьян. А как мы его услышим без свободы слова! Как крестьяне будут собираться для обсуждения своих поземельных нужд, если их во всякое время может разогнать урядник и по закону, и по своему усмотрению? Кто крестьянам скажет правдивое слово, если за таковое так называемого агитатора приказано арестовывать, кто бы он ни был» [55]. На пути земельного переустройства крестьяне встречают противодействие не только помещика-землевладельца, которого аграрная реформа касается непосредственно, но и еще более сильного врага — государственную власть, которая берет помещика под защиту. Опустошительная налоговая система, народное невежество, культивируемое правительством, уродливое местное самоуправление, полная зависимость крестьянина от полицейского участка и от крепостной опеки земского начальника — все это парализовало бы действия аграрной реформы, если бы и возможно было провести ее вне связи с политическим освобождением. «Поэтому всякая борьба с общественным злом, — пояснял Аникин, — упирается в бюрократически-самодержавный строй... Свободу и землю разделять нельзя, свободу и землю можно добывать не по отдельности, а только сразу» (Аплодисменты слева) [56]. Рабочий депутат от Черниговской губернии Л. З. Остроносов зачитал полученную им с места очень выразительную, с точки зрения крестьянских нужд, телеграмму: «Мы, крестьяне села Твориши-на, Черниговской губернии, собравшись 150 человек и обсудив свое тяжелое положение, созданное нашим правительством, решили, не считаясь с личным делом о захвате помещиком 336 десятин нашей земли, за которую мы внесли выкуп, и с тем, что мы, ища правды и суда у чиновников, израсходовали 4000 р., не считаясь с разбоем, который принес нам генерал Рудов, разгромом, сожжением и беспощадным избиением наших стариков, женщин и детей, требовать вместе с вами конфискации всех крупных имений, земли и передачи трудящимся на ней». Высокий уровень политической сознательности черниговских крестьян отразился и в заключительной части телеграммы, которая содержала четкую политическую программу — требование установления в России демократической республики: созыва Учредительного собрания на основе всеобщего, равного, прямого и тайного, без различия пола и национальности, избрания; отмены исключительных положений; отмены смертной казни за политические и религиозные убеждения, суда над теми, кто проливал кровь и губил лучших граждан России. «Мы, — писали крестьяне — протестуем против займа денег за границей министрами, утерявшими доверие народа, и клянемся поддерживать вас до последней капли крови в этих требованиях» [57].

Крестьянин Пермской губернии эсер Г. И. Кабаков, категорически отвергая даже самую мысль о том, чтобы крестьяне выкупали у помещиков землю, сказал: «Мы

Довольно поплатили оброков, вся земля наша оплачена втридорога. Зачем же нам соглашаться еще платить за нее? К чему наделение крестьян? Мы прямо объявляем, что земля должна быть всеобщим достоянием трудового крестьянства...» Дружными аплодисментами слева были встречены заключительные слова депутата: «...священники... говорят о святом Евангелии, читают: «Просите и дастся вам, стучите и отверзется». Мы просим, просим, а нам не дают, и стучим — не дают, что же, придется двери ломать и отбирать?» [58]

Представитель от крестьянства Донской области во II Государственной думе эсер А. Е. Афанасьев начал свою речь с разоблачения беспримерного политического бесправия крестьян России. «Я, — сказал он, — представитель от крестьянства Донской области, которого там более 1 000 000 и от которого я попал сюда только один. Это и дает знать, что мы там почти пришельцы». В своей речи он резко критиковал правительственный проект аграрной реформы. «Правительство... — отметил он, — нам открыло широкие двери через Крестьянский банк приобретать землю — это тот хомут, что в 1861 г. был надет: оно нас хочет переселить в сибирские пределы. Господа, да сколько же оно нас вывезет в сибирские пределы в течение года? Конечно, оно более не вывезет нас, как миллион... Сколько же миллионов денег расходовать потребуется на этих людей... не лучше ли сделать так: вывезти туда одного человека, который имеет тысячу десятин, у которого остается земля, и на это сколько будут сыты...» (Аплодисменты слева). В заключение депутат сделал вывод о необходимости ликвидации в России всей сословной иерархии — князей, дворян, мещан и т. д., уравнения в правах всех граждан и передачи земли всем тем, кто на ней трудится [59].

Высокая политическая сознательность и самоотверженность передовых русских крестьян благотворно действовали на представителей крестьян национальных меньшинств. Крестьянин В. Т. Сахно (Киевская губерния), выступая во II Думе, с возмущением отметил, что помещик живет в роскоши, а батрак получает у помещика 30 коп. в день (с семьей). Помещик имеет много земли, «а на долю крестьян остается только одно царствие небесное. Крестьяне наказывали мне, чтобы я отстаивал их нужды, чтобы им была дана земля и воля,

чтобы все казенные, кабинетские, удельные, частновладельческие и монастырские земли были принудительно отчуждены безвозмездно» [60].

Трудовик А. И. Семенов, представитель Подольской губернии, сказал следующее: «Земля есть божья, а не помещичья... Земля принадлежит всему трудовому народу, который на ней трудится... Меня народ просил, чтобы церковные, монастырские, казенные, удельные и принудительно отчужденные помещичьи земли передать в руки трудового народа и на места передать: там они разберутся» [61].

Крестьянский сход села Стриженки Радомысльского уезда Киевской губернии 25 июня 1905 г. требовал «полной отставки старого правительства и немедленного созыва всенародного Учредительного собрания на основе всеобщей, прямой, равной и тайной подачи голосов, без различия пола, национальности и религии» [62], а также передачи земли крестьянам и прекращения политических репрессий. Крестьяне села Аркаева Буинского уезда Симбирской губернии в резолюции схода 5 июня 1906 г. писали: «Терпение народа кончается, народу надо взять в свои руки ведение дел государства, а потому мы находим, что не нужны все эти генералы, министры и чиновники-самозванцы, получающие десятки, сотни, тысячи и даже миллионы жалованья за то, что угнетают Россию... Надо выбрать комитеты на местах, которые решат, как устроиться с землей, земля вся должна принадлежать всему народу; продавать и покупать ее нельзя, а давать ее надо только трудящимся на ней, а как это устроить, чтобы сама Дума за народ не решала» [63].

Крестьяне при этом выражали наивную надежду, что Дума возглавит созыв народного Учредительного собрания, предаст суду царское правительство и т. д. Но в аграрном вопросе — самом близком и насущном для них — крестьяне ясно и недвусмысленно требовали ликвидации частной собственности на землю и передачи земли народу. Депутаты от трудовых масс подчеркивали слитность аграрного и национального вопросов в России. «Простой сельскохозяйственный народ Белоруссии, — заявил в I Государственной думе один из депутатов от Минской губернии, — имеет также свои идеалы. Его идеал — земля божья... земля должна принадле-

жать своему... народу... нужды данной национальности должны быть удовлетворены согласно с идеалами этой национальности»[64]. Депутат I Государственной думы украинский автономист П. И. Чижевский (Полтавская губерния) в своей речи обосновал безусловную необходимость государственного земельного фонда при автономном строе государства, в частности при автономии Украины. «Мы, — разъяснял он, — должны твердо и положительно установить тот принцип, что заведование землями государственного земельного фонда должно принадлежать исключительно местным самоуправляющимся земским или автономным единицам, когда они возникнут. Правда, какой же смысл тогда может иметь название «государственный земельный фонд», если им во всех частных случаях будут заведовать местные самоуправления? Мне кажется, что смысл огромный. Прежде всего... часть государственного фонда должна находиться в распоряжении центрального правительства... во-вторых... хотя местные учреждения будут и свободны распоряжаться этим фондом у себя на местах, но все-таки в известных пределах»[65].

Приведя эту часть речи Чижевского, В. И. Ленин делает следующий вывод: «Этот мелкобуржуазный автономист гораздо лучше понимает значение государственной власти в централизованном экономическим развитием обществе, чем наши меньшевики-социал-демократы»[66].

В речи Чижевского содержалась меткая критика «норм» наделения землей крестьян и землепользования, предложенных в аграрных проектах кадетов и трудовиков. Подчеркнув разнообразие сельскохозяйственных условий в различных районах России, депутат заявил: «Трудовая норма — это звук пустой... Землею нужно наделять крестьян не по какой-нибудь норме, а в размере имеющегося запаса... Надо отдать крестьянам все то, что можно отдать в данной местности». В частности, Чижевский считал, что в Полтавской губернии необходимо конфисковать у всех землевладельцев землю, оставив по 50 дес. в среднем как максимум[67]. В. И. Ленин подчеркнул, что Чижевский сформулировал фактически программу «американского» развития капитализма в России»[68].

За ликвидацию частной собственности на землю й создание государственного земельного фонда высказался в I Государственной думе также примыкавший к трудовикам депутат Полтавской губернии И. Н. Присецкий. «Аграрный вопрос, — заявил он, — должен быть в своей основной форме разрешен для всей России совершенно одинаково — в смысле образования государственного земельного фонда... Земля должна принадлежать трудящемуся классу... частная собственность нежелательна... земли, принадлежащие в настоящее время представителям трудящегося класса в размере, не превышающем трудовую норму... могут быть оставлены в частных руках, но с тем условием, чтобы перепродажа, переуступка этой частной собственности могла быть сделана только в пользу того земельного фонда, который будет образован»[69].

Анализируя выступления крестьянских депутатов национальных районов России в Государственной думе, В. И. Ленин установил прежде всего единство требований по аграрному вопросу трудящихся масс крестьянства всех национальностей, несоответствие программы муниципализации интересам этой части крестьянства. В. И. Ленин раскрыл не только теоретическую несостоятельность программы муниципализации, но ее практический вред, поскольку она, во-первых, дробила революционные силы крестьянства России по национальному признаку и, во-вторых, потому что она противоречила развитию прогрессивных сил в сельском хозяйстве и тем самым не только не вела вперед крестьянскую революцию к ее дальнейшему развитию, а, наоборот, сковывала революционные силы крестьянского движения, обрекала его на топтание на месте. «События подтвердили, — отмечал В. И. Ленин, — что на деле муниципализация служит не для руководства массовым крестьянским движением общенационального масштаба, а для раздробления этого движения на провинциальные и национальные ручейки. Из *идеи* масловских областных фондов *жизнь* впитала в себя *только* национально-автономистское «областничество»»[70]. «Не «областничество» должны мы поощрять... — указывал В. И. Ленин, — не обособленность разных народностей, — нет, мы должны выяснять крестьянству значение единства для победы...»[71]

Подчеркивая нелепость меньшевистской веры в возможность «местного» демократизма, «муниципального социализма» в деревне при недемократической центральной власти, В. И. Ленин разъяснял, что партия пролетариата обязана сосредоточить внимание масс на действительных условиях победы буржуазной революции, на необходимости установления демократизма центральной государственной власти, при этом введения «самых полных, самых высших форм демократизма, ибо без них именно становится *утопичной* в научном значении слова крестьянская аграрная революция в России» [72].

Если со стороны буржуазии отдельных народов России неизбежна была позиция некоторой обособленности от русского аграрного вопроса, то такая позиция со стороны пролетариата была совершенно недопустима, а программа муниципализации на деле впадала именно в этот буржуазный национализм. «Социал-демократический пролетариат, — указывал В. И. Ленин, — не может менять своей программы в зависимости от того, «согласятся» ли отдельные национальности. Наше дело — сплачивать и концентрировать движение, пропагандируя наилучший путь, наилучшее в буржуазном обществе земельное устройство, борясь с силой традиции, предрассудков, косного провинциализма. «Несогласие» мелких крестьян на социализацию земли не может изменить нашей программы социалистической революции. Оно может лишь заставить нас предпочесть действие *примером*. Так и с национализацией земли в буржуазной революции. Никакое «несогласие» с ней народности или народностей таких-то не может заставить нас изменить учение о том, что в интересах всего народа лежит наиболее полное освобождение от средневекового землевладения и отмена частной собственности на землю. «Несогласие» значительных слоев трудящейся массы той или иной народности заставит нас предпочесть воздействие посредством примера всякому иному воздействию» [73]. Партия большевиков под руководством В. И. Ленина, опираясь на опыт первой русской революции, в борьбе против либерально-помещичьих политических партий и против меньшевистской части РСДРП отстаивала в аграрном вопросе единственно правильный путь национализации земли на базе свержения царизма и установления в России демократической республики. На этом пути большевики встречали сочувствие и поддержку многомиллионного трудового крестьянства как в центре, так и в национальных районах страны.

Национальные особенности рабочего вопроса и отношение к нему политических партий

Колониальная политика царизма и русской буржуазии обусловливала неравномерное развитие промышленности, низкий уровень фабрично-заводского производства в большинстве национальных районов страны. Около $^3/_4$ всей промышленной продукции давали три индустриальных района — Центральный (с Москвой), Северо-Западный (с Петербургом) и Южный (Украина), а в восточных районах, занимавших $^4/_5$ всей территории России, выпускалось всего лишь 8% продукции. Если в Московской губернии в 1913 г. на одного жителя выпускалось промышленной продукции на 212 руб., в Петербургской — на 164 руб., то в Ферганской области — всего на 47,6 руб., в Самаркандской — на 10,4, в Сырдарьинской — на 7,9, в Семиреченской области — на 5,4 руб. [74] Во всей России удельный вес промышленности в продукции народного хозяйства в 1913 г. составлял 47,1%, а в Средней Азии — 2—3%.

Неравномерность развития производительных сил выражалась также в том, что в центральных районах России — на Урале, на Украине, в Баку, в Латвии, Эстонии сравнительно высокой степени достигла концентрация промышленного производства, развитие тяжелой промышленности, а на Кавказе, в Поволжье, в Сибири, как правило, преобладало мелкокустарное производство, обслуживающее в целом промышленные нужды центральных районов. Неравномерное размещение промышленности обусловливало низкий уровень развития и концентрации рабочего класса в большинстве национальных районов.

В 1913 г. в России насчитывалось более 12 млн. занятых наемным трудом, в том числе около 4 млн. фабрично-заводских и железнодорожных рабочих. В 1914 г. на крупных промышленных предприятиях (с числом рабочих 500 и более) было сосредоточено 56,6% всех рабочих. Основная масса пролетариата была занята на

предприятиях Центрального и Северо-Западного районов страны. В Москве (с губернией) в 1913 г. насчитывалось 392 тыс. рабочих, в Петербурге (с губернией) — 242 тыс., в том числе 92 тыс. металлистов, 48 тыс. текстильщиков [75]. На тысячу жителей приходилось фабрично-заводских рабочих: в Центрально-Промышленном районе — 48, в Петербургской губернии — 61, в Закавказье — 11, в Туркестане — 2 рабочих [76].

На Украине, где сравнительно высокого уровня достигли металлургическая и добывающая, пищевая и легкая промышленность, транспортное и сельскохозяйственное машиностроение, рабочий класс составлял около 22% пролетариата России. В 1914 г., перед войной, на Украине насчитывалось 2,7 млн. рабочих, из них 642 308 — промышленных рабочих, в том числе 137250 металлистов (21,4%) [77].

Латвия также отличалась высокой концентрацией рабочей силы. В 1913 г. здесь насчитывалось около 100 тыс. фабрично-заводских рабочих, а в целом около полумиллиона наемных рабочих [78]. Рига шла впереди всех промышленных городов России. Быстро росло число рабочих, особенно на металлообрабатывающих и машиностроительных заводах. В Эстляндской губернии в 1913 г. число фабрично-заводских рабочих достигало 28550 человек, из них $^3/_4$ было занято на крупных предприятиях (с числом рабочих более 500) [79].

Закавказье (за исключением Баку) представляло район, где развивалась главным образом легкая и добывающая промышленность. Общее число рабочих в 1913 г. составило здесь свыше 300 тыс. человек, из них до 170 тыс. рабочих — в Азербайджане (преимущественно в нефтедобывающей и обрабатывающей промышленности Баку) [80].

Крайне отсталыми в промышленном отношении были Белоруссия и Литва. 1306 промышленных предприятий Белоруссии представляли фактически мелкие кустарные мастерские, производившие пищевую продукцию, текстильные изделия, стекло, спички, бумагу, строительные материалы и т. д. На этих предприятиях, а также на транспорте и лесоразработках было занято 60790 рабочих. В среднем на одно предприятие Белоруссии в 1913 г. приходилось по 38 рабочих, а на предприятиях, где работало от 100 до 500 человек, было занято около 28%

рабочих. Уровень производства всей промышленной продукции на душу населения Белоруссии был почти в пять раз ниже, чем в среднем по России.

В Литве промышленность и рабочий класс были развиты еще менее, чем в Белоруссии. Накануне первой мировой войны в фабрично-заводской промышленности на территории Литвы работало около 1% населения против 2,5% в среднем по России [81]. В 1913 г. здесь насчитывалось всего 3430 предприятий и 21 800 рабочих [82].

Одним из самых отсталых районов России была Средняя Азия. В 1914 г. здесь на 706 предприятиях было занято всего 20925 промышленных рабочих, кроме того, насчитывалось около 25 тыс. железнодорожных рабочих и несколько десятков тысяч человек, занятых на ирригационных строительных работах и в сельском хозяйстве [83].

Шовинистическая политика царизма и русской буржуазии сдерживала формирование и развитие национальных кадров пролетариата. Как правило, процент нерусских рабочих в промышленности был невелик. Многонациональный по составу рабочий класс России сталкивался в условиях варварского национального гнета со специфическими трудностями, поскольку внутри рабочего класса существовало неравенство, связанное с национальной принадлежностью рабочих: нерусские национальности подвергались еще более жестокому произволу и эксплуатации. В этом проявлялась сущность колониальной политики царизма. Положение рабочих угнетающих и унетенных наций, указывал В. И. Ленин, не могло быть одинаковым ни в экономическом, ни в политическом, ни в идейном отношении. Экономически разница заключалась в том, что рабочие угнетающей нации пользуются крохами сверхприбылей, которые получает их буржуазия за счет усиленной эксплуатации пролетариата порабощенных наций. Таким образом, «рабочие угнетающей нации *до известной степени* участники *своей* буржуазии в деле ограбления ею рабочих (и массы населения) угнетенной нации» [84]. По сравнению с рабочими угнетенных наций больший процент рабочих угнетающих наций становится мастерами и поднимается до положения так называемой рабочей аристократии. «...*Политически* разница та, — разъяснял Ленин, — что рабочие Угнетающих наций занимают *привилегированное* поло-

жение в целом ряде областей политической жизни по сравнению с рабочими угнетенной нации.

...*Идейно* или духовно разница та, что рабочие угнетающих наций всегда воспитываются и школой и жизнью в духе презрения или пренебрежения к рабочим угнетенных наций» [85].

Неравное положение рабочих в зависимости от их национальной принадлежности выражалось в том, что рабочим национальных меньшинств предоставлялась менее квалифицированная, грязная, тяжелая работа с более низким уровнем оплаты. Так, среднегодовой заработок рабочего в России в 1914 г. составлял 271 руб., а в Минской губернии — 176 руб. [86] В обрабатывающей промышленности Туркестана в 1908 г. средняя заработная плата рабочего была на 60% ниже, чем по Российской империи; в 1913 г. степень эксплуатации туркестанских рабочих была в 4,5 раза выше, чем по России. За равный труд узбекам-мукомолам в Самаркандской области платили, например, в 3,5 раза меньше, чем русским рабочим-мукомолам; на мыловаренных предприятиях узбекам платили в 2,5 раза меньше, чем русским рабочим [87]. Подобное положение наблюдалось повсеместно. Как правило, в национальных районах отсутствовало фабрично-заводское законодательство, господствовал полный произвол со стороны предпринимателей, рабочий день длился от 12 до 15 часов.

В Грузии, где накануне первой русской революции насчитывалось до 25 тыс. промышленных рабочих, продолжительность рабочего дня достигала 15—17 час. в сутки. Широко применялся труд женщин и детей. Даже квалифицированные рабочие получали нищенскую заработную плату. Никакой охраны труда не было, страхование на случай увечья, инвалидности отсутствовало. Рабочие жили в грязных и тесных хибарках; в Чиатуре большинство рабочих вообще жило под открытым небом. В рабочих бараках царила скученность, сырость, грязь. Обычным явлением в обращении с рабочими со стороны администрации были кулачная расправа и телесные наказания [88].

На предприятиях дореволюционного Казахстана рабочий день длился 12—15 час., отсутствовала какая бы то ни было охрана труда, медицинская помощь. Вместо заработной платы рабочим нередко выдавались талоны,

на которые они вынуждены были покупать в хозяйственных ларьках недоброкачественные продукты. За каторжный труд на приисках они получали по 15—20 коп. в день. Причем коренным казахским рабочим платили в 4—10 раз меньше, нежели пришлым из европейских районов страны. Квалифицированные рабочие составляли не более 7% от общего числа рабочих-казахов [89].

Особенно тяжелым было положение женщины-работницы, женский труд в России был слабо развит. Удельный вес женщин среди рабочего класса в промышленности России в 1913 г. составлял 31,2% (в промышленности Туркестанского края — 17,5%). Зарплата женщины, как правило, едва достигала 60% зарплаты мужчины [90].

Внутри рабочего класса возникали и подчас приобретали острый характер противоречия между отдельными национальными группами рабочих. Необходимо отметить, что прослойка так называемой аристократии среди русских рабочих была очень незначительна по сравнению с количеством рабочей аристократии в развитых капиталистических странах Европы. Несмотря на некоторые мизерные и непрочные преимущества, русские рабочие в целом терпели то же бесправие, издевательства и в большинстве вели то же полуголодное существование, что и нерусские. За участие в революционной борьбе, застрельщиком и организатором которой являлся русский рабочий класс, русские рабочие немедленно увольнялись и заменялись менее сознательными и более безропотными представителями национальных меньшинств. Более того, намеренно снижая жизненный Уровень рабочих, царизм и буржуазия стремились вызвать недовольство и недоверие нерусских рабочих к русским и использовали это недовольство для борьбы против революционного движения, против передовой части рабочего класса и его марксистско-ленинской партии. Отрицательное воздействие на рабочий класс России оказывали господствовавшая в стране идеология черносотенства, шовинизма, национализма местной буржуазии.

Все эти обстоятельства выдвигали перед марксистско-ленинской партией — партией большевиков задачу интернационального воспитания и сплочения многона-

ционального пролетариата России в единую армию борцов революции.

Рабочий вопрос не могли обойти и другие политические партии. Однако только большевики в своей программе и тактике предусматривали единственно правильное его решение на основе принципов пролетарского интернационализма.

Впервые научное определение сущности рабочего вопроса было дано К. Марксом и Ф. Энгельсом в «Манифесте Коммунистической партии», в работах К. Маркса «Временный Устав Товарищества», «Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих...» В их трудах раскрыта всемирно-историческая роль рабочего класса как ведущей силы в переходе общества от капитализма к социализму, а также дана характеристика основных и вспомогательных средств борьбы рабочего класса за свое освобождение, установление пролетарской диктатуры и построение социализма и коммунизма. Одной из основных задач рабочего класса, как указывали К. Маркс и Ф. Энгельс, являлась централизация классовой борьбы, слияние всех рабочих в интернациональную армию, «организация пролетариев в класс, тем самым — в политическую партию»[91], которая взяла бы на себя руководство по подготовке и проведению социалистической революции.

Разрабатывая программу-максимум в рабочем вопросе, Маркс и Энгельс выдвинули также ближайшие требования по рабочему вопросу, т. е. требования, которые могли бы быть осуществлены и в рамках капитализма, но при условии известной демократизации социально-политических отношений. Завоевание политической власти, отмечал К. Маркс, является великой обязанностью рабочего класса, хотя завоевание власти не самоцель, а лишь средство в руках рабочего класса для достижения его экономического освобождения. Эта великая цель может быть достигнута при условии солидарности между рабочими различных отраслей труда в каждой стране, а также при установлении братского союза рабочего класса разных стран[92].

Интернациональное сотрудничество рабочих является мощным фактором в борьбе рабочего класса за свое освобождение и залогом успеха в этой борьбе как внутри той или другой страны, так и на международной арене

в области внешней политики, против грабительских войн, разжигаемых капиталистами и их правительствами.

В работах В. И. Ленина и в программных материалах российской социал-демократической рабочей партии постановка рабочего вопроса, определение путей его решения, максимальные и минимальные задачи революционной пролетарской партии в области рабочего вопроса занимают центральное место. В «Проекте и объяснении программы социал-демократической партии» (1895—1896 гг.) В. И. Ленин определяет содержание борьбы рабочего класса против класса капиталистов. Он разъясняет, что борьба рабочего класса не является протестом только против капиталистической эксплуатации, а представляет собой борьбу против всех классов, живущих чужим трудом, против всякой эксплуатации. Эта борьба «может окончиться лишь переходом политической власти в руки рабочего класса, передачей всей земли, орудий, фабрик, машин, рудников в руки всего общества для устройства социалистического производства, при котором все производимое рабочими и все улучшения в производстве должны идти на пользу самим трудящимся»[93].

В качестве программы-минимум по рабочему вопросу В. И. Ленин выдвинул требования, которые полностью вошли в Программу РСДРП, принятую II съездом РСДРП (1903 г.), в частности 8-часовой рабочий день, запрещение ночной работы, в особенности для детей, учреждение промышленных судов с выборными судьями не только представителей от капиталистов, но и от рабочих, охрана труда и ответственность фабрикантов за увечья рабочих и т. д.[94] Утверждая эти требования как часть своей программы-минимум, РСДРП исходила из того, что они могут быть выполнены при капитализме, но при условии ликвидации в России самодержавно-крепостнического строя и осуществления широкой демократизации общественно-политической жизни.

Программа РСДРП по рабочему вопросу остается неизменной вплоть до победы Великой Октябрьской социалистической революции. Изучение источников приводит к выводу о том, что рабочий вопрос занимал значительное место в программных материалах национальных Рабочих партий в России — Польской социалистической

партии «Пролетариат», Социал-демократии Королевства Польского и Литвы, Латышской социал-демократической рабочей партии, Украинской социал-демократической рабочей партии, Финляндской рабочей партии, Бунда и др. Однако серьезные отступления от марксистско-ленинских принципов в теоретических вопросах классовой борьбы пролетариата, сильное влияние буржуазно-националистической идеологии повлекли за собой существенные ошибки ряда партий в постановке рабочего вопроса и выборе путей и средств его решения. Так, например, Польская социалистическая партия «Пролетариат» (1882—1886 гг.) поставила перед собой две задачи: 1) распространение социалистических идей; 2) организация рабочих масс. Но, восприняв народническую идеологию, она основную задачу видела в экономической, а не политической борьбе; Союз польских рабочих (1889—1893 гг.) в начале своей деятельности тоже воздерживался от политических выступлений, и лишь в 1893 г. Польская социалистическая партия главной задачей признала социалистическую агитацию и борьбу против царизма. Эта партия послужила основным ядром Социал-демократии Королевства Польского (СДКП), впоследствии принявшей название Социал-демократии Королевства Польского и Литвы. СДКПиЛ — первая социал-демократическая марксистская организация Польского рабочего класса. Решение рабочего вопроса польские социал-демократы считали задачей первостепенной важности, справедливо признавали подчиненность национального вопроса рабочему, требовали установления демократической республики в России с автономией для Польши [95].

Латышская социал-демократическая рабочая партия (созданная в июне 1904 г.) в своем проекте программы объявляла ближайшей задачей свержение самодержавия и установление демократической республики; в области экономической — введение 8-часового рабочего дня, ограничение женского и ликвидацию детского труда; необходимость объединения всего российского пролетариата независимо от национальности, в том числе объединение всех социал-демократических рабочих партий (русской, польской, литовской, финляндской, еврейской, кавказской, украинской) в единую Российскую социал-демократическую рабочую партию. Однако ЛСДРП не

ставила перед рабочим классом важнейшей задачи — установления диктатуры пролетариата, решающего средства в борьбе за преобразование общества на социалистических началах [96].

Революционная украинская партия (РУП, 1900 г.), переименованная в конце 1905 г. в Украинскую социал-демократическую рабочую партию, имела реформистскую националистическую программу. Она выдвинула принцип организации профессиональных союзов по национальному признаку, что вело к расколу рабочих организаций и рабочего движения. Лидеры этой партии проповедовали объединение украинских рабочих с украинской буржуазией под реакционными националистическими лозунгами [97]. Фактически УСДРП противопоставила себя российской революционной социал-демократии, сеяла вражду между украинскими и русскими рабочими, пренебрегая рабочим вопросом в интересах стремящейся к власти украинской буржуазии.

Бунд — организация еврейского пролетариата, образованная в 1897 г., объединяла главным образом ремесленников, служащих и рабочих мелких предприятий; в рабочем вопросе, как в национальном и других вопросах, стояла на позиции мелкобуржуазного национализма. Несмотря на то что Бунд придерживался революционной тактики, его принцип организации рабочей партии по национальному признаку приводил к противопоставлению еврейского рабочего движения борьбе русских, украинских, литовских, польских и других рабочих России, наносил громаднейший вред борьбе рабочего класса России в целом.

В 1906 г. на IV съезде РСДРП Социал-демократия Королевства Польского и Литвы, Латышская социал-демократическая рабочая партия слились с РСДРП. Бунд также вошел на IV съезде в состав РСДРП, но условно, с большими оговорками и, как впоследствии оказалось, временно. После поражения революции 1905—1907 гг. Бунд открыто повел враждебную рабочему классу националистическую политику.

Постановка рабочего вопроса отражена также в программных материалах мелкобуржуазных национальных партий России — Русской партии социалистов-революционеров, Польской партии социалистов, Белорусской Революционной громады, Армянской партии революци-

онного социализма («Дашнакцутюн»), украинской меньшевистской «Спилки», и т. д. Мелкобуржуазные социалистические партии стояли на националистических, полуанархистских, полуреформистских позициях. Национальный вопрос в их программах выдвигался на первое место, а рабочий вопрос рассматривался как производный от национального. По мнению этих партий, главная задача революционного движения в России заключалась в достижении равноправия наций, а уже на этой базе — решения таких социальных вопросов, как рабочий, аграрный и т. д. Эта позиция в корне противоречила принципиальному методологическому положению марксизма-ленинизма о том, что национальный вопрос является частью общей социальной (и политической) проблемы и окончательно может быть разрешен лишь на базе социалистической революции, прихода к власти рабочего класса.

Так, программа Белорусской революционной громады по рабочему вопросу была обращена к городским рабочим, мелким ремесленникам, сельским батракам. Громада призывала к организации в России федеративной республики с территориальной автономией и сеймом в Вильне для территории Западного края. Она выдвигала программу культурно-национальной автономии для национальностей, населяющих Западный край, а по рабочему вопросу ограничивалась программой-минимум. Непоправимый ущерб наносила громада рабочему движению, создавая профессиональные союзы по национальному принципу — белорусские, еврейские и т. д., т. е. насаждала в рабочем классе идеологию буржуазного национализма, дробила и ослабляла пролетариат. Грузинская партия социал-федералистов (1904 г.) выдвигала требование культурно-национальной автономии для национальных меньшинств, ратовала за территориальную автономию для Грузии. Выполнение этих требований грузинские социалисты-федералисты считали главным условием окончательного экономического освобождения трудящихся масс Грузии. Не призывая к политической борьбе, они не ставили перед собой и задачу организации рабочего движения, а приняли лишь некоторое участие в организации профессиональных союзов. Армянская партия революционного социализма своей главной задачей в начале организации (90-е годы XIX в.) считала освобождение турецких армян, а также «работу

среди трудовых элементов армянского населения для защиты их интересов». Однако вскоре к партии примкнули буржуазно-националистические элементы, рабочий вопрос был фактически вытеснен из программы, и деятельность партии стала полностью отвечать интересам армянской буржуазии. Отколовшееся в 1905 г. от партии «Дашнакцутюн» течение — неодашнакцаканы представляло типичное эсеровское течение, лишь в самой демагогической форме объявившее защиту труда против интересов капитала. Еврейская партия сионистов-социалистов считала возможным решить рабочий вопрос для евреев путем переселения их на какую-нибудь не занятую еще в мире территорию, т. е. в конечном счете по своей программе примыкала к откровенно буржуазному сионизму. Еврейская социалистическая рабочая партия (СЕРП) рассматривала рабочий вопрос как часть еврейской национальной проблемы, для решения которой выдвигала требование территориальной автономии в рамках России. В своей программе СЕРП отмечала, что связывает свое дело с победой социалистического движения пролетариата всей России, рядом с которым она борется за государственное переустройство России на основе демократии и федерализма[98]. Польская партия социалистов в своей социально-экономической программе, в том числе в решении рабочего вопроса, в целом придерживалась программных заявлений социалистических партий Запада, окончательное решение рабочего вопроса считала возможным при условии достижения политической независимости Польши. Выделившееся из ППС в 1905 г. левое течение, увлеченное успехами стачечного движения в России, отстаивало необходимость всеобщих политических и экономических стачек как главной формы борьбы с царизмом. Левое течение ППС выступало против организации и партийной дисциплины, за стихийность в революционной борьбе, в том числе отрицало необходимость подготовки вооруженного восстания, т. е. фактически стояло на позициях мелкобуржуазного анархизма.

Таким образом, программные материалы мелкобуржуазных национальных партий России убеждают нас в том, что в целом данные партии стояли на позиции анархизма, не понимали всемирно-исторической роли рабочего класса как ведущей силы в переходе от капи-

талистического общества к социалистическому. Главной движущей силой революционного процесса эти партии считали национально-освободительное, а не рабочее движение. Подобная позиция национальных партий приводила к тому, что на практике они, как правило, шли в общем русле буржуазного национализма, нанося огромный ущерб революционной борьбе трудящихся масс.

Общее в программах национальных (пролетарских и мелкобуржуазных) партий России по рабочему вопросу заключалось в требовании ликвидации частной собственности на средства производства, освобождения трудящихся, и в том числе рабочего класса, от эксплуатации, в признании единой цели — перехода общества к социализму. Полностью совпадала у всех партий программа-минимум по рабочему вопросу: 8-часовой рабочий день; охрана труда; промышленные суды с выборными от рабочих; ответственность фабрикантов за увечья рабочих; государственное страхование рабочих на случай увечья, старости и болезни; выдача зарплаты деньгами, а не товарами; особая охрана труда женщин, подростков и т. д.

Однако в программах партий по-разному определялась сущность социализма, задачи рабочего класса, условия, средства и методы осуществления как непосредственных требований по рабочему вопросу, так и перехода общества к социализму.

Учитывая, что в программах национальных социалистов-революционеров и трудовиков была сформулирована единая цель — переход общества к социализму, что программы этих партий включали минимальные требования по рабочему вопросу (заимствованные из программы РСДРП), а также учитывая признание данными партиями необходимости революции, большевистская партия под руководством В. И. Ленина считала допустимым отдельные практические блоки с данными партиями в непосредственной борьбе против самодержавия и капитализма в России. В то же время необходимо было постоянно разоблачать перед массами псевдосоциалистический характер этих партий.

Главной задачей большевиков было усиление интернационального сплочения рабочего класса. Могучим средством в решении этой задачи была большевистская печать; в 1912—1914 гг. прежде всего газета «Правда». В «Обращении к рабочим всей России» редакция «Правды» указывала, что «газета защищает интересы не только русских рабочих, но всех пролетариев без различия национальностей»[99]. «Правда» систематически публиковала обзоры революционных событий как в центре, так и в национальных районах России. В. И. Ленин указывал, что большевистская партия должна «укреплять — вопреки всяким буржуазным и мелкобуржуазным националистам всех без исключения наций — единство рабочих *всех* национальностей России...»[100]. С этой целью по инициативе В. И. Ленина редакция «Правды» организовала выпуск приложений к газете, посвященных революционному движению среди различных народов страны.

Достаточно привести лишь некоторые данные, чтобы стало очевидным неоценимое значение «Правды» в интернациональном воспитании и сплочении пролетариата России, распространении его лучшего опыта среди трудящихся масс. Так, только за первый год своего существования «Правда» опубликовала 52 корреспонденции из Риги, 17 — из Варшавы. За 2 года газета поместила свыше 1560 статей и заметок о жизни украинских рабочих, более 250 — о рабочих Эстонии, более 60 — о стачечной борьбе рабочих Белоруссии. За время с апреля 1913 по апрель 1914 г. в «Правде» была напечатана 221 корреспонденция о рабочих Кавказа[101].

«Правда» знакомила читателей с трудностями и успехами революционной борьбы рабочих в городах Поволжья, в Ташкенте; публиковала материалы о деятельности большевиков местных организаций; о тяжелом положении крестьян в Казанской губернии и в Туркестане; подчеркивала единство ближайших и конечных задач многонационального рабочего класса России. С помощью «Правды» и местной революционной, в том числе национальной, печати интернационалистская по своему составу и политике партия большевиков выступала великим организатором сближения и слияния рабочих различных народов России как в рамках единой партии, так и в профессиональных союзах, кооперативах и непосредственно в революционной борьбе.

Интернациональное сплочение пролетариата России в 1911—1914 гг. выразилось в повсеместной победе большевистского направления среди рабочих. В национальных районах — в Прибалтийском крае, на Украине, в Бе-

лоруссии, на Кавказе, в Поволжье, Сибири, Средней Азии организуются и укрепляются большевистские комитеты РСДРП; в рабочем движении намечается тенденция к преодолению ликвидаторства, федерализма и сепаратизма; усиливается большевистское влияние на конференциях и съездах национальных социал-демократических организаций. Укрепление политического и интернационального единства большевистской партии явилось решающим фактором повышения сознательности, организованности и сплоченности широких пролетарских масс. Все активнее становятся забастовки и демонстрации солидарности, посвященные важнейшим для пролетариата датам и событиям: 9 января, 1 Мая. Рабочие гневно протестуют против смертной казни, против суда и ссылки на каторгу социал-демократов — депутатов II Государственной думы, против Ленского расстрела мирного шествия рабочих, против преследования рабочей партии, против захватнических войн и т. д. Волнения, митинги и демонстрации рабочих по поводу Ленских событий охватили в апреле 1912 г. не только центр — Петербург, Москву, но и окраины России — Ригу и Ревель, Вильно и Киев, Баку и Ташкент и многие другие города. Только на Украине в апреле состоялось 140 политических забастовок, охвативших 40 тыс. рабочих [102]. В Государственную думу поступило множество протестов в связи с этим злодеянием. В апреле 1913 г. в знак осуждения расправы капиталистов с рабочими на Ленских приисках бастовало 140 тыс. рабочих страны [103].

Интернационалистское сплочение было ярко продемонстрировано и в забастовке 10 тыс. рабочих чиатурской марганцевой промышленности в июне — июле 1913 г. Администрация безуспешно пыталась столкнуть интересы грузинских, русских, армянских, азербайджанских и греческих рабочих. Руководимые большевиками рабочие проявили большую стойкость и взаимоподдержку. Стачка длилась 55 дней, около тысячи рабочих, которых администрация привезла из Батума для замены бастующих, встали на сторону своих чиатурских братьев [104].

В марте 1914 г. трудящиеся национальных районов России дружно поддержали пролетариат Петербурга, выступивший с протестом против массовых отравлений работниц и рабочих на крупнейшей калошной фабрике

«Проводник» в Риге (на которой было занято до 13 тыс. рабочих) и на предприятиях столицы — фабрике «Треугольник» (около 13 тыс. рабочих), на табачных фабриках Богданова, Шапошникова, «Лаферм», на 2-й ниточной малоохтинской, на Воронинской и Бумагопрядильной мануфактурах, заводах «Новый Айваз», Барановского, картонажной фабрике Кана, литографии Киббеля и др. [105] Стачки протеста против Ленского расстрела, начатые в Петербурге 13 марта рабочими Выборгского района и охватившие 60 тыс. человек (из них свыше 40 тыс. металлистов), переросли 17 марта в забастовку протеста против массовых отравлений рабочих. Первыми бросили работу 12 тыс. путиловцев. К ним присоединились 4500 рабочих судостроительной верфи, затем — рабочие крупнейшего Балтийского завода. В один день забастовка охватила 30 тыс. рабочих различных заводов. По городу шли демонстрации рабочих, крайне возмущенных невыносимо тяжелыми условиями их труда, произволом и издевательством предпринимателей, бездушным отношением к их насущным нуждам со стороны администрации фабрик и заводов. В ряде случаев произошли резкие столкновения с полицией. 18 марта забастовка охватила уже почти 120 тыс. человек, демонстрации приобрели широкий размах [106]. Правительство и предприниматели решили применить против рабочего движения локаут. 20 марта до 70 тыс. рабочих крупнейших петербургских заводов — Путиловского, Лесснера, Лангензипена, «Треугольника», Парвиайнена и других — были уволены. Локаут вызвал новую волну протеста рабочего класса, активно поддержанного рабочими других городов России, в том числе в национальных районах. В целом если в 1913 г. в забастовочном движении участвовало свыше 1,2 млн. рабочих России, то только за первую половину 1914 г. — свыше 1,5 млн. человек [107].

Особое место в летописи революционного движения и в интернациональном сплочении рабочих России занимают первомайские стачки 1914 г., прошедшие под лозунгами международной солидарности пролетариата, за победу в России демократической революции, протеста против разжигания мировой войны. Почин петербургских рабочих в организации массовой забастовки был немедленно подхвачен на Украине и в Белоруссии, в Прибалтике и на Кавказе. На Украине в первомайской

стачке приняло участие свыше 30 тыс. рабочих, в Баку — около 8 тыс.[108] Листовки большевиков призывали к поддержке пролетариата столицы, братскому единству рабочих всех народов России. Так, в листовке Полесского комитета РСДРП выражалось негодование против царского правительства и черносотенной Думы, которые «оскорбляли национальное достоинство Польши, довершали разгром финляндской самостоятельности, устраивали еврейские погромы»[109]. О высоком уровне классовой сознательности рабочих Азербайджана говорила первомайская листовка Бакинского комитета РСДРП: «От русских братьев не отстанет и кавказский пролетариат... Объединитесь все в одну общую, пролетарскую семью: русские и татары, армяне и грузины, персы и евреи, немцы и латыши. Пусть перед рабочим праздником отступят национальные, религиозные и другие предрассудки»[110].

Знаменательным событием в развитии революционной солидарности пролетариата России накануне первой мировой войны явилась мощная поддержка им забастовки рабочих Баку в мае — июле 1914 г. В бакинской забастовке, которую возглавляли большевики, участвовало около 50 тыс. рабочих — азербайджанцев, армян, русских, грузин, персов[111]. Рабочие требовали введения 8-часового рабочего дня; повышения заработной платы; улучшения жилищных условий; заключения коллективного договора; узаконения празднования 1 Мая; разрешения открыть народные дома; восстановления закрытых местными властями профсоюзов и просветительных рабочих обществ. Эти демократические требования привлекали внимание и сочувствие широких рабочих масс всех национальностей не только в Баку, но и в стране[112].

При организации и проведении забастовки большевикам пришлось столкнуться не только с открытыми врагами рабочего класса, но и с мелкобуржуазными и националистическими партиями, стремившимися сорвать ее, увести рабочих от политической борьбы, разрушить их интернациональное содружество. Эсеры проповедовали террор, меньшевики звали к соглашению с нефтепромышленниками, националисты — к блоку со «своей» национальной буржуазией. Однако бакинские рабочие не поддались «на уговоры». В значительной мере стойкость бакинцев объяснялась массовой солидарностью

с ними рабочих Петербурга и Москвы, Тифлиса и Батума, Харькова и Риги. В Петербурге стачка солидарности охватила 200 тыс. рабочих. В июле 1914 г. царские войска учинили кровавую расправу над путиловскими металлистами. В знак протеста 4 июля в столице бастовало 90 тыс. человек, 7 июля — уже 130 тыс., в ряде районов рабочие начали сооружать баррикады. Пролетариат страны массовой стачкой солидарности поддерживал петербургских братьев. В Москве бастовало 55 тыс. рабочих, в Риге — 54 тыс., в Варшаве — 20 тыс., в Харькове — 12 тыс., в Николаеве — 11 тыс., в Ревеле — 15 тыс., в городах Грузии — 20 тыс. рабочих[113].

В открытой революционной борьбе пролетариат России под руководством большевистской партии отстаивал свои политические права, боролся за удовлетворение повседневных нужд трудящихся масс города и деревни, равенство и единство рабочих всех народов России.

Для решения своих задач рабочие использовали также и трибуну Государственной думы. Думские дебаты красноречиво свидетельствуют о защите большевиками и демократически настроенными депутатами интересов рабочего класса, в том числе пролетариата национальных меньшинств. Вопрос об усиленной эксплуатации нерусских рабочих формально в Думах не ставился, но неоднократно возникал при обсуждении самых различных проблем — о декларации правительства, свободе стачек, праве петиций, о ликвидации смертной казни и в связи с подачей рабочими депутатами спешных запросов.

Выступая в I Государственной думе, трудовик А. Ф. Аладьин (Симбирская губерния) отметил, что рабочий класс России требует свободы собраний, свободы союзов и свободы стачек. «Все законы, — говорил он, — которые мешают рабочему классу организоваться, должны быть отменены. Рабочий класс немедленно должен взять в свои руки все свое дело и создать ряд организаций, в которых он действительно нуждается»[114].

Даже представитель трудовой группы Михайличенко (Екатеринославская губерния) с трибуны I Думы отстаивал по существу марксистское положение о руководящей роли рабочего класса в революции, о необходимости уравнения в правах трудящихся масс всех национальностей[115]. Выступая во II Думе, рабочие депутаты

привели факты чудовищного произвола карательных отрядов, действовавших в 1906 и 1907 гг. в Москве, Сибири, на Кавказе, в Прибалтийском крае. С особой силой правительство обрушилось на бастующих рабочих. В дополнение к закону о стачках 2 декабря 1906 г. царское правительство издало новые законы, каравшие за участие в стачках заключением в тюрьму на срок до 1 года. Кроме законов центрального правительства местные царские власти (в Одессе, в Полтавской губернии, в Прибалтийском крае) издавали свои особые постановления, еще более закабалявшие рабочих. Так, один из наиболее свирепых генерал-губернаторов, Меллер-Закомельский, предписал, что ни один забастовщик или участник политической борьбы не может быть принят на завод иначе как только с разрешения полиции, т. е. по представлений свидетельства о благонадежности. Правительство старалось во всех своих законопроектах и мероприятиях изолировать рабочий класс от других трудящихся масс и даже противопоставить интересы рабочих интересам всех других классов населения. Закон от 4 марта 1906 г. о разрешении организовывать профессиональные союзы фактически остался на бумаге. Рабочие в центре и тем более на окраинах встречали всевозможные препятствия при попытках создать профессиональный союз. В то же время правительство поощряло организацию всевозможных союзов капиталистов, предпринимателей, всемерно поддерживало локауты. В качестве типичного примера такой политики И. П. Озол привел Лодзинский локаут (начавшийся 23 октября 1906 г.), в результате которого 27 тыс. рабочих (вместе с семьями — свыше 100 тыс. человек) были лишены всякого заработка и обречены на голодную смерть. Подобные локауты и другие формы насилия над рабочими правительство в союзе с капиталистами применяло во многих городах России[116]. Фабриканты систематически преследовали рабочих, заставляли работать по 12—13 часов в день и кроме этого оставляли еще на сверхурочные работы. «Рабочие, — как отметил один из депутатов, — не имеют возможности воспитывать своих детей, читать газеты, следить за политической жизнью страны, вообще жить умственной жизнью...» Отвергая предложение кадета Кутлера о допустимости помощи только тем рабочим, которые пострадали по не зависящим от них при-

чинам (прежде всего от сокращения производства), рабочие депутаты привели весьма показательные данные небольшого анкетного опроса, проведенного Советом безработных. Были опрошены многие рабочие из различных районов, и оказалось, что 27% безработных составляют те рабочие, которые действительно были уволены вследствие сокращения производства, но 40% рабочих были рассчитаны за политическую забастовку, 15% — за свои политические убеждения (не за забастовку, а просто за убеждения!). В анкете имелась даже графа: «Уволен за сознание». Наконец, 7% были уволены за столкновение с администрацией. Таким образом, почти 60% рабочих остались без работы за политические забастовки и политические убеждения и сравнительно небольшой процент — из-за сокращения производства[117].

В IV Государственной думе рабочие-депутаты большое внимание уделили обсуждению вопроса о Ленском расстреле. Представитель большевиков Г. И. Петровский (Екатеринославская губерния) дал отпор черносотенцам, заявившим, что русские капиталисты якобы непричастны к кровопролитию, что это дело рук иностранных фирм. Депутат подчеркнул, что в «Ленское товарищество» входили иностранные и русские капиталисты, что классовые интересы капиталистов всех стран едины, что, когда речь идет об усилении эксплуатации, «подают друг другу руки и истинно русский министр Тимашов, и высокопоставленные пайщики «Ленского товарищества», и еврей Гинзбург, и бельгийские капиталисты, и уральские промышленники, и польские владельцы шахт!»[118].

Большевистские депутаты выступили с думской трибуны против зверств, чинимых карательными экспедициями в Прибалтийском крае в 1906—1907 гг.; они клеймили немецких баронов, с помощью царизма пытавшихся онемечить край, призывали латышских, эстонских, литовских трудящихся к революционному союзу с русским пролетариатом. Большое значение в интернационалистском воспитании масс имело обсуждение запроса социал-демократической фракции о катастрофе на Дзасуаньских Рудниках (Закавказье), где в результате отсутствия должной охраны труда произошел обвал и пострадало много рабочих. Большевики, выступая по запросу, раскрыли ужасающую картину варварской эксплуатации российскими предпринимателями труда иранцев и турок.

Администрация, стремясь изолировать их от революционного влияния, даже не принимала на рудники более квалифицированных рабочих — русских и грузин [119].

Большевистский депутат А. Бадаев в своем выступлении осудил беспримерное преследование правительством профессиональных союзов. Нарушая собственные законы, изданные в 1905 и 1906 гг., в частности закон о свободе союзов, правительственные органы за 6 лет, с 1907 по 1912 г., закрыли более 600 профессиональных союзов и отказали в регистрации 700 союзам — в Петербурге и Москве, на Урале и в Донецком бассейне, в Киеве и Баку. Преследовались рабочие союзы всех профессий — металлистов, текстильщиков, рабочих пищевой и кожевенной промышленности, железнодорожников и часовщиков. В Риге культурно-просветительное общество было не только закрыто, но и конфискованы его капиталы, ибо общество решило часть из них выделить местной рабочей газете [120].

Депутат социал-демократической фракции IV Думы Бурьянов (Таврическая губерния) поддержал А. Бадаева и в своем выступлении нарисовал безотрадную картину гонения на профессиональные союзы, кооперативные организации, просветительские общества в Петербурге и Екатеринославе, в Москве и Харькове, Риге и Киеве, Варшаве и Белостоке и т. д. Приведя множество потрясающих фактов о подавлении стачечного движения, депутат подчеркнул особо изощренные методы насилия черносотенцев по отношению к нерусским рабочим. Так, например, евреи-печатники из Риги и Баку были высланы за стачку в черту оседлости, татары за отказ быть штрейкбрехерами на Селезневском руднике (где рабочие бастовали из-за опасных для жизни условий, отсутствия охраны труда) были подвергнуты страшникам беспощадному избиению. Бурьянов закончил свое выступление призывом к революции [121].

Черносотенцы открыто выражали свое недовольство по поводу выступлений рабочих-депутатов. Так, председатель IV Думы октябрист Родзянко лишил А. Бадаева слова. Здесь же Пуришкевич заявил, обращаясь к рабочим-депутатам: «Вас всех повесить надо!» Черносотенцы, как и следовало ожидать, провалили при голосовании как запрос социал-демократической фракции о преследовании профессиональных союзов, так и запрос

самовольном запрещении полицией рабочих собраний и выборов в страховые органы. Но само внесение запросов в Думу, их оглашение и обоснование рабочими депутатами способствовало развитию социалистического сознания пролетариата России, убеждало его в том, что только большевистская партия беззаветно защищает коренные интересы трудовых масс всех народов страны и что разрешение рабочего вопроса возможно только в мире социализма.

Проведенные под руководством большевистской партии забастовки солидарности были незаменимой школой революционного и интернационального воспитания пролетариата. Они раскрывали перед рабочим классом истинный смысл его общественного положения, его полное политическое бесправие; помогали рабочим всех национальностей страны распознать своих непримиримых врагов и настоящих друзей, глубоко осознать величайшую ценность и силу братского единства в революционной борьбе.

Во главе национального пролетариата шли русские рабочие, прежде всего рабочие Петербурга и Москвы. Они показывали трудящимся страны, особенно ее национальных районов, образец политической сознательности, организованности, самоотверженности, интернациональной солидарности. Их пример вдохновлял и объединял под знаменем большевистской партии трудящиеся массы центра и окраин страны для борьбы против самодержавия и капитализма, против социального и национального рабства.

Развитие революционного движения было прервано первой мировой войной, которая, обнажив до предела коренную противоположность интересов трудящихся масс и эксплуататорских классов, в сильнейшей степени накалила политическую обстановку и приблизила возможность победы не только демократической, но и социалистической революции в России.

ГЛАВА 4

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ И ВОПРОСЫ РАЗВИТИЯ КУЛЬТУРЫ НАРОДОВ РОССИИ

Русификаторская политика царизма в области культуры и тактика революционно-демократических партий

К началу XX в. Россия занимала среди капиталистических стран Европы последнее место по уровню развития народного образования [1]. В 1897 г. в стране насчитывалось среди мужчин всего 29—33% грамотных, а среди женщин — от 6 до 13%, в том числе среди литовцев и латышей грамотных мужчин было 52%, женщин — 52%; среди евреев соответственно 49 и 28,2%; поляков — 35% и 29%; финнов — 35 и 27%; русских — 29,6 и 9%. Национальный гнет приводил к тому, что среди большинства народов России царила почти поголовная безграмотность. В Средней Азии процент грамотных составлял у мужчин всего 0,2, а у женщин — и того меньше [2]. Подобная картина наблюдалась и среди народов Поволжья, Севера и других районов.

Царское правительство всячески ограничивало трудящиеся массы в возможности получения образования. На народное просвещение государство тратило мизерную сумму. В национальных районах школы для детей местного нерусского населения должны были содержаться родителями детей. Преподавание в них велось на русском языке. Царское законодательство категорически запрещало практиковать частные школы и обучение на дому родному языку и другим общеобразовательным предметам. По самым скромным подсчетам Министерства народного просвещения, в России в 1906 г. недоставало более 160 тыс. школ. Из 13 млн. детей школьного возраста могли обучаться лишь 5,4 млн., т. е. в школах

недоставало мест более чем для 7 млн. детей [3], начальных школ всех ведомств в пределах Российской империи насчитывалось 90 тыс. В то время как расходы на суд, тюрьмы и полицию превышали 5% государственного бюджета, на народное просвещение выделялось всего 2,8%. По данным 1906 г., на одного ученика начальной школы ежегодно приходилось всего 7,3 коп. государственного бюджета и 31 коп. доплачивали земства, городские и иные учреждения. В Соединенных Штатах, например, на школьника в год расходовалось 4 руб. 80 коп. [4] В национальных районах России сумма, выделяемая на обучение одного школьника, была даже ниже среднего уровня по стране.

В 1911 г. на территории Таджикской ССР насчитывалось около 400 учеников и 13 учителей в 10 русско-туземных (начальных) школах, в Киргизии — немногим более 7 тыс., в Узбекистане — 18 тыс. учащихся, главным образом детей баев, манапов, русских чиновников, кулаков. На огромной территории современного Казахстана в 1914 г. действовало 2011 школ, где обучалось 105 тыс. детей, среди них лишь 2,9 тыс., или 7,5%, — дети казахов. На языках таких народов, как адыгейский, башкирский, бурятский, калмыцкий, киргизский, коми, молдавский, туркменский, черкесский и другие, в 1913—1914 гг. не было издано ни одной книги, ни одной газеты. На Украине, известной своими древними богатыми традициями в области культуры, до революции три четверти населения было неграмотно, государственных школ с преподаванием на украинском языке почти не было [5]. Многие народы под гнетом шовинистической политики царизма заметно отставали в культурном развитии от своих прежних показателей. В Польше и на Украине к началу XX в. уровень просвещения резко снизился по сравнению с тем, что было столетие назад. В Польше в начале XIX в. был университет, прогимназии с общежитиями, много частных учебных заведений. Еще с XVI в. здесь утвердилась традиция собирать для нужд просвещения необходимые суммы, создавать научные коллекции, выплачивать студентам стипендию и т. д. В течение XIX в. по воле царя и его наместников все эти достижения польского народа в области культуры были варварски ликвидированы. Университет и другие учебные заведения закрыты, польский язык, литература, искусство подверг-

лись гонению[6]. В то время как в Московском округе из 1 835 000 детей школьного возраста обучалось 1 134 000, в Варшавском округе, даже по свидетельству Министерства народного просвещения, из 1 010 тыс. детей школьного возраста обучалось всего 293 тыс., в Харьковском округе из 1 400 тыс. обучалось только 817 тыс.[7] Украинцы по степени развития грамотности далеко отстали от уровня XVII — XVIII вв. Удельный вес грамотных в начале XX в. составлял здесь 13%[8]. В Закавказье царское правительство ежегодно расходовало на содержание стражи 2 361 460 руб., а на народное образование выделяло лишь 114 тыс. руб.[9] Подобные примеры можно приводить без конца.

Чрезвычайная отсталость страны в области культуры находила особое выражение в унизительном и тяжелом положении женщины, особенно в национальных районах. Неравенство женщины проявлялось в пониженной заработной плате, а также в диких обычаях и традициях по отношению к женщине в Средней Азии, Закавказье, Поволжье (калым, многоженство, произвол мужчины в семье, избиения, убийства). В Средней Азии положение женщины было особенно тяжелым. Она была вещью, рабой, до ее внутреннего мира, судьбы, будущего никому не было дела. Часто она становилась средством к обогащению, выгодной сделке, предметом торговли. Так, в 1909 г. в кишлаке Айдар бедность была настолько велика, что там можно было приобрести жену за два пуда проса...[10]

Вдова по киргизским законам обязана была выйти замуж за ближайшего родственника умершего, дети становились собственностью этого родственника. Дети рассматривались как имущество. По указанию русских властей вдова-киргизка получила право не выходить замуж за родственника мужа, но детей, как и раньше, суд шариата присуждал не матери, а родственнику отца. Мать вынуждена была либо расстаться с детьми, либо покориться обычаю и выходить замуж за родственника умершего мужа. Женщина не могла защитить свою честь, получить развод. Все зависело от желания мужа, который имел право не только оскорбить, избить, но и убить ее. Мнение женщины для суда — шариата — не имело никакого значения, да его никто и не спрашивал. Обычно за нее в суде говорили ближайшие родственники — отец,

брат, муж, дядя. Суд заботился лишь о том, чтобы мужчина мог купить другую жену и продолжить род[11]. Такова была воля Корана. Согласно этой воле, многие судьбы были загублены.

Сильнейшим препятствием к развитию образования в национальных районах являлась религия. Недоставало школ и учителей, не было больниц и врачей, но строились храмы, кирхи, синагоги, воздвигались мечети с минаретами, тысячи и десятки тысяч людей различных рас и наций с детского возраста вербовались в «лоно церкви» для «служения богу», становясь впоследствии ярыми врагами простого народа. Религия запугивала, обворовывала, ломала душу, до невероятности обедняла и опустошала духовный мир человека.

В Перовском уезде Сырдарьинской области в 1912 г. насчитывалось 77 мечетей, 30 мазаров (молитвенных домов), в городе Перовске — 5 мечетей и 3 мазара, в Самарканде — 175 мечетей и 102 мазара, в Аули-Ате — 21 мечеть и в уезде — 93 мечети да 500 мазаров. Вокруг этих мечетей и мазаров на даровых хлебах прихожан орудовала целая свора всякого рода служителей культа: муллы, ишаны, мюриды, иманы, ахуны и т. д. Приношения были самые разнообразные: «усур» — отдельные части урожая — от $^1/_{10}$ ДО $^1/_{20}$; «зякет» — $^1/_{40}$ часть наличного скота; пожертвования по праздникам «курбак-айт» и «рамазан-айт»[12].

Над трудящимися массами довлел гнет вековых предрассудков, суеверий, традиций. Поклонялись священным деревьям, рощам, родникам. Верили в «приворотные» корешки (их тайно подкладывали в еду), которые якобы могли усилить любовь, в амулеты, в гаданья[13]. При всем этом трудящиеся-мусульмане знали религию поверхностно. Муллы, окончившие медресе, и те знали лишь несколько молитв или изречений на арабском языке. В каждом кишлаке только несколько человек знали наизусть молитвы того или другого намаза, церемонии мрления, а остальные молча следовали их примеру. Среди населения пользовались огромным влиянием ишаны как столпы исламизма. Ишаны были ярыми противниками проникновения в среду туземцев европейской культуры и русской грамотности. Они набирали себе последователей — мюридов, кормили их, поручали им собирать для себя подаяние. Темнота и невежество народа помогали

знахарям-ишанам «выжать у населения побольше зерна и денег»[14].

Религия обособляла нации, тормозила их сближение. Русская православная церковь запрещала своим прихожанам переходить в другое вероисповедание. Заинтересованная в увеличении или в крайнем случае сохранении численности паствы, церковь требовала при заключении браков перехода «иноверных» в православие. Мусульманская и другие религии в свою очередь удерживали своих верующих от перехода в православие. Так коверкались человеческие судьбы, молодые люди часто из-за религиозных предрассудков, царивших в окружающей их среде, не могли вступить в брак.

Религия усиливала разобщенность, отчуждение народов, противопоставляла их друг другу. Так, литовский священник Александр Никольский, наделяя литовцев лучшими чертами национального характера («выдающееся трудолюбие, сильная энергия и твердая воля в достижении раз поставленных целей... скромность и хладнокровие»), подчеркивал, что для поляков характерны якобы лишь непостоянство и хвастливость[15]. Пропаганда подобных взглядов играла на руку правительству, которое последовательно покоряло народы, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй».

Прикрываясь государственными интересами, царские чиновники под различными предлогами отклоняли ходатайства национальных меньшинств об увеличении бюджета на народное образование. В 1906 г. Министерство народного просвещения отказалось удовлетворить просьбу мусульман о выделении средств на устройство школ. Царский сановник объяснял отказ следующими «доводами»: «Желание мусульманских обществ исходит из того соображения, что мусульмане несут те же самые государственные налоги, что и прочее население империи, и поэтому государственная касса должна уделять им соответственные средства на образование мусульманского юношества; но в данном случае мусульмане заблуждаются, будто они вносят в государственную кассу суммы, равную пропорционально контингенту христианского населения. Мусульмане вследствие канонических предписаний не употребляют спиртных напитков, что, разумеется, ни один христианин не ставил и не поставит им в какой-нибудь моральный недочет. Тем не менее в общенародной

экономии мусульманами сберегается до 70000000 руб. Государственной кассе совершенно безразлично, вследствие каких побуждений плательщиков она недополучает тех или иных сумм. Государственной кассе лишь необходимо сообразовать свои платежи с суммами получений. Соображаясь с такой необходимостью, государственная касса поступила бы в высшей степени неосторожно, если бы, недополучая с мусульманского населения 70 000 000 р., расходовала бы в то же время суммы, получаемые с крестьянского населения (других национальностей. — *Авт.)* на нужды мусульманства». Как явствует этот красноречивый документ (оглашенный с трибуны II Думы рабочим-депутатом), «государственные соображения» сводились к следующему: тот, кто пил много водки и приносил государству доход, был вправе получить 7,3 коп. (на душу) на образование. Те, кому аллах и Коран запрещали пить водку, не могли рассчитывать на субсидию от государства на образование свое и своих детей[16].

Вопрос о правительственном бюджете, и в том числе о выделении средств на народное образование, был предметом острой межпартийной борьбы в Государственной думе. Дебаты о неравном положении наций и народностей страны, с одной стороны, отразили со всей полнотой цели и установки черносотенцев, полностью поддерживавших шовинистическую политику царизма, и, с другой — революционную позицию демократии, разоблачавшей антидемократизм правительства и либералов. Представители национальных меньшинств, члены мелкобуржуазных партий — эсеров и трудовиков — часто колебались, не могли до конца осмыслить, с кем им по пути — с кадетами или с большевиками, но их гневное обличение политики царизма, яркие факты, ими приводимые, о преследовании правительством и ущемлении прав национальных меньшинств объективно ослабляли позиции черносотенцев.

Депутат II Государственной думы от Эриванской губернии эсер С. Ф. Тигранян подчеркнул, что бюджет в каждом государстве есть отражение всей правительственной политики и что положение школы самым тесным образом связано с общим политическим режимом[17]. В феодально-крепостнической России учебные заведения существовали только для привилегированных классов,

народной школы фактически не было. Среди иноплеменного и иноверного населения правительственные школы ставили своей задачей не столько цели просветительные, сколько миссионерские и обрусительные. В результате этой политики правительственные школы на окраинах совершенно выродились в самые примитивные курсы русского языка. Наряду с этим родной язык всячески изгонялся из школы. Так было в Средней Азии и Казахстане, в Царстве Польском и Прибалтике, на Украине и в Белоруссии, в Поволжье и на Кавказе и т. д. Русскому языку учили не потому, что желали приобщить окраину к русской культуре и к русской литературе, а преследуя одни полицейские функции. «Правительство, — отметил Тигрянян, — смотрит на народные школы не как на орудие просвещения и культуры, а как на орудие порабощения духа народа... на котором может обосновываться эксплуатация, экономическое и политическое порабощение всего народа... Министерство народного просвещения... всегда скорее являлось как бы особым отделением Министерства внутренних дел...» [18]

Полное устранение из национальной школы родного языка практически приводило к тому, что учащиеся не овладевали ни своим, ни русским языком и, более того, воспитывались в духе неприязни к русскому языку как к правительственному, насильственно насаждаемому. Все это в конечном счете приводило к еще большему обособлению народов друг от друга и тормозило проникновение в широкие трудящиеся массы национальных районов революционной демократической и социалистической русской культуры.

В соответствии с Правилами от 3 апреля 1892 г. царские власти преследовали тайное обучение на родном языке в губерниях Западного края, а также в Царстве Польском. Виновные в устройстве и содержании без дозволения правительства какого-либо рода школ подвергались денежному штрафу до 300 руб. или аресту. Такому же взысканию подвергались лица, предоставлявшие помещение или средства на организацию подобных школ, а также ученики, платившие за обучение, учителя и школьный персонал [19].

Русская и зарубежная демократическая печать решительно осуждала великодержавную политику царизма. Учитывая продолжавшееся в стране революционное дви-

жение, Министерство народного просвещения внесло во II Государственную думу законопроект об отмене Правил от 3 апреля 1892 г., а также законопроект о начальном образовании, который предусматривал только его всеобщность, но не обязательность, т. е. правительство не брало на себя никакой ответственности за материальное обеспечение даже начального образования детей.

Обсуждение правительственных законопроектов вылилось в бурные прения, в ходе которых достаточно четко раскрылись позиции политических партий по вопросу о перспективах и путях развития культуры народов страны. Как в аграрном, так и в общеполитических вопросах заметно проявились противоречия между русскими и «национальными» кадетами.

Член польского коло А. С. Хоминский (Виленская губерния) в своем выступлении подчеркнул мизерность правительственного бюджета, выделенного на народное образование. «Что значит 50 млн. руб. при 141 млн. населения?» — сказал он. Протестуя против вмешательства в дела школы полицейско-бюрократического аппарата русского правительства, Хоминский предложил передать школьное дело в руки местных органов самоуправления при осуществлении принципа гарантии прав национальных меньшинств. «Местные языки, — отметил он, — должны получить по желанию родителей и детей присущее им право, и пусть школа действует в единении с обществом» [20]. В ходе прений было отмечено, что в Седлецкой и Люблинской губерниях применялись всякого рода ограничения, чтобы не допустить организации начальных школ на польском языке. Это проводилось под предлогом, что губернии по большинству населения якобы украинские, а не польские, в то время когда в одной губернии насчитывалось только 18%, а в другой — 13% украинского населения. Приходские училища в Царстве Польском имелись только для православных детей. На православного ученика в Польском крае казна выделяла 18 руб. 61 коп., в то время как на ученика другого вероисповедания — только 1 руб. 19 коп. Министр финансов Коковцов откровенно объяснял подобную политику нецелесообразностью затрачивать деньги на коренное население окраин [21].

Член мусульманской фракции М. Г. Махмудов (Бакинская губерния) обратил внимание депутатов на пла-

чевное положение мусульманских народных школ и учителей-мусульман, которые по царским законам не имели права преподавать в средних учебных заведениях. Так называемые народные, организованные министерством школы для мусульманского населения пустовали. Учеников-мусульман преследовали, сажали в карцеры, наказывали, в праздничные дни лишали отпуска только за то, что кто-нибудь из них по неосторожности заговаривал со своим товарищем-единоверцем на родном языке. Махмудов с горькой иронией рассказывал с трибуны Думы о печальных результатах обрусительной политики. «С изгнанием родного языка, — сказал он, — введен так называемый «немой метод», по которому учитель должен как хочет заниматься объяснением того или другого, хотя бы отвлеченного понятия на русском языке. Иной раз бывает такое смешное положение народного учителя, что учитель для того, чтобы объяснить, например, «собака лает», должен лаять, как собака, в классе, а потом спрашивать: «ну, что я сказал?»» (Голоса: «Браво!». Аплодисменты) [22].

Идея демократизации школьного дела была достаточно четко сформулирована в выступлении депутата II Думы эсера С. Ф. Тиграняна (Эриванская губерния), который подчеркнул необходимость освободить школы от бюрократической опеки правительства, передав руководство школьным делом общественному самоуправлению. «Надо, — сказал он, — чтобы школа была близка населению, была бы родной и любимой им; а для достижения этого надо заведование школы передать самому населению... школа должна быть близка к населению и соответствовать потребностям различных народностей» (Аплодисменты слева) [23].

К. Ф. Вознесенский, член народно-социалистической фракции (Самарская губерния), резко критикуя законопроект Министерства народного просвещения за неконкретность и демагогичность, назвал его «простым перечнем прекрасных слов лучших людей 40—60 гг.» Осудив правительственную политику преследования демократически настроенных, мыслящих учителей, депутат раскрыл тяжелое положение с постановкой народного образования не только среди национальных меньшинств, но и среди русского населения. Преподавание родного русского языка и литературы сводилось «к пустому задал-

бливанию, к погашению всякой человеческой мысли, зарождающейся в голове ребенка...». Лучшие учебники, как, например, «Родное слово» Ушинского, изгонялись из народных школ. Все учебники подгонялись под единый трафарет (утвержденный Министерством народного просвещения учебник Баранова, где все чтение было заполнено историями о монастырях, их учредителях, о том, кто как жил и как постился). Лучшие русские писатели Пушкин, Гоголь, Некрасов вытеснялись из начальных школ и изымались даже из народных библиотек. Посылая в земские школы служителей культа, правительство желало иметь в их лице «не столько законоучителей, сколько, по большей части, жандармов в рясе». Что же касается так называемых туземных (или «инородческих») школ в национальных районах, то в руках правительства эти школы в конечном счете также являлись средством насилия и покорения народов. С первого дня в этих школах преподавание велось не на родном, а на русском языке, что вызывало протест коренного населения. «Нас, — отметил в своей речи Вознесенский, — с первого дня встречали камнями, нас бранили, нас преследовали на каждом шагу, ибо мы были поработителями» [24].

Трудовик К. Г. Хасанов (Уфимская губерния) рассказал, что по указанию правительственных органов преподавание в русско-башкирских школах шло только на русском языке, несмотря на то что родители башкирских детей противились этому. Если башкирское население не давало «приговора» (согласия) на открытие школ, то земские начальники путем угроз, арестов и штрафов все равно добивались их открытия. В школы нередко назначались лица без специального образования, не знавшие родного языка учащихся, подчас бывшие урядники, помощники волостных писарей. «Мы хотим, — заявил Хасанов, — чтобы в каждой деревне открывались мусульманские школы с преподаванием на чистом мусульманском наречии, чтобы учителями в эти школы никогда не назначались лица, которые не получали специального образования и которые не могут воспитывать наших детей. Мы от изучения русского языка никогда не отказывались и не отказываемся. Почему? Потому что нам изучение русского языка необходимо, но только мы хотим, чтобы нам этого не навязывали...» [25] (Аплодисменты слева).

Резкие обличительные речи депутатов вызвали яростный протест черносотенной части Думы. Они неоднократно прерывали выступления депутатов Вознесенского, Хасанова и других циничными репликами, требовали от председателя лишения ораторов слова. Наглая обструкция правых восстановила против них даже далекого от демократии председателя Думы кадета Головина, который на основании 38 ст. устава Государственной думы, под громкие аплодисменты левых и центра, удалил из зала заседания Пуришкевича, Келеповского и Созоновича [26].

Все это говорило об острых и непримиримых противоречиях между русскими помещиками и капиталистами, с одной стороны, и трудящимися массами всех народов России, с другой стороны.

Царизм, как и следовало ожидать, не поддержал предложений левых и демократически настроенных депутатов. Дума ему была нужна лишь как дополнительное средство подавления революционного движения в стране. Опираясь на блок кадетов, октябристов и правых, правительство добилось того, что Дума ограничилась по вопросу о народном образовании лишь принятием куцего законопроекта об отмене действия Правил от 30 апреля 1892 г. о взысканиях за тайное обучение в губерниях Западного края, а также Царства Польского [27].

Но уже после третьеиюньского переворота 1907 г., воспользовавшись поражением первой русской революции, царизм стремится ликвидировать и то немногое, что было завоевано трудящимися угнетенных народов в 1905—1906 гг. Начался поистине разгул великодержавного шовинизма. В национальных школах, даже в младших классах, искоренялось преподавание на родном языке, были закрыты национальные газеты и журналы, основанные в годы революции на Украине, Кавказе, в Средней Азии и в других районах. Запрещалось ставить пьесы на родном языке, петь национальные песни и даже исполнять родные мелодии на музыкальных инструментах.

Материалы III Государственной думы содержат характерные свидетельства различного ущемления развития национальной культуры. Используя правооктябристское и октябристско-кадетское большинство депутатов, царское правительство сделало Думу ярым поборником

религиозного мракобесия, душителем даже робких попыток со стороны национальных меньшинств защитить права родного языка, школы, литературы, вероисповедания. Так, например, прения по вопросу о смете Синода, о возвращении прав лицам, покинувшим духовное звание, о старообрядческих общинах чрезвычайно выпукло отражают позиции русских политических партий. Анализируя эти прения в своей работе «Классы и партии в их отношении к религии и церкви», В. И. Ленин пришел к выводу, что в России клерикализм приобретал все более воинствующий характер, что кстати отразилось и на составе III Думы, которая оказалась поистине поповской. Внушительную группу священники составляли среди правых, умеренно правых, прогрессистов, мирнообновленцев и среди различных национальных групп [28].

Вопрос о народном образовании рассматривала и IV Дума. В 1913 г. Министерство народного просвещения внесло в Думу законопроект об утверждении сметы на народное образование на 1914 год. Обсуждение законопроекта приобрело острый характер. Основной пункт законопроекта состоял в запрещении преподавания на родном (нерусском) языке даже в начальной школе. Министерство народного просвещения предлагало распространить действие реакционных законов о запрещении преподавания на родном (нерусском) языке в школах различных окраин России (3 мая 1908 г., 22 июня 1909 г., 23 июня 1912 г.) и на школы Финляндии [29]. Стремясь изгнать из стен школы демократические идеи и всякий намек на свободу развития нерусской национальной культуры, правительство и черносотенные партии выдвинули лозунг «Школа вне политики» и с думской трибуны отстаивали необходимость «ограждения русской народной школы от тлетворного влияния оппозиционных школ» [30]. Кадеты критиковали правительственный законопроект по частным, непринципиальным вопросам, соглашаясь с ним по существу. Критикой наиболее вопиющих в смысле антидемократизма пунктов законопроекта кадеты стремились привлечь на свою сторону мелкобуржуазные партии, а также и представителей национальных меньшинств. Как верные защитники интересов русских капиталистов, кадеты выступали не против национального гнета, как такового, а против слишком грубых и открытых форм и средств его осуществления, в част-

ности преследования национальной культуры. Лидер кадетов П. Н. Милюков, заискивая перед черносотенцами и одновременно маскируясь под демократа, в напыщенной, витиеватой речи заявил, например, что Министерство народного просвещения варварски расправляется с русским просвещением и относится с презрением к России, русскому народу и инородцам [31]. Однако это не помешало Милюкову и его партии голосовать за правительственный законопроект «в целом». Меньшевики вели предательскую политику поддержки и откровенного восхваления кадетов. В этой связи характерно выступление Чхеидзе, в котором он выразил мнение, что такие русские либералы, как Милюков, являются «истинными демократами», под руководством которых народы России обрели бы свободу национального развития [32]. При обсуждении в IV Думе вопросов о народном образовании весьма выпукло проявился не только реформизм, но и антиреволюционность меньшевиков.

Большевистская фракция метко окрестила бюджет нар народное просвещение сметой народного «затемнения» [33]. А. Е. Бадаев в своем выступлении заклеймил политику Министерства народного просвещения как черносотенную, цель которой — держать народ во тьме и невежестве, преследовать всякое стремление масс к знаниям, и в особенности трудящихся масс национальных окраин [34]. Рассказывая о результатах съезда по народному образованию, работавшего в 1913 г., Бадаев подчеркнул, что съезд этот оказался демократическим. Приведенные им выдержки из двух резолюций инородческой секции съезда, принятые не двумя или пятью левыми народными учителями, а съездом, на котором присутствовало 500 человек, свидетельствовали: «...из недр русской земли пришли первый раз на I съезд народные учителя, и они уже требуют демократической республики!» [35]. Г. И. Петровский, выступая в Думе, привел ряд фактов о преследовании учителей в Харьковской и Тобольской губерниях, в Казанском округе и других национальных районах, учителей, защищавших права национальных меньшинств [36].

О безысходности положения начальной школы на родном языке в Польском крае рассказал с трибуны IV Думы представитель польского коло Лэмпицкий (Петроковская губерния) [37]. Секретарь мусульманской

группы И. А. Ахтямов (Уфимская губерния) отметил, что Министерству внутренних дел правительство предполагает отпустить огромный бюджет — 102 млн. руб., но политика данного министерства настолько антидемократична, что не заслуживает никакого бюджета. Он приводит факты различного гонения мусульман, рассказывает о произволе губернаторов на местах, о преследовании духовно-приходских школ. «Достаточно было этим школам, — сказал он, — перейти от старых методов преподавания к новым, более прогрессивным, достаточно было ввести в курс преподавания этих школ самые невинные предметы, как, например, географию, которую раньше не преподавали, чтобы Министерство внутренних дел эти школы взяло под подозрение» [38]. Вскрывая безграничное преследование татарской печати со стороны правительственной цензуры, Ахтямов зачитал с трибуны Думы документ, свидетельствующий о вопиющем невежестве царских чиновников-цензоров. Один из них писал, например, следующее: «...беда в том, что настоящие-то изуверы и противники русской культуры суть казанские и иные татары, которые своим тлетворным влиянием и религиозной пропагандой, а также путем новоявленной татарской публицистики стремятся развратить прекрасное киргизское племя... Какую им там газету, пускай читают русскую... нет ни общетатарского книжного, не говорю — литературного языка. Можно дозволить печатать на татарском языке статьи о разведении картофеля, об удобрении почвы, о чуме на рогатом скоте, о варении кваса, о сушении фруктов, все же остальное, что касается быта и жизни личной или общественной политики, едва ли можно считать безразличным в отношении направления и популярно простым, а потому должно подлежать строгому контролю не только правительства, но и читающего русского общества» [39]. Комментарии, как говорится, излишни.

О развитии культуры национальных меньшинств в самодержавной России невозможно было не только говорить, но и мечтать. Однако, несмотря ни на какие препятствия, лучшие, передовые их представители стремились к развитию не только начального, но и высшего образования. Тяготея к русской демократической культуре, они неоднократно обращались к царскому правительству с просьбами открывать институты не только на

их родном, но и на русском языке. Правительство отказывало им и в том, и в другом! Когда, например, представители грузинской интеллигенции обратились в 1912 г. к центральной власти с ходатайством об открытии в Тифлисе русского университета, и эта просьба была отклонена. Подобных фактов можно было бы привести множество.

Черносотенцы встретили враждебно и внесенный представителями революционно-демократического крыла IV Думы спешный запрос о нарушении Министерством народного просвещения правительственного указа от 2 декабря 1905 г. о приобретении книг в народные библиотеки при низших учебных заведениях. В 1905 г. под влиянием революционного движения Министерство внутренних дел отменило законодательный акт от 4 февраля 1883 г. о надзоре Министерства народного просвещения над фондами бесплатных читален. В соответствии с указом от 2 декабря 1905 г. все бесплатные народные читальни приравнивались в своих правах и в порядке надзора за ними к публичным библиотекам. Но 9 июня 1912 г. Министерство народного просвещения издает особые правила, в соответствии с которыми пополнение народных библиотек новыми книгами ставилось под надзор инспектора народных училищ. В результате в центральных и особенно в национальных районах большинство деревенских библиотек и читален были либо закрыты, либо книжный фонд их был крайне обеднен. Так, например, в Уфимской губернии из прежнего количества книг в библиотеках осталось только 5%, остальные 95% были выброшены инспекторами; в Пензенской — из 164 библиотек осталось всего 60 [40].

Выступая по этому поводу в Думе, трудовик Старлычанов (Ставропольская губерния) сказал: «...если у нас развивается еще образование, если вся деревенская Россия еще не обратилась в первобытное состояние, то это происходит не благодаря деятельности Министерства народного просвещения, а несмотря на его деятельность. Министерство народного просвещения с подозрением смотрит на всякую книжку в руках деревенского читателя; ему хочется, чтобы все щели, через которые проходит свободная мысль, были тщательно замазаны, чего бы это ни стоило...» Старлычанов закончил речь под рукоплескания слева [41].

Черносотенно-октябристское большинство Думы отклонило спешность запроса, и он не получил никакого движения, как и многие запросы левых партий.

Насколько куцей была программа царского правительства в области народного просвещения, ярко свидетельствует его декларация, зачитанная председателем Совета министров в IV Государственной думе 5 декабря 1912 г. В частности, в декларации говорилось следующее: «В деле народного просвещения правительство, прежде всего, считает особенно желательным скорейшее рассмотрение Государственной думой внесенного уже законопроекта об обеспечении преподавательского состава церковно-приходских школ, вошедших в школьные сети. Эта мера, в связи с проектируемым пересмотром законоположений о духовных учебных заведениях, подготавливающих пастырей церкви, улучшением содержания городского и сельского духовенства, а равно и другими средствами к укреплению церковно-приходских школ вообще, должна оказать свое благотворное влияние на прочную постановку той части нашего начального образования, которая вверена заботам и попечению духовного ведомства» [42]. Ничего другого по вопросу о развитии народного образования правительство и не обещало, давая ясно понять, что неизменным курсом его является усиление клерикализма, церковной опеки над школой, насаждение в массах православного мракобесия.

В требованиях развития народного образования на родном языке, организации просветительных учреждений, строительства в национальных районах высших учебных заведений, как и в других требованиях рабочей демократии, отражались вековые чаяния всех народов России. Практический опыт убеждал трудящиеся массы в том, что даже минимальные попытки развития культуры в условиях царизма не имели перспективы на реализацию. Путь к широкому развитию действительно демократической и социалистической культуры мог быть открыт только победой революции и приходом к власти пролетариата в союзе с беднейшим крестьянством.

Разоблачение В. И. Лениным буржуазно-националистической сущности программы культурно-национальной автономии. Ленинский лозунг интернациональной культуры демократии и социализма

В. И. Ленин раскрыл в своих трудах полнейшую несостоятельность и националистическую сущность программы культурно-национальной автономии. Эта программа была выдвинута австрийскими социал-демократами К. Реннером (Р. Шпрингером) и О. Бауэром, пропагандировалась в России кадетами, а также Бундом и ликвидаторами. При этом каждая из партий приспосабливала положения Реннера и Бауэра к своим интересам.

В оригинале эта программа состояла в следующем: каждый гражданин записывается независимо от национального происхождения и местожительства (руководствуясь лишь собственным желанием) в ту или иную нацию; каждая нация составляет юридическое целое, государственно признанный союз, ведающий делами национальной культуры, с правом принудительного обложения своих членов налогами в пользу ее развития, с национальными парламентами (сеймами), национальными «статс-секретарями» (министрами) по делам развития культуры. Теоретическим обоснованием программы культурно-национальной автономии служило ненаучное, идеалистическое определение нации Реннером и Бауэром. Бауэр, например, считал единственным обязательным признаком нации общность характера, сложившегося на базе общности судьбы. Реннер определял нацию как союз одинаково мыслящих и одинаково говорящих людей, как культурную общность людей, не связанных ни общей территорией, ни общностью экономической жизни. Отрывая нацию от материальной жизни, они отрицали ее экономические и территориальные связи, а Бауэр, кроме того, и общность языка.

Поскольку и лидеры II Интернационала, и бундовцы и кавказские ликвидаторы определяли нацию как какой-то один признак: или общность языка, или общность характера, постольку вопрос о самоопределении нации они сводили к вопросу о культурно-национальной автономии. По их мнению, для того чтобы нация стала свободной, не нужно ни революции, ни демократизации

политического строя, а достаточно лишь культурной автономии.

В. И. Ленин вскрыл основной, принципиальный порок культурно-национальной автономии, заключавшийся в том, что она стремилась воплотить в жизнь самый утонченный и самый абсолютный, до конца доведенный национализм.

Ревизионисты переоценивали национальные особенности, стремились к консервированию национальных перегородок, преувеличивали значение национальных интересов пролетариата. Это противоречило тенденции наций к сближению (а в будущем — к слиянию), подрывало классовую солидарность рабочих различных наций, усиливало влияние местного буржуазного национализма на трудящиеся массы окраин. Центральным пунктом в программе культурно-национальной автономии был лозунг «национальной культуры». Австрийские социал-демократы, ликвидаторы, бундовцы, оппортунисты II Интернационала требовали, чтобы социал-демократические партии боролись не за победу социалистической революции, а только и прежде всего за свободу развития «национальной культуры».

Но в обществе, разделенном на враждебные классы, не может быть единой в идеологическом отношении культуры. В. И. Ленин вскрыл, что в культуре буржуазной нации фактически есть две культуры, в соответствии с двумя антагонистическими классами, — пролетарская и буржуазная. Он писал: «Есть две нации в каждой современной нации — скажем мы всем национал-социалам. Есть две национальные культуры в каждой национальной культуре. Есть великорусская культура Пуришкевичей, Гучковых и Струве, — но есть также великорусская культура, характеризуемая именами Чернышевского и Плеханова. Есть *такие* же *две* культуры в украинстве, как и в Германии, Франции, Англии, у евреев и т. д. Если большинство украинских рабочих находится под влиянием великорусской культуры, то мы знаем твердо, что наряду с идеями великорусской поповской и буржуазной культуры действуют тут и идеи великорусской демократии и социал-демократии» [43].

В. И. Ленин подчеркивал, что у народа во главе с пролетариатом есть своя демократически-социалистическая культура, интернациональная по содержанию, националь-

ная лишь по форме. У буржуазии — своя, националистическая, реакционная культура. Лозунг «национальной культуры» в тех условиях являлся защитой официальной культуры господствующего класса. Разоблачая требование «национальной культуры», по существу буржуазное, черносотенное, клерикальное, В. И. Ленин противопоставил ему лозунг интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения [44].

По своему значению выступление марксистов против лозунга «национальной культуры» в борьбе с национализмом было так же важно, как в свое время их опровержение лозунга «свободы критики» в борьбе с «экономистами». И тот и другой лозунги в разных условиях выражали единое стремление буржуазии подчинить пролетариат своей идеологии, приручить его, духовно обезоружить. Лозунг «национальной культуры» призывал рабочих не к политической борьбе против буржуазии, а к развитию «общей культуры» в союзе с буржуазией «своей» нации. Лозунг национальной культуры неверен, отмечал Ленин, «ибо вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее. Интернациональная культура, уже теперь создаваемая систематически пролетариатом всех стран, воспринимает в себя не «национальную культуру» (какого бы то ни было национального коллектива) в целом, а берет из *каждой* национальной культуры *исключительно* ее последовательно демократические и социалистические элементы» [45].

Следовательно, передовые рабочие должны противопоставить не культуру одной нации культуре другой нации (национализм), а демократически-социалистические элементы культуры всех наций (интернационализм) черносотенно-буржуазным элементам национальных культур.

Отвергая лозунг национальной культуры, в тех условиях отражавший требования империалистической буржуазии, В. И. Ленин не отрицал национальную культуру, как таковую, не считал культуру безнациональной [46]. Однако он требовал строгого соблюдения принципа партийности в оценке содержания национальной культуры, учета того, что национальная культура в эксплуататорском обществе очень сложна по своей

туре, поскольку включает в корне противоположные мировоззренческие концепции антагонистических классов.

Никто не сомневается, например, в том, что великие творения Л. Н. Толстого и Ф. М. Достоевского являются гордостью русской национальной культуры. В. И. Ленин охарактеризовал наследие Л. Н. Толстого как «зеркало русской революции» — настолько глубоко и четко отразились в его творчестве коренные противоречия в общественном развитии России конца XIX — начала XX в. Тем не менее марксистская партия, рабочий класс, критически анализируя все то, что оставили нам великие русские писатели, берут на свое вооружение только то, что помогает развитию демократии, гуманизма, отбрасывая мистику, теорию непротивления злу насилием, идеи анархизма, бунтарства и т. д. Диалектическому методу изучения общественной жизни соответствует выявление коренных противоречий и движущих сил общественного развития и на этой основе — определение актуальных задач рабочего класса, форм и методов его борьбы за демократию и социализм. Отвергать в целом национальную культуру буржуазного общества только за то, что в ней имеется буржуазное, а не только демократически-социалистическое содержание, так же необоснованно, как и принимать некритически национальную культуру буржуазной нации в целом. И то и другое приносит глубокий вред рабочему классу в его борьбе за социализм, поскольку в первом случае нигилистически выбрасывается за борт все лучшее в наследии трудового человечества, отрицается преемственность в развитии мировой культуры, глубоко интернациональное содержание идей демократии и социализма в любой национальной культуре; во втором случае рабочий класс оказывается в плену господствующей реакционной, буржуазно-националистической идеологии.

В работе «Критические заметки по национальному вопросу» В. И. Ленин подверг резкой критике националистическую позицию бундовцев. Один из лидеров Бунда, Ф. Либман, выступая против марксистского требования слияния рабочих всех национальностей в единых партийных организациях, отождествил данное требование с насильственной ассимиляцией, принуждением рабочих со стороны марксистской партии отказаться от принадлежности к своей национальности. Фактически это

была буржуазная фальсификация марксистской национальной программы, игнорирование объективных законов развития общества и национальных отношений. Нации, живущие в одном государстве, тесно связаны друг с другом различными нитями социально-экономического, правового, бытового характера. Производство сплачивает нации, сглаживает и стирает национальные различия, что содействует развитию производительных сил общества. В. И. Ленин осудил главное требование программы «культурно-национальной автономии» об изъятии школьного дела из ведения государства и передаче его в руки отдельных национальностей. Это требование недопустимо ни с точки зрения демократии, ни, в особенности, с точки зрения интересов классовой борьбы пролетариата. Попытка обособить нации друг от друга по вопросам культуры, разделить школьное дело по национальностям в условиях неравноправия наций, существенных различий в уровнях их развития привела бы к еще большему ухудшению положения народов, усилила бы влияние националистической идеологии, содействовала бы раздроблению рабочего движения по национальному признаку.

Школьная политика у рабочих всех наций единая, разъяснял В. И. Ленин. Марксисты отстаивают «самое полное равноправие наций и языков», демократическую светскую школу, ибо это наилучшим образом способствует сближению наций, и прежде всего трудящихся масс, в революционной борьбе [47]. Весьма характерно, что В. И. Ленин вовсе не выдвигает принципа обязательности обучения только на родном языке, а требует в школьном деле, как и в других сферах взаимоотношений между нациями, применения принципа добровольности. В частности, в «Тезисах по национальному вопросу» (1913 г.) В. И. Ленин писал: «. . .социал-демократия отвергает «государственный» язык. В России таковой особенно излишен, ибо свыше семи десятых населения России принадлежит к родственным славянским племенам, которые при свободной школе в свободном государстве легко достигли бы, в силу требований экономического оборота, возможности столковываться без всяких «государственных» привилегий одному из языков» [48].

Разоблачая обман националистов, бундовцев, ликвидаторов, которые пытались уверить читателей-рабочих, будто большевистская газета «За Правду» отрицает [illegible]

подавание на родном языке, В. И. Ленин в статье «Развращение рабочих утонченным национализмом» (1914 г.) писал: «Это — грубая клевета, ибо правдисты не только признают это право, но *последовательнее* всех признают его. Правдисты *первые* в России, примкнув к совещанию марксистов, провозгласившему *отсутствие обязательного государственного языка,* признали *полностью* права родного языка!» [49]

Известно, что право наций на отделение марксисты вовсе не отождествляют с обязательностью отделения наций друг от друга, а считают своим долгом убеждать трудящиеся массы в целесообразности объединения народов в рамках большого многонационального демократического государства для борьбы против капитализма, за социализм. Точно так же и право обучать детей на родном языке вовсе не означает обязательного навязывания обучения на родном языке, а предполагает право выбора. Незыблемым принципом демократической школы являлся и является именно принцип добровольности в определении языка обучения, а вовсе не насильственное навязывание обучения на родном языке или на каком-либо другом. В газете «Пролетарская правда» 18 января 1914 г. В. И. Ленин публикует статью «Нужен ли обязательный государственный язык?». В статье высказываются чрезвычайно важные положения о закономерностях развития наций и национальных отношений, о политике различных партий в национальном вопросе.

Принципиальное значение в этой связи имеет вывод В. И. Ленина о всеобщем законе развития наций, а именно — их тенденции к сближению. «Мы убеждены, — писал он, — что развитие капитализма в России, вообще весь ход общественной жизни ведет к сближению всех наций между собой. Сотни тысяч людей перебрасываются из одного конца России в другой, национальный состав населения перемешивается, обособленность и национальная заскорузлость должны отпасть» [50].

С точки зрения этой объективно действующей тенденции наций к сближению В. И. Ленин определил конкретные задачи политики большевиков и подверг критике тактику непролетарских партий по вопросу о развитии в России национальных языков, о государственном языке. Он клеймит черносотенцев, которые исходили из того, что язык правящего класса господствующей нации должен

быть обязательным государственным языком. «Инородцев», по их мнению, необходимо подчинить великороссам, вести преподавание в школе на русском языке. «Господа Пуришкевичи, — отмечал Ленин, — даже не прочь бы и вовсе запретить «собачьи наречия», на которых говорит до 60% невеликорусского населения России» [51].

Либералы отличались от реакционеров лишь тем, что в известных пределах, т. е. для преподавания в начальной школе, признавали родной язык. Но в остальном они полностью солидаризировались с реакционерами.

Обязательность государственного, русского, языка они объясняли потребностями экономического развития, интересами «культуры», интересами государственности «единой» и «неделимой» России и т. п. В либеральной газете «День» (январь 1914 г., № 7) в статье С. Патрашкина утверждалось, например, следующее: «Государственность есть утверждение культурного единства... В состав государственной культуры непременно входит государственный язык... В основе государственности лежит единство власти, и государственный язык — орудие этого единства. Государственный язык обладает такой же принудительной и общеобязательной силой, как все другие формы государственности...

Если России суждено пребыть единой и нераздельной, то надо твердо отстаивать государственную целесообразность русского литературного языка». Приведя данный абзац из статьи С. Патрашкина, В. И. Ленин пишет в своей статье «Нужен ли обязательный государственный язык?»: «Вот — типичная философия либерала относительно необходимости государственного языка» [52].

В черносотенной газете «Новое Время» (январь 1914 г.) выводы, сделанные либералом Патрашкиным, были одобрены. За подобные выводы черносотенцы постоянно хвалили и национал-либеральную газету «Русская мысль». Оправдывая целесообразность введения русского языка как государственного, либералы стремились оправдать свою позицию тем, что русский язык велик и могуч и что весьма необходимо, чтобы каждый, кто живет на любой окраине России, знал его, что русский язык обогатит литературу инородцев, даст им возможность приобщиться к великим культурным ценностям. По поводу этих высказываний В. И. Ленин писал: «Все это верно, господа либералы... Мы лучше вас знаем, что язык Тургенева, Толстого, Добролюбова, Чернышевского — велик и могуч. Мы больше вас хотим, чтобы между угнетенными классами всех без различия наций, населяющих Россию, установилось возможно более тесное общение и братское единство. И мы, разумеется, стоим за то, чтобы каждый житель России имел возможность научиться великому русскому языку.

Мы не хотим только одного: элемента *принудительности*... она затруднит великому и могучему русскому языку доступ в другие национальные группы, а главное — обострит вражду, создаст миллион новых трений, усилит раздражение, взаимонепонимание и т. д. ...

Вот почему русские марксисты говорят, что необходимо: — *отсутствие* обязательного государственного языка, при обеспечении населению школ с преподаванием на всех местных языках, и при включении в конституцию основного закона, объявляющего недействительными какие бы то ни было привилегии одной из наций и какие бы то ни было нарушения прав национального меньшинства...» [53]

Программа культурно-национальной автономии отвлекала пролетариат и трудящиеся массы от задач революции и демократизации политического строя, выдвигая вместо этого реакционную затею искусственного создания наций и охраны их от ассимиляции и стирания национальных граней. «Пролетариат же, — разъяснял В. И. Ленин, — не только не берется отстоять национальное развитие каждой нации, а, напротив, предостерегает массы от таких иллюзий, отстаивает самую полную свободу капиталистического оборота, приветствует всякую ассимиляцию наций за исключением насильственной или опирающейся на привилегии» [54].

Неоценимая заслуга В. И. Ленина в том, что он не только подверг обстоятельной критике оппортунистическую программу культурно-национальной автономии, но сумел воспитать на этой критике целое поколение истинных интернационалистов. В начале 1914 г. В. И. Ленин пишет проект резолюции об отношении Социал-демократии Латышского края к РСДРП, уделив в проекте большое место национальной программе. Весной 1914 г. В. И. Ленин написал на русском языке и переслал через И. Арманд украинскому марксисту Оксену Лоле проект «Обращения к украинским рабочим», призывающего к

тесному союзу рабочих украинских, великорусских и других народов России. Переведенное Оксеном Лолой на украинский язык «Обращение» было помещено в газете «Трудовая правда» 29 июня 1914 г. и сыграло весьма положительную роль в укреплении интернациональной солидарности рабочего класса России.

В 1912—1914 гг. В. И. Ленин вел переписку с видным деятелем большевистской партии С. Г. Шаумяном, находившимся в тот период в астраханской ссылке. Национальный вопрос занимал в этой переписке центральное место. В. И. Ленин в октябре 1913 г. послал С. Г. Шаумяну резолюцию Поронинского совещания ЦК РСДРП по национальному вопросу и просил сообщить мнение о ней. В письмах 6 декабря 1913 г., в июле 1914 г. В. И. Ленин указывал на вредность привилегий для любого языка, в том числе русского; доказывал необходимость областной автономии, нецелесообразность федерации. В мае 1914 г. В. И. Ленин направил С. Г. Шаумяну свой проект закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств, который фракция РСДРП должна была внести на рассмотрение в IV Думу [55].

Руководствуясь ленинской национальной программой, большевики преодолевали вредное влияние на рабочее движение проповеди культурно-национальной автономии. В решениях партии, в корреспонденциях на страницах «Правды», с трибуны IV Государственной думы, в листовках и прокламациях большевики разоблачали великодержавный русский шовинизм и местный национализм, вскрывали вред и порочность националистической политики II Интернационала, бундовцев, ликвидаторов, укрепляли интернациональный принцип построения революционной рабочей партии.

Ленинский лозунг права наций на самоопределение вплоть до политического отделения являлся знаменем Коммунистической партии в ее политике свободы и равенства наций, содействовал интернациональному сплочению трудящихся масс в революционном движении.

Ленинский лозунг интернациональной культуры демократизма и всемирного рабочего движения был могучим средством борьбы против либерально-оппортунистического требования «национальной культуры», способствовал духовному сближению трудящихся масс всех народов России на базе социалистической идеологии.

ГЛАВА 5

ЛЕНИНСКАЯ НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА — ВАЖНЕЙШИЙ ФАКТОР ПОБЕДЫ ОКТЯБРЯ

Дальнейшее развитие В. И. Лениным программных положений партии большевиков по национальному вопросу в 1914—1917 гг.

19 июля (1 августа) 1914 г. началась мировая империалистическая война. Две группы государств вступили в кровавую схватку за передел колоний и сфер влияния, за ограбление и порабощение чужих народов. Первую группу возглавлял германский империализм, в нее входили Германия, Австро-Венгрия, Турция и Болгария. Другую группу (Антанту) возглавляли английские и французские империалисты, в нее входили Англия, Франция, Россия, а позднее и Италия, Япония, Соединенные Штаты Америки и другие государства. В целом в войну оказалось вовлечено 28 стран с населением свыше полутора миллиардов человек [1].

Война до предела обнажила остроту национального вопроса, она несла с собой еще более жестокие формы и методы угнетения малых и слабых народов, разжигала национальную вражду.

Война, во-первых, укрепляла рабство колоний, колониализм; во-вторых, вела к усилению национального гнета внутри многонациональных воюющих держав, например в Австро-Венгрии и России; в-третьих, война укрепляла систему наемного рабства, разделяла рабочих различных стран друг от друга, усиливала национальные предрассудки [2].

Буржуазия стремилась подкрепить свою империалистическую политику шовинистическими и ура-патриотическими призывами и теориями, чтобы оправдать войну в глазах народов, разъединить и натравить друг на друга Рабочих воюющих стран. Буржуазные и мелкобуржуаз-

ные партии каждой страны, скрывая истинные цели войны, заявляли, что война носит оборонительный характер, направлена на «защиту отечества», «спасение нации». Международная организация пролетариата — II Интернационал — фактически распалась на враждующие друг с другом социал-демократические партии. Оппортунистически настроенные его лидеры перешли на сторону своих буржуазных правительств, изменили рабочему классу. Они отказались выполнять решения международных социалистических конгрессов — Штутгартского (1907), Копенгагенского (1910) и Базельского (1912), — решения, в которых было указано, что грядущая мировая война будет империалистической и социалисты обязаны использовать создаваемый ею экономический и политический кризис в целях революции для свержения капиталистического строя.

Только большевистская партия во главе с В. И. Лениным заняла правильную, революционную позицию по отношению к войне.

В. И. Ленин в своих трудах «Задачи революционной социал-демократии в европейской войне», «Война и российская социал-демократия» (1914), «Крах II Интернационала», «Социализм и война», «О лозунге Соединенных Штатов Европы» (1915), «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Военная программа пролетарской революции» (1916) и многих других разрабатывает четкую (теоретическую и практическую) революционную программу рабочего класса и марксистов в данной мировой войне: превращение империалистической войны в гражданскую; поражение своего правительства; разрыв с социал-шовинистами; он определяет также конкретные требования национальной программы и политики рабочего класса в этих условиях. Многие его работы посвящены проблемам национально-освободительного движения: «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» (1915), «Социалистическая революция и право наций на самоопределение», «Итоги дискуссии о самоопределении» (1916), «Статистика и социология империализма» (1917).

В. И. Ленина интересовали не только судьбы народов России, но и проблемы зарубежного национально-освободительного движения. В начале XX в. в зависимых и колониальных странах проживало более миллиарда населения земли [3]. Сущность национально-освободительного движения В. И. Ленин определил как справедливую оборонительную войну угнетенного народа (или страны) за свою свободу и независимость против угнетающей нации либо против империалистических захватнических устремлений со стороны какого-либо государства [4].

Первой эпохой национальных войн был период от французской революции XVIII столетия (1789 г.) до Парижской коммуны (1871 г.). В основе этих национальных войн лежал длительный процесс массовых национальных движений, борьбы с абсолютизмом и феодализмом, свержение национального гнета и создание национального государства как предпосылки капиталистического развития. «Национальное государство, — отмечал В. И. Ленин, — являлось необходимой фазой в развитии капитализма. Борьба за самоопределение нации, за ее самостоятельность, за свободу языка, за народное представительство служила этой цели — созданию национальных государств — этой необходимой, на известной ступени капитализма, почвы для развития производительных сил» [5]. Национальные войны конца XVIII и почти всего XIX в. В. И. Ленин называет войнами «буржуазно-прогрессивного, национально-освободительного характера», т. к. главнейшим содержанием и историческим значением этих войн было «свержение абсолютизма и феодализма, подрыв их, свержение чуженационального гнета» [6], расчистка пути для развития капитализма.

В конце XIX в. капитализм вступил в свою высшую и последнюю фазу развития — империализм. «Капитализму стало тесно в старых национальных государствах, без образования которых он не мог свергнуть феодализма» [7]. Капитализм настолько развил концентрацию производства, финансов, производительных сил, что почти весь земной шар оказался поделенным между синдикатами, трестами, монополиями. Колониальная политика империалистических государств привела к разделу мира на горстку угнетающих и подавляющее большинство Угнетенных и зависимых народов. «Из освободителя наций, каким капитализм был в борьбе с феодализмом, империалистский капитализм стал величайшим угнетателем наций» [8].

Совершенно неоправданным, неуместным и вредным В. П. Ленин считал употребление термина «националь-

ная» идеология по отношению к буржуазным нациям эпохи империализма, в особенности в период войны 1914—1918 гг. Разоблачая социал-шовинистов, которые стремились втянуть народы в братоубийственную войну посредством обманных лозунгов «защиты отечества», «национальной» идеологии, В. И. Ленин писал: «Капитализм из прогрессивного стал реакционным, он развил производительные силы настолько, что человечеству предстоит либо перейти к социализму, либо годами и даже десятилетиями переживать вооруженную борьбу «великих» держав за искусственное сохранение капитализма посредством колоний, монополий, привилегий и национальных угнетений всяческого рода» [9]. Именно, имея в виду империалистический характер первой мировой войны, В. И. Ленин сделал вывод о том, что для Европы эпоха национальных войн как таковых (войн и национально-освободительных революций во имя формирования буржуазных наций) прошла [10]. Однако это не значит, что в эпоху империализма не может быть справедливых национальных войн; они не только возможны, но неизбежны. «Империализм, — разъяснял В. И. Ленин, — есть прогрессирующее угнетение наций мира горсткой великих держав, есть эпоха войн между ними за расширение и упрочение гнета над нациями, эпоха обмана народных масс лицемерными социал-патриотами, т. е. людьми, которые *под предлогом* «свободы наций», «права наций на самоопределение» и «обороны отечества» оправдывают и защищают угнетение большинства наций мира великими державами» [11]. Сутью империализма с точки зрения национального вопроса является «разделение наций на угнетающие и угнетенные» [12]. Поэтому если для Англии, Франции, Италии, Германии национально-освободительное движение было далеким прошлым, то для Востока — Азии, Африки, т. е. для колоний, это движение было в начале XX в. настоящим и будущим [13]. Кроме того, вопросы национальной свободы не были решены и народами стран Южной Америки, политически, формально самостоятельными, на деле зависимыми от империалистов США и Европы [14].

Отмечая «законность войны угнетенных наций (особенно колоний) против их угнетателей, «великих» держав» [15], В. И. Ленин определил тесную связь национально-освободительных движений с борьбой международ-

ного пролетариата за ликвидацию капиталистического строя и переход к социализму. В. И. Ленин считал, что нельзя противопоставлять социалистическую революцию и революционную борьбу против капитализма борьбе за демократию, в том числе борьбе за осуществление конкретных демократических требований в национальном вопросе: полное равенство наций, право наций на самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельных политических государств, ликвидация колониализма.

В работе «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение» В. И. Ленин писал: «Мы должны *соединить* революционную борьбу против капитализма с революционной программой и тактикой по отношению ко *всем* демократическим требованиям: и республики, и милиции, и выбора чиновников народом, и равноправия женщин, и самоопределения наций и т. д.» [16].

В ленинской национальной программе глубоко аргументировалось требование областной автономии, выражающей стремление марксистов сблизить и объединить народы в рамках крупных демократических государств. В этой связи В. И. Ленин категорически возражал против отождествления требования права наций на самоопределение с требованием, например, федерации. «Право на самоопределение наций, — писал он, — означает исключительно право на независимость в политическом смысле, на свободное политическое отделение от угнетающей нации... это требование вовсе не равносильно требованию отделения, дробления, образования мелких государств. Оно означает лишь последовательное выражение борьбы против всякого национального гнета... Признание самоопределения не равносильно признанию федерации, как принципа» [17]. В то же время вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом В. И. Ленин указывал, что, конечно, федерация предпочтительнее национального неравноправия, что в определенных исторических условиях федерация может явиться единственным путем к полному демократическому централизму [18], т. е. марксисты не отрицали возможности федерации в интересах усиления позиции Рабочего класса, укрепления его интернациональной солидарности.

Исследуя конкретные обстоятельства, сложившиеся для национально-освободительных революций в связи

с первой мировой войной, В. И. Ленин внес существенные дополнения в марксистскую национальную программу по вопросу о праве наций на самоопределение. В эпоху империализма борьба за право наций на самоопределение вплоть до отделения, отмечал он, приобретает для марксистских партий особую актуальность в связи с необходимостью соединения национально-освободительного движения с общепролетарским революционным движением за победу социалистической революции; требование права наций на самоопределение, как и все требования политической демократии, условно и всегда имеет конкретно-классовое содержание; в национальной политике марксистская партия обязана различать конкретные задачи социал-демократов угнетающих и социал-демократов угнетенных наций; марксистские партии обязаны вести последовательную и непримиримую идеологическую борьбу по национальному вопросу с оппортунистами всех направлений, разоблачать их лицемерные признания права наций на самоопределение; социал-демократы, не отстаивающие на деле свободы отделения колоний, угнетаемых буржуазией «их» наций, фактически являются социал-шовинистами, с которыми марксисты обязаны идти на организационный разрыв, очищая от них партийные и другие организации рабочего класса; борьбу за право наций на самоопределение вплоть до отделения, как и все коренные требования политической демократии, необходимо подчинить непосредственной революционной массовой борьбе за свержение буржуазных правительств и за осуществление социализма [19].

В. И. Ленин выдвигает также существенно новые положения о законах развития наций, о национальных отношениях при социализме, о будущности наций. «Цель социализма, — разъяснял В. И. Ленин, — является не только уничтожение раздробленности человечества на мелкие государства и всякой обособленности наций, не только сближение наций, но и слияние их... Подобно тому, как человечество может прийти к уничтожению классов лишь через переходный период диктатуры угнетенного класса, подобно этому и к неизбежному слиянию наций человечество может прийти лишь через переходный период полного освобождения всех угнетенных наций, т. е. их свободы отделения» [20].

Идею о превращении национально-освободительного

движения в союзника социалистической революции В. И. Ленин выразил в выдвинутом им лозунге единства рабочих угнетенной нации с рабочими угнетающей нации. Только в случае если пролетариат угнетающих наций открыто и действенно встает на защиту демократических прав порабощенных народов, устанавливается необходимое доверие и классовая солидарность между рабочими угнетенной и угнетающей наций, — тот союз между ними, который в конечном счете решает судьбы не только национально-освободительной, но и непосредственно пролетарской революции [21].

При единых конечных интересах рабочих всех стран тактика их различается в соответствии с конкретным положением той или другой нации. Социал-демократы угнетающих наций должны в своей агитации и пропаганде делать упор на требовании права на самоопределение. Что касается социал-демократов угнетенных наций, то они в своей тактике делают упор на требовании «полного, в том числе организационного слияния, а не только сближения, *рабочих* угнетенной с *рабочими* угнетающей нации» [22].

Раскрывая главный смысл, социально-экономическую и политическую направленность национально-освободительных движений в эпоху империализма, В. И. Ленин сделал важный и чрезвычайно актуальный и поныне вывод о том, что в условиях империализма национальный вопрос становится национально-колониальным вопросом, что колониальные войны, т. е. борьба колоний за свою свободу, суть национальные войны [23]. Национально-освободительное движение колоний и полуколоний против империализма является частью общего революционного движения человечества к социализму.

Решающим субъективным фактором слияния национально-освободительного движения с социалистической революцией, как указывает В. И. Ленин, является интернационалистское воспитание трудящихся масс, борьба против буржуазной националистической идеологии. «Если мы хотим быть верны социализму, — писал он, — мы должны уже теперь вести интернационалистское воспитание масс, невозможное в угнетающих нациях без проповеди свободы отделения для угнетенных наций» [24].

В годы первой мировой войны в международной социал-демократии не было единства по вопросу о праве

наций на самоопределение. В 1916 г. на страницах социал-демократической печати развернулась острая дискуссия о праве наций на самоопределение, анализ материалов которой В. И. Ленин дал в статье «Итоги дискуссии о самоопределении» [25]. Наиболее опасной Ленин считал позицию каутскианцев — замаскированных ревизионистов-центристов во II Интернационале. Вокруг Каутского группировались бельгийские социалисты Э. Вандервельде, К. Гюисманс, французский социалист П. Ренодель, английский социалист Г. Гайндман, в России — Г. В. Плеханов, Л. Мартов, Л. Д. Троцкий, П. Б. Аксельрод, Н. С. Чхеидзе, А. И. Чхенкели и др. Каутскианцы игнорировали тот факт, что в эпоху империализма нации делятся на угнетенные и угнетающие, намеренно подходили к оценке первой мировой войны с обывательской позиции: «На нас напали — мы вынуждены защищаться». Подобной эклектикой, отождествляя справедливые и несправедливые войны, национально-освободительные и захватнические, оппортунисты пытались оправдать буржуазное оборончество в империалистической войне и лозунг «защиты отечества», который весьма основательно и беспощадно критиковал В. И. Ленин в своей работе «Первоначальный вариант предложения ЦК РСДРП Второй социалистической конференции» (1916) [26]. Характеризуя войну 1914 г. как национально-освободительную со стороны каждого участвующего в ней государства, эти апологеты буржуазии призывали к классовому национальному миру во время войны. При этом они заявляли, что якобы признают самоопределение наций, отрицают аннексии и контрибуции, стоят за демократизацию внешней политики, за третейские суды для разбора конфликтов между государствами. На деле подобная позиция отвечала интересам самых реакционных правительств. Центристскую «программу мира» поддерживали и буржуазные пацифисты, и министры воюющих стран, крайние шовинисты, вступившие в буржуазные министерства, и в целом — все реакционные силы, которые вели грабительскую войну, утверждали военные кредиты, проводили фактически политику защиты старых и новых аннексий.

Большое внимание В. И. Ленин уделил критике неправильной позиции группы интернационалистов, в которую входили видные деятели польского и немецкого социал-

демократического движения Р. Люксембург, К. Б. Радек, голландский социал-демократ Г. Гортер, социалистка Г. Роланд-Гольст. В. И. Ленин считал невозможным замалчивать их ошибки и, критикуя их, отмечал, что делает это «ради необходимой для марксистов самокритики и всесторонней проверки взглядов, которые должны послужить идейной базой III Интернационала» [27].

Данная группа интернационалистов выступала против требования права наций на самоопределение с аргументами, наиболее компактно сформулированными Р. Люксембург в ее брошюре «Кризис социал-демократии» *. Она писала, что якобы в условиях империализма национально-освободительные войны невозможны; даже в случае если подобная война начнется, она неизбежно приведет к вмешательству капиталистических держав и в конечном счете превратится в захватническую; право на отделение в эпоху империализма фактически неосуществимо, поскольку властвуют сильные в экономическом и военном отношении державы, и в связи с этим выдвигать в марксистской национальной программе требование права наций на самоопределение бессмысленно; при условии победы социализма в той или другой стране право на самоопределение наций будет не нужно, так как рабочий класс введет равенство наций, и осуществлять отделение наций друг от друга будет не только не надо, но вредно. Отождествляя право на отделение с отделением, Р. Люксембург, перешедший на позиции шовинизма Г. Л. Пятаков и др. делали выводы, что с точки зрения перспектив общественно-экономического и политического развития общества требование права наций на самоопределение даже реакционно, так как, по их мнению, программа марксистов не может предусматривать дробление крупных многонациональных централизованных государств на мелкие национальные (поскольку это дробление затормозило бы развитие произ-

* Брошюра Р. Люксембург «Кризис социал-демократии» (вышла нелегально в Германии в начале 1916 г.) получила в целом высокую оценку В. И. Ленина за обстоятельную критику социал-шовинизма и за ряд ценных теоретических выводов. В частности, Р. Люксембург справедливо считала, что «колониальные нации суть тоже нации», что «социализм признает за каждым народом право на независимость и свободу, на самостоятельное распоряжение своими судьбами», что «только он может осуществить право наций на самоопределение» (см. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 9—10).

водительных сил). Из всех этих «аргументов» вытекал вывод, что угнетенные народы должны отложить решение своей судьбы до победы социалистической революции в той или другой угнетающей их метрополии, с тем чтобы пролетариат, придя к власти, дал им равноправие (но... не право на самоопределение в полном смысле этого слова!).

В ряде работ — «Империализм и право наций на самоопределение», «О брошюре Юниуса», «Итоги дискуссии о самоопределении», «О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме»» — В. И. Ленин доказывает полную несостоятельность всех доводов «левых» против права угнетенных народов на отделение [28]. Их утверждение о неосуществимости права наций на самоопределение при капитализме было проявлением оппортунизма в национальном вопросе. Подобный оппортунизм В. И. Ленин определил как «империалистический экономизм», т. е. преклонение перед стихийностью и объективностью подчинения интересов угнетенных народов интересам буржуазии угнетающих наций [29].

Действительно, из тезиса о «невозможности» и «неосуществимости» национально-освободительных движений при империализме вытекало опасное, недопустимое для марксиста, по существу шовинистски-реакционное равнодушие к национально-освободительным войнам. В. И. Ленин доказал ошибочность тезиса о якобы невозможности национально-освободительных войн при империализме, раскрыв освободительный характер войны Сербии против Германии и Австрии, восстаний индийских войск в Сингапуре, во французском Аннаме, в немецком Камеруне, восстания в Ирландии 1916 г., справедливый освободительный характер борьбы угнетенных народов России, в частности восстания народов Средней Азии в 1916 г. против царизма. Пример отделения Швеции от Норвегии в 1905 г. также свидетельствовал о том, что при определенных условиях и при империализме возможно осуществление права наций на самоопределение. Грозорливо заглядывая в будущее, В. И. Ленин писал: «Было бы смешно отрицать, что при небольшом изменении политических и стратегических взаимоотношений, например, Германии и Англии, сегодня или завтра вполне «осуществимо» образование новых государств польского, индийского и т. п.» [30].

Требование освобождения колоний, выдвигаемое всеми революционными социал-демократами, безусловно, неосуществимо при капитализме без ряда революций. Но это вовсе не основание для отказа социал-демократии от немедленной и самой решительной борьбы за все демократические требования, в том числе и за право наций на самоопределение. Из этого следовала необходимость революционными, а не реформистскими методами бороться за осуществление демократических требований, втягивая в эту борьбу широкие трудящиеся массы, подводя их к требованиям социалистического характера.

Опровергая утверждение Пятакова о том, что выдвигать по отношению к колониям лозунг рабочего класса о самоопределении наций недопустимо, так как в колониях нет ни наций, ни рабочего класса, Ленин писал: «...освобождение колоний есть не что иное, как самоопределение наций. Европейцы часто забывают, что колониальные народы *тоже* нации, но терпеть такую «забывчивость» значит терпеть шовинизм... Только печальной памяти «экономисты» думали, что «лозунги рабочей партии» выставляются *только* для рабочих. Нет, эти лозунги выставляются для всего трудящегося населения, для всего народа», тем более, что требование права наций на самоопределение выставляется марксистами «всегда «для» *двух* наций: угнетенной и *угнетающей*» [31].

Пролетариат, придя к власти, коренным образом преобразует общественные отношения. Переход той или другой страны к социализму занимает определенный период в жизни того или другого народа, т. к. требует решения целого комплекса сложнейших задач — социально-экономического, политического и духовно-идеологического характера. «Социальная революция, — указывал В. И. Ленин, — не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях... Пока пролетариат передовых стран свергает буржуазию и отражает ее контрреволюционные попытки, — неразвитые и угнетенные нации не ждут, не перестают жить, не исчезают» [32].

Отрицание левыми права на национальное государство являлось фактически отрицанием равноправия на-

родов. Без предоставления бывшим угнетенным народам права на самоопределение «нет пути к полному добровольному сближению и слиянию наций»[33]. Марксистская рабочая партия не отбрасывает буржуазно-демократические лозунги, «а последовательнее, полнее, решительнее» проводит в жизнь все «*демократическое* в них». В своей национальной политике марксисты защищают прежде всего «интересы братства, солидарности *рабочих* разных наций»[34]. Этим самым обеспечивается руководящая роль рабочего класса в общественно-политическом, революционном, и в том числе в национально-освободительном, движении.

Предвидя неизбежный распад колониальной системы империализма в недалеком будущем, В. И. Ленин тесно связывал возможность этого распада с победой социалистической революции в группе передовых стран. Он писал: «. . .не подлежит сомнению, что *великим кризисом* гражданской войны в передовых странах они (колониальные и зависимые страны. — *Авт.)* воспользуются тем более для восстаний»[35]. Ленинская национальная программа была рассчитана не только на задачи демократической революции, она шла гораздо дальше, учитывая фактическое слияние в повседневной борьбе трудящихся масс демократических и социалистических требований, тесное сближение друг с другом демократического и социалистического этапов революции.

В статье «О брошюре Юниуса» (июль 1916 г.) В. И. Ленин соответствующим образом характеризует основную тенденцию международного общественного развития, ясно проявившуюся уже в тот период: «Теперь для передовых, крупнейших государств Европы *объективное* положение иное. Развитие вперед — если не иметь в виду возможных, временных, шагов назад — осуществимо лишь к *социалистическому* обществу, к *социалистической революции*»[36].

В материалах к реферату «Империализм и право наций на самоопределение» (октябрь 1915 г.) В. И. Ленин рекомендовал рабочим беспощадно исключать из партии тех, кто не осуществляет на деле принципов пролетарского интернационализма. «Классовая солидарность рабочих разных наций невозможна без признания права на отделение»[37], — писал он. На вопрос Р. Люксембург, чем гарантии осуществления права наций на самоопределение при империализме, В. И. Ленин отвечал: «Наши гарантии — воспитание рабочих масс в духе братства наций»[38].

Методологически важные положения высказал В. И. Ленин в годы первой мировой войны по сложнейшим вопросам о будущих — социалистических — нациях, о сближении и слиянии наций.

В работе «Итоги дискуссии о самоопределении» (июль 1916 г.) В. И. Ленин разъяснял, что победивший пролетариат определит демократически, т. е. согласно воле и желаниям населения, границы между государствами: «Социализм, организуя производство *без* классового гнета, обеспечивая благосостояние *всем* членам государства, тем самым дает *полный простор* «симпатиям» населения и именно в силу этого облегчает и гигантски ускоряет сближение и слияние наций»[39].

Марксисты исходят из того, что «при капитализме уничтожить национальный (и политический вообще) гнет *нельзя*. Для этого *необходимо* уничтожить классы, т. е. ввести социализм». На базе социалистического производства, в условиях демократической организации государства, при полном проведении демократии во всех областях, вплоть до определения границ государства в соответствии с волей населения, вплоть до полной свободы отделения, — на этом прочном фундаменте, писал В. И. Ленин, «разовьется *практически* абсолютное устранение малейших национальных трений, малейшего национального недоверия, создастся ускоренное сближение и слияние наций, которое завершится *отмиранием* государства»[40].

Нации, сформировавшиеся в условиях перехода общества к социализму, обладая высоким уровнем развития техники и культуры, будут оказывать бескорыстную помощь зарубежным малым угнетенным нациям. «Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии, — отмечал В. И. Ленин, — всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями»[41], ради этой бескорыстной помощи, при условии высокого уважения к национальным чувствам прежде угнетенных народов, предоставления им равенства во всем, в том числе и в государственном строительстве.

Нации, сформировавшиеся в условиях перехода общества к социализму, В. И. Ленин называет социалисти-

ческими; определяет внутренний уклад их жизни, основанный на принципах общественной собственности, широкой демократизации политического и социального строя; подчеркивает большую ответственность социалистических наций за судьбы человечества, в частности за судьбы малых, слабых, отсталых, бывших угнетенных народов; призывает к всемерной помощи этим народам для ускорения их перехода к социализму; предвидит не только сближение, но в будущем — слияние наций.

Исследуя процессы сближения и слияния наций, В. И. Ленин определяет их сущность, структуру, ступени развития, изменение содержания этих процессов в различных условиях, их социальную значимость, общественные функции на той или другой ступени развития наций. Подчеркивая закономерность осуществления этих процессов лишь на добровольных началах, он разъясняет, что во главе сближения наций должен стоять рабочий класс как носитель последовательно демократической — социалистической — идеологии, идеологии интернационализма. Поэтому прежде всего необходмо слияние рабочих всех наций во всех политических и общественных организациях: в партии, профсоюзах, кооперативных и просветительных. На этой базе осуществляется объединение рабочих различных наций непосредственно в революционной борьбе, их интернациональная солидарность против капитализма и других форм эксплуатации. Вокруг интернационально сплоченного рабочего класса объединяются трудящиеся массы всех народов в борьбе против всех видов угнетения (на этой ступени сближение наций делает существенный шаг вперед, поскольку трудящиеся массы во главе с рабочим классом составляют, как правило девять десятых любой нации). Великим историческим результатом этого процесса явится объединение трудящихся масс всех народов в рамках единого многонационального государства для построения социализма.

В. И. Ленин считал единство рабочих, единство интернациональной классовой борьбы пролетариата бесконечно важнее вопроса о государственных границах. В связи с этим он видел одну из главнейших обязанностей социал-демократов «отстаивать *не* федеративный принцип, *не* образование мелких государств, как идеал, а всевозможное сближение наций, вред всякого отделения наций, вред культурно-национальной автономии, пользу

демократического централизма, пользу крупнейших государств и союзов государств»[42]. В связи с этим он указывал: «Мы не за утопию мелких государств, не требуем везде и всегда «самостоятельности национальных государств». . .

Мы выдвигаем на 1-ый план интересы классовой борьбы рабочих при всяких возможных *изменениях* государственных границ»[43].

С точки зрения рабочей революционной партии самоопределение наций означает освобождение угнетенных наций и сближение и слияние наций не на основе насилия, а на основе равноправия и братского союза пролетариата и трудящихся масс всех наций[44]. В. И. Ленин отмечал: «*Мы* в своей гражданской войне против буржуазии будем соединять и сливать народы *не* силой рубля, *не* силой дубья, не насилием, а *добровольным* согласием, солидарностью трудящихся против эксплуататоров. . . Без *демократической* организации отношения между нациями на деле, — а следовательно, и без свободы государственного отделения — гражданская война рабочих и трудящихся масс всех наций против буржуазии *невозможна*»[45].

Свободное отделение и свободное соединение наций диалектически взаимосвязаны и взаимообусловливают друг друга. Поэтому интернациональное воспитание рабочего класса является определяющим фактором в развитии как социалистического, так и национально-освободительного движения. Это воспитание не может быть одинаковым по своим формам и методам в нациях угнетающих и угнетенных, больших и маленьких. «Путь к одной цели, — указывал Ленин, — к полному равноправию, теснейшему сближению и дальнейшему *слиянию всех* наций идет. . . различными конкретными дорогами. . . Центр тяжести интернационалистского воспитания рабочих в Угнетающих странах неминуемо должен состоять в проповеди и отстаивании ими свободы отделения угнетенных стран. Без этого *нет* интернационализма»[46]. «Чтобы быть социал-демократом интернационалистом, надо думать *не* о своей только нации, а *выше ее* ставить интересы всех, их всеобщую свободу и равноправие». Главное направление интернационалистского воспитания рабочих среди Угнетенных наций состоит в отстаивании добровольного соединения наций. «Социал-демократ маленькой "на-

ции... — разъяснял В. И. Ленин, — может, не нарушая своих обязанностей, как интернационалиста, быть *и* за политическую независимость своей нации, *и* за ее включение в соседнее государство... Но во всех случаях он должен бороться *против* мелконациональной узости, замкнутости, обособленности, за учет целого и всеобщего, за подчинение интересов частного интересам общего»[47].

Национальная программа рабочего класса и ее методологическая основа — марксистская теория нации были значительно обогащены в ленинских трудах новыми положениями, продиктованными эпохой империализма. Ленинская программа звала порабощенные нации к борьбе за свободу и независимость. Обращенная к рабочим и крестьянам всех народов, она выражала задачу коммунистической партии о вовлечении угнетенных и зависимых народов в революционное движение против империализма, уверенность в неизбежности победы национально-освободительных революций, поддержанных мощным движением рабочего класса.

Теоретические выводы В. И. Ленина оказали неоценимую помощь партии большевиков и всему рабочему классу в борьбе против империалистической войны и колониализма, за союз национально-освободительного движения и социалистической революции в России.

Национальный вопрос и революционное движение в России в период первой мировой войны

Царское правительство, буржуазия и помещики пытались использовать ситуацию первой мировой войны в своих узкоклассовых целях. Война «носилась в воздухе» уже в 1912 г., и на первой сессии IV Думы, стремясь затушевать противоречия, которые вызывала погромная политика царизма, граф Бобринский от имени большинства депутатов выразил надежду, что «в минуту внешних осложнений у нас не будет не только партий, но и наций... и... вековые идеалы русского народа станут идеалами всех народов, населяющих... Россию»[48].

Граф В. А. Бобринский достаточно ясно выразил идеал класса русских помещиков и крупной торгово-промышленной буржуазии, горячо поддерживавших воинствующую политику царского правительства. Для побе

на фронтах империалистической войны необходимо было любыми мерами расправиться с революционным и национально-освободительным движением внутри страны, увлечь мелкобуржуазную массу фальшивыми идеалами «классового мира», «обороны отечества».

«Громадный, чудовищный аппарат лжи и хитросплетений, — писал В. И. Ленин, — был пущен в ход и в России, чтобы заразить массы шовинизмом, чтобы вызвать представление, будто царское правительство ведет «справедливую» войну, бескорыстно защищает «братьев-славян» и т. д.»[49]

Реакционные партии очень хорошо понимали, что только победоносная захватническая война еще могла отсрочить падение монархии Романовых, задержать новую революцию в России. В данной ситуации кадеты безоговорочно поддерживали царское правительство. В работе «Социализм и война» (1915) В. И. Ленин отмечал, что в области внешней политики кадеты фактически давно уже были правительственной партией, их официальной идеологией стал панславизм. «Русский либерализм выродился в *национал-либерализм*. Он состязается в «патриотизме» с черной сотней, всегда с охотой вотирует за милитаризм, маринизм и т. п.... Русская либеральная буржуазия окончательно стала на путь контрреволюции»[50]. Жизнь опровергла утверждение меньшевиков, будто русская либеральная буржуазия являлась движущей силой революции в России.

Правительству удалось с помощью печати, продажного духовенства увлечь шовинистическими лозунгами буржуазно-демократические партии — трудовиков и эсеров, крестьянство, мелкую буржуазию города и деревни.

Единственным классом в России, который противостоял правительственному «патриотизму», был пролетариат. Его стойкая антимилитаристская позиция определялась богатым революционным опытом и интернационалистской политикой ленинской партии большевиков, последовательно боровшейся против империалистической войны и международного социал-шовинизма. 26 июля 1914 г. на чрезвычайном заседании IV Государственной думы, посвященном вотированию военных кредитов, лишь фракция большевиков выступила с декларацией протеста против империалистической войны. Под обструкцию правых и Центра большевики зачитали декларацию, в которой,

в частности, было сказано: «Не может быть единения с властью и тех многочисленных народностей России, которые подвергаются национальным преследованиям и живут в атмосфере насилия и угнетения» [51].

Депутаты черносотенных партий встретили декларацию большевиков в штыки. Представители всех буржуазно-помещичьих фракций провозгласили лозунг забвения «внутренних распрей» и сплочения вокруг правительства для победы в войне. Трудовики отказались вотировать военные кредиты, но и не вынесли протеста. «Патриотическая» декларация, оглашенная их лидером — А. Ф. Керенским, была совсем в духе царской монархии. Меньшевики и эсеры также фактически поддержали буржуазию и помещиков. Шовинистический угар охватил основную массу депутатов, в том числе и представителей национальных окраин.

В этой обстановке черносотенцы собрали большинство голосов и добились вотирования Думой ассигнований правительству на военные цели.

Правительство и охранка давно искали повод к тому, чтобы ликвидировать большевистскую фракцию. Использовав антивоенное выступление депутатов-большевиков в Думе, а также их антимилитаристскую пропаганду среди рабочих, правительство составило документ о якобы государственной измене депутатов Бадаева, Муранова, Петровского, Шагова, Самойлова. В ноябре они были арестованы и в 1915 г. сосланы в Туруханский край.

Война до чрезвычайности усилила межнациональные противоречия внутри России. Военные действия развивались на территории ряда национальных окраин — Польши, Галиции, Кавказа, Прибалтики. Польские солдаты имелись в армиях обеих сторон, и это выдвинуло на очередь дня польский вопрос. Чтобы удержать Польшу в составе России, царизм вынужден был пойти на уступки. 1 августа 1915 г. верховный главнокомандующий вел. кн. Николай Николаевич от имени императора обратился к полякам с манифестом, содержащим довольно туманные обещания будущих реформ в Польше.

В особо сложные условия поставила война трудящихся Латвии, где, с одной стороны, все более усиливался гнет немецко-балтийского дворянства, ожесточалась шовинистическая политика царизма; с другой — в этом регионе России вошли в действие новые, связанные с войной факторы — оккупация Курляндии германскими войсками, угроза аннексии Прибалтики Германией и расчленения Латвии воюющими сторонами. Стремясь получить от царского правительства поддержку в борьбе с немецко-балтийским дворянством, латышская буржуазия пыталась увлечь массы ложнопатриотическими идеями о войне против Германии до победного конца. В этих условиях большевики Латвии считали своим долгом максимально усилить интернациональное воспитание трудящихся масс [52].

Военные действия в Галиции обострили украинский вопрос. В целом в зоне театра военных действий оказались миллионы людей нерусской национальности: евреи, проживавшие в черте оседлости, украинцы, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы, народы Закавказья. Национальный вопрос оказался в центре внимания российской общественности.

Особый интерес в этой связи представляет 3-я сессия IV Думы, которая состоялась весной 1915 г. специально для обсуждения вопросов, связанных с участием России в войне.

Весной 1915 г. русская армия приостановила наступление германских войск в Польше и одержала ряд значительных побед, в том числе нанесла серьезное поражение немцам в районе Прасныша. Царские власти, правительственная и либеральная печать, всячески замалчивая поражения, восхваляли даже незначительные успехи России в войне. Так, на 3-й сессии Думы председатель Совета министров Горемыкин выразил радость по поводу «единения» всех русских людей во время войны и побед в Галиции [53].

В области национальных отношений правительство вступило на путь демагогических обещаний. Черносотенная Дума в целом считала разработку конкретного законодательства о правах национальных меньшинств преждевременной. Министр иностранных дел Сазонов в своем выступлении, в частности, обещал, что по окончании войны соглашение с Персией от 26 января 1914 г. «будет использовано Имперским правительством в благожелательном для армянского населения направлении» [54] (так впервые правительство вспомнило об армянском населении!).

«Национальные» кадеты немедленно отозвались на

эти обещания выражением верноподданнических чувств. Армянский кадет М. И. Пападжанов «с глубоким удовлетворением» воспринял слова министра иностранных дел. Кадет И. М. Рамот заверил депутатов в том, что эстонский народ полностью поддерживает правительство, и выразил надежду на «расцвет Эстонии» после победы царизма над Германией. Депутат от Риги прогрессист И. П. Залит напомнил Думе, что латышский народ также ждет для себя реформ после войны. Депутат от Уфимской губернии председатель мусульманской группы К. Е. Тевкелев и депутат от русского населения Казанской губернии октябрист И. В. Годнев сообщили, что «инородцы, пославшие своих детей в армию, ждут после войны для себя реформ, чтобы каждый из народов России мог свободно развиваться»[55]. Депутат Астраханской губернии К. К. Фирсов (группа «независимых» в Думе) потребовал осуществления реформ для Польши немедленно[56].

Таким образом, национальные депутаты (кроме социал-демократов) не выступали против национального гнета, не критиковали правительство и не настаивали на немедленных реформах, а мирились с откровенно реакционным курсом национальной политики правительства. Речи правых депутатов — Маркова-2, А. И. Савенко и многих других пестрели шовинистическими лозунгами о «великой России» и задачах славянства.

Весьма показательно выступление В. М. Пуришкевича. Отметив, что он изъездил всю Польшу, правый депутат заявил: «Я верю, что правительство примет меры к тому, чтобы обездоленные и сирые получили возможность жить по-человечески... Долг правительства широкой рукой помочь этому населению, которое является нам другом»[57]. Если вспомнить, как в 1912 г. тот же Пуришкевич призывал правительство усилить репрессии по отношению к полякам, евреям, армянам, то особенно очевидным становится подтекст его речи — стремление рачительного помещика в столь острый момент удержать в подчинении эту окраинную область, не потерять рабочую силу — польское крестьянство.

Лидер кадетов П. Н. Милюков отчетливо сформулировал цель русских либералов: любыми обещаниям обеспечить единство народов России, необходимое для победы в войне против Германии, Австрии, Турции, утвердить эти народы в мысли, что лишь победа Росс

обеспечит им счастье и процветание в едином государстве[58]. Еще более откровенно эта цель отразилась в демагогическом заявлении трудовика А. Ф. Керенского, сказавшего об угнетенных народах России: «Если теперь они переживают минуты отчаяния и сомнений, то мы должны им сказать, что в нашем освобождении и в борьбе за нашу свободу найдут они полное осуществление своих национальных идеалов»[59].

К моменту 3-й сессии IV Думы большевистской фракции в ее составе уже не было и некому было защитить интересы трудового народа. Меньшевики не уступали в своем лицемерии кадетам. Н. С. Чхеидзе произнес речь, полную громких, ни к чему не обязывающих фраз. Он говорил и о положении российских евреев, и об автономии Польши, и о независимости Финляндии, и о свободе украинской печати. Оппортунистическая сущность позиции меньшевиков, их либеральные конституционные иллюзии нашли выражение в том, что Чхеидзе потребовал от правительства гарантий, чтобы на этот раз национальности России на деле получили демократические права (как будто Дума являлась полновластным органом, имеющим право ожидать от царского правительства выполнения своих требований!). О том, что меньшевистские речи о положении национальных меньшинств в России были пустым разглагольствованием, убедительнее всего говорил тот факт, что в меньшевистской формуле перехода Думы к очередным делам не было сказано ни слова о реформах для национальных меньшинств. Правительственная и либеральная печать проповедовала буржуазно-патриотическую идеологию, стремилась усыпить бдительность национальных меньшинств, чтобы усилить их стойкость на фронтах. С мая 1915 г. начинает выходить основанный кадетами двухнедельный журнал «Национальные проблемы». Определяя свои задачи, журнал доводил до сведения читателей, что на его страницах будут рассматриваться гражданско-правовые и национально-культурные вопросы, которые интересны для всех населяющих Россию народностей. Он обещал знакомить русское общество с жизнью отдельных национальных групп, а также вести научно-теоретическую разработку национальных вопросов. При этом редакция откровенно признавала, что актуальность журнала вызвана необходимостью борьбы против германского милитаризма[60].

В редакционной статье первого номера журнала Россия определялась как одна из передовых стран, борющихся против агрессивного государственного централизма. Еще в недалеком прошлом кадеты вместе с октябристами и правыми открыто объединялись в русификаторской политике, слабо протестуя лишь против ее насильственных форм. Теперь с показной гордостью, ханжески они писали: «Россия — многоплеменная, многоязычная, сверкающая красотой своих богатых этнографических красок. Национальные проблемы в России в настоящее время — очередная практическая задача»[61]. Но при этом кадеты, конечно, отстаивали принцип не политического, а лишь национально-культурного самоопределения национальных меньшинств[62].

Констатируя, что «...военные события... уравнивают в жертвах и обязанностях перед Родиной все народы России... без исключения»[63], редакция умалчивала при этом о главном — что никакие жертвы фактически не уравнивали народы России в правах в условиях господства русского царизма и буржуазии. Автор статьи «Солдаты России» объяснял причины непобедимости русской армии особенностями характера народов страны: «Горячий темперамент и порыв кавказцев, каменное пассивное упорство татар, непоколебимая флегма и стойкость малороссов, выносливость и твердость духа великороссов — все это дает в сумме армию, отличную во всех отношениях, и ставит вопрос — неужели после войны начнется снова старая грызня, старые толки об инородцах, сепаратистах»[64], то есть автор статьи писал о народностях России так, как будто бы в годы войны они уже были раскрепощены. Князь Е. Трубецкой в статье «Народ и всечеловеческое» писал, что подъем русского патриотизма сделал русских друзьями поляков, бельгийцев, сербов, черногорцев и армян. «Если бы, — отмечал автор, — наше чувство к России было холодным и бесстрастным, мы, конечно, не могли бы понять, как горячо поляки любят Польшу, а бельгийцы — Бельгию»[65]. Можно только подчеркнуть, что такое чуткое понимание «осенило» князя лишь при возможности потери Польши Россией.

Обещая давать исчерпывающую хронику общественной жизни каждой отдельной национальности, журнал признавал, что эта жизнь фактически оставалась для русского общества совершенно неведомой областью[66].

Редакция заявляла даже, что журнал будет бороться за освобождение угнетенных народностей России, лишенных политической самостоятельности и ограниченных в своих национальных правах. При этом, направляя народный гнев против «явного врага» — Германии, кадеты и правительственные партии делали все, чтобы защитить русский царизм.

Очень скоро громкие обещания национальных свобод и лестные комплименты сменились более осторожным и прохладным отношением к нуждам нерусских народов, что было прежде всего связано с поражениями царизма в войне. 5 августа русские войска оставили Варшаву, а к зиме 1915 г. были вытеснены из Галиции, Польши, Литвы, части Прибалтики и Белоруссии. В настроении правительственных партий и кадетов происходят резкие изменения. Они отчетливо проявились в материалах 4-й сессии IV Государственной думы. Председатель Совета министров Горемыкин сообщил, что по высочайшему повелению должен быть разработан «законопроект о предоставлении Польше по завершении войны права свободного строения своей национальной, культурной и хозяйственной жизни на началах автономии под Державным Скипетром Государей Российских»[67], т. е. провозглашалась автономия для Польши, оккупированной Германией! По отношению к прочим народам была высказана лишь туманная «беспристрастная благожелательность»[68].

Граф Бобринский, выступавший от фракции националистов, заявил: «Страна доказала, что она созрела и достойна реформ»[69], но конкретно при этом ничего не предложил. Прогрессист Ефремов тоже отметил, что «общественная деятельность стеснена, национальные несправедливости обострены»[70]. Милюков от имени кадетов упрекнул правительство за опоздание с автономией для Польши, но в то же время с нескрываемым облегчением признал, что на правительство не нужно «давить»...[71]

Национальные депутаты и представители всех фракций левее кадетов приводили в своих выступлениях факты потрясающего произвола по отношению к народам, проживавшим в районах театра военных действий. Так, при содействии кавказской администрации демонстративно, почти поголовно выселялось местное население и столь же демонстративно эти опустошенные районы за-

селялись пришельцами, охраняемыми солдатами. Кавказские мусульмане были поставлены вне закона: при очищении от неприятеля Батумской и Карской областей они подверглись частью изгнанию из пределов России, частью истреблению [72]. Депутат Бакинской губернии М. Ю. Джафаров огласил от имени фракции мусульман заявление, в котором было сказано, что, «несмотря на переживаемые страной серьезные события, власть в отношении мусульман и вообще инородцев продолжает практиковать политику, ничего общего не имеющую с разумными государственными интересами... В Закавказье... под шум войны над мирным мусульманским населением творились и продолжают твориться ужасы... Вымогательство, грабежи и убийство мусульман сделались обычными явлениями» [73]. Кадет Пападжанов в свою очередь сообщил о беспримерных зверствах турецких властей над армянским населением и подчеркнул, что правительство не организует настоящую защиту армян, не допускает даже введения земского самоуправления, о необходимости которого неоднократно высказывалась Дума, отнимает всякую возможность общей работы всех местных национальностей над хозяйственными и иными вопросами [74].

О тяжелом положении, в которое поставила война прибалтийские народы, рассказали депутаты Н. О. Янушкевич, И. М. Рамот, Я. Ю. Гольдман и др. «Территория Литвы стала искупительной жертвой всей России, — сказал депутат от Ковенской губернии трудовик Янушкевич, — ...с глубоким разочарованием мы должны признать, что правительство... по-прежнему относится к населению с недоверием и не только не ослабляет, но доводит до своего рода апогея национальный гнет» [75]. Тысячи литовцев выселены из родных мест только по причине евангелического вероисповедания или сходства их фамилий с немецкими; литовский язык изгнан из обихода самоуправления. «Действия правительства, — сделал вывод Янушкевич, — снижают энергию литовского народа, ослабляют его силу при отражении врага, и все же литовцы надеются наконец получить полную культурную автономию, на которую имеют право, без притеснения других, живущих рядом с ним народностей, а пока будут продолжать борьбу с врагом» [76]. Рамот, депутат от Лифляндской губернии, кадет, заявил, что

«полному и скорейшему использованию народной силы мешают многие устарелые местные порядки, к устранению которых следовало бы немедленно приступить» [77]. От Курляндской губернии выступил прогрессист Гольдман. Смысл его речи, так же как и Рамота и Янушкевича, сводился к тому, что латышский народ будет бороться и победит вместе с Россией. «Получив разрешение верховного главнокомандующего, латыши с гордостью приступят к организации латышских дружин». Гольдман сетовал на «маскарад лояльности немецких баронов» и немецкое засилье в Латвии [78].

Несколько спешных заявлений на 4-й сессии Государственной думы было внесено по еврейскому вопросу. Большинство из них касалось незаконных действий властей по отношению к еврейскому населению, проживавшему в районах военных действий [79].

Ответа на все эти запросы, как и следовало ожидать, не последовало.

Выступления депутатов от национальных меньшинств закончились оглашением заявления, с которым выступил депутат от Уфимской губернии Тевкелев: «По поручению заседающих в Думе представителей от латышского, литовского, эстонского, армянского, мусульманского и еврейского населения имею честь сделать следующее заявление.

Мы предлагаем Государственной думе включить в подлежащую баллотировке формулу перехода к очередным делам пожелание о том, что в ближайшем будущем должны быть приняты все меры:

а) к устранению всяких административных стеснений против отдельных народностей;

б) к отмене в законодательном порядке всех ограничительных законов, связанных с вероисповеданием или национальностью» [80].

Заявление депутатов от национальных меньшинств не было включено даже в формулу перехода. Голосование сопровождалось шумом, дискуссиями, упреками, которые депутаты бросали друг другу. В результате 162 депутата проголосовали за поправку, 191 — против. Отклонена была даже поправка кадетов о замене слов «всех верных граждан России» словами «всех граждан России». В конечном итоге прошла формула перехода, внесенная националистами, в которой речь шла об объединении уси-

лий всех народов на борьбу против Германии и о «благожелательном отношении власти к интересам всех верных граждан России» [81].

Таким образом, тактика правооктябристского большинства IV Думы, а также фактическое примирение кадетов с националистами еще раз убедительно доказали, что царизм и либеральная буржуазия шли «в ногу» и не собирались отказываться от политики порабощения и эксплуатации народов страны.

В то же время, начиная с первых заседаний IV Думы, почти все депутаты (кроме черносотенцев) выразили неудовлетворение экономической политикой правительства, плохой мобилизацией хозяйственных ресурсов страны на нужды войны, неиспользованием общественной инициативы. В связи с этим было подготовлено создание в августе 1915 г. так называемого прогрессивного блока, который составили буржуазно-помещичьи фракции Государственной думы. Все помыслы и стремления блок этот направлял к укреплению самодержавной власти и предотвращению революции. Но даже его умеренные требования насторожили царское правительство. 3 сентября 1915 г. Государственная дума была распущена.

В. И. Ленин назвал роспуск Думы одним «из самых рельефных проявлений революционного кризиса в России» [82]. Этот кризис был подготовлен военными поражениями царизма, недовольством широких народных масс, ростом революционного движения в стране во главе с рабочим классом.

Действительно, война и связанные с нею бедствия до крайности обостряли классовые и национальные противоречия в России, ускоряли политическое «прозрение» масс, что в свою очередь приводило к заметному усилению социалистического аспекта их борьбы. Во главе революционного движения стоял рабочий класс, руководимый партией большевиков. В 1914 г. в России насчитывалось 5 млн. промышленных рабочих (из них около 430 тыс. — в Петрограде) [83].

Революционными просветителями и организаторами масс были преданные идеалам социализма профессиональные революционеры: А. А. Андреев, М. И. Калинин (в Петрограде), Р. С. Землячка, М. И. Ульянова, Г. М. Кржижановский (в Москве), А. А. Буянов, С. Гопнер, А. Пархоменко, Ю. Х. Лутовинов (на Украине),

М. Азизбеков, И. Т. Фиолетов, С. Г. Шаумян, П. Джапаридзе, Ф. Махарадзе (на Кавказе), Я. Берзинь-Зиемелис (в Прибалтике) и др.

Политическим штабом большевистской партии внутри страны было восстановленное осенью 1915 г. в Петрограде Русское бюро ЦК РСДРП, или Бюро ЦК РСДРП (б). Посланники Бюро систематически выезжали в различные районы страны для восстановления партийных комитетов, пропаганды большевистских лозунгов и мобилизации масс на революционную борьбу. Работа эта велась сугубо конспиративно, была сопряжена с огромными трудностями, риском, требовала большого опыта, выдержки, мужества. По решению Бюро Н. Толмачев выезжал на Урал — в Екатеринбург и Пермь; Ю. Лутовинов — в Донбасс; И. Гаевский — в Киев, Екатеринослав, Харьков, Ростов-на-Дону. Большую работу в массах в начале войны провели депутаты-большевики IV Государственной думы — Бадаев, Самойлов, Муранов, Петровский, Шагов. Они выезжали в города Урала, Украины, Поволжья, Кавказа, в беседах с трудящимися разъясняли сущность ленинских лозунгов поражения правительства в разбойничьей войне, превращения империалистической войны в гражданскую, разрыва с социал-шовинистами.

Несмотря на непомерное усиление в годы войны административного произвола и насилия над массами, пролетариат и крестьянство России не сдавали своих революционных позиций. В ноябре 1914 г. рабочие Петрограда, Москвы, Екатеринослава, Донбасса и других городов и районов России провели массовую забастовку протеста против ареста и ссылки большевиков-депутатов IV Думы. Забастовка прошла под лозунгами: «Долой войну!», «Долой произвол!», «Да здравствует демократическая республика!», «Да здравствует социал-демократическая рабочая партия!» Исключительное значение в укреплении идейно-политического единства местных большевистских организаций и усилении их революционного воздействия на массы имело распространение ленинского манифеста ЦК РСДРП «Война и российская социал-демократия», который в конце 1914 — начале 1915 г. был подпольно доставлен из Петрограда в Ярославль, Ригу, Киев, Баку, Тифлис и другие города страны. К середине 1915 г. Петербургский комитет РСДРП был уже тесно

связан с 16 крупными промышленными городами страны [84].

С конца 1915 г. в России явно наметилось начало нового подъема революционного движения, в том числе и в национальных районах страны. В целом в России в 1916 г. бастовало свыше миллиона рабочих, причем подавляющее большинство стачек носило политический характер. Только в Азербайджане в 1916 г. прошло более 80 забастовок, охвативших свыше 12 тыс. рабочих [85].

Грозным предостережением политике деспотизма самодержавия, захватнической войны и национального гнета явилось в 1916 г. героическое восстание народов Средней Азии. Непосредственным поводом к восстанию было объявление поголовной мобилизации всего инородческого мужского населения Средней Азии в возрасте от 19 до 43 лет (25 возрастов!) для окопных работ и строительства оборонительных сооружений в действующей армии. Мобилизация проходила во время посевных работ, и отправка на тыловые работы всего трудоспособного мужского населения грозила полным срывом посевной кампании и тем самым обрекала на голодную смерть семьи призывников. В ходе восстания погибли десятки тысяч туземного и около 3 тыс. русского населения, карательными экспедициями были уничтожены цветущий г. Джизак с населением в 20 тыс. человек, масса аулов и других населенных пунктов [86].

Восстание 1916 г. было ярким проявлением революционного кризиса, который назревал в России, выражаясь не только в росте рабочего и крестьянского движения в центре, но и в развитии национально-освободительного движения угнетенных царизмом народов. Эти события свидетельствовали также о глубоком кризисе верхов, несостоятельности царизма выработать новый курс национальной политики, «неспособности даже предвидеть последствия своих действий» [87] и полной беспомощности перед грядущей революцией.

Из всех политических партий только большевики имели научно обоснованную программу и тактику революционного выхода из империалистической войны и преобразования России на началах демократии и социализма, на базе действительного равенства всех народов страны

Большевики — организаторы союза национально-освободительного движения и социалистической революции

1917 год вошел в историю Ро'ссии как время великих революционных свершений. Этот год начался с победы Февральской буржуазно-демократической революции, свержения царизма и превращения России в демократическую республику. Таким образом закончился этап демократической революции в России и начался период ее перерастания в социалистическую.

Своеобразие политической обстановки в стране после победы Февральской революции заключалось в установлении двоевластия: с одной стороны, Временное буржуазно-помещичье правительство, с другой — Советы рабочих и солдатских депутатов — орган диктатуры рабочего класса и крестьянства.

При разнообразии национальных форм двоевластия его единая социально-классовая сущность проявлялась повсеместно: в столице — Временное правительство и Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов; в Харькове — Совет рабочих и солдатских депутатов и кадетский Общественный комитет; в Ревеле — Совет рабочих и воинских депутатов и буржуазный Эстляндский губернский земский совет; в Закавказье — Советы и либеральный Особый закавказский комитет; в Баку — Совет рабочих депутатов и буржуазный Совет общественных организаций; в Средней Азии — Советы и буржуазно-феодальный Туркестанский комитет.

В результате предательства меньшевистско-эсеровского большинства Петроградского и других Советов государственная власть сосредоточилась фактически в руках империалистического Временного правительства, в состав которого вошли крупные капиталисты, помещики и буржуазная интеллигенция. Министром-председателем и министром внутренних дел стал крупный помещик Г. Е. Львов; портфель министра иностранных дел получил лидер партии кадетов П. Н. Милюков; пост военного и морского министра — октябрист-капиталист А. И. Гучков; министром путей сообщения стал кадет Н. В. Некрасов; министром торговли и промышленности — прогрессист, крупнейший текстильный фабрикант А. И. Коновалов; министром финансов — сахарозаводчик-миллионер

М. И. Терещенко; министром просвещения — кадет А. А. Мануйлов; министром земледелия — кадет А. И. Шингарев; министром юстиции — А. Ф. Керенский (перекочевавший после Февральской революции от трудовиков к эсерам); обер-прокурором Синода — В. Н. Львов (представитель центра бывшей Государственной думы); государственным контролером — октябрист И. В. Годнев. Таким образом, важнейшие посты в аппарате государственной власти получила главная партия буржуазии — кадеты. На местах государственная власть сосредоточилась в руках наместников Временного правительства, только губернатора теперь сменил губернский комиссар Временного правительства, исправника и земского начальника — уездный комиссар Временного правительства; полицию — милиция, штат которой тщательно подбирался для действенной защиты интересов буржуазии и дворянства.

В обстановке победы Февральской революции, резкого перехода от гнета и репрессий царизма к сравнительно широкой политической свободе многомиллионная мелкобуржуазная масса, составлявшая значительную часть населения России, потянулась к политике и по образному выражению В. И. Ленина, «подавила сознательный пролетариат не только своей численностью, но идейно... захватила очень широкие круги рабочих мелкобуржуазными взглядами на политику»[88]. Большинство марксистов в это время было еще репрессировано, находилось в тюрьмах и ссылках. В результате руководство Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов захватили мелкобуржуазные партии — эсеры и меньшевики. В исполкоме Петроградского Совета рабочих и Солдатских депутатов в конце марта 1917 г. меньшевики-эсеры составляли около 60%. К ним примыкали трудовики, народные социалисты, бундовцы[89].

Самой многочисленной организацией среди мелкобуржуазных партий были эсеры. К концу мая 1917 г. они имели свои организации в 63 губерниях и областях России, на Балтийском и Черноморском флотах, на Северном, Западном, Юго-Западном, Румынском и Кавказском фронтах. Меньшевики входили в 27 чисто меньшевистских и в 27 объединенных (с большевиками) местных организаций РСДРП. Между эсерами и меньшевиками установился тесный союз, который определялся сходством их социальной базы (мелкобуржуазной средой). И те и другие по всем принципиальным вопросам общественной жизни России шли на соглашение с буржуазно-помещичьим Временным правительством.

В условиях двоевластия надежды трудящихся масс на широкую демократизацию социально-политического строя России не могли реализоваться. Вместо политики мира Временное правительство, при поддержке меньшевиков и эсеров, навязывало рабочим и крестьянам продолжение захватнической империалистической войны под лозунгами обороны отечества, защиты революции. Решение актуальнейшего, аграрного вопроса откладывалось до созыва Учредительного собрания, ибо буржуазно-помещичье Временное правительство было вовсе не заинтересовано в передаче земли крестьянам. Под предлогом необходимости безотказной работы для нужд обороны затягивалось решение вопроса о коренном улучшении положения рабочего класса.

Не собиралось решать Временное правительство и дошедший до крайней остроты национальный вопрос. Партии кадетов, меньшевиков и эсеров, приобщившись к власти, ускорили свое разоблачение тем, что их национальные программы не содержали ни грана демократизма. Как внешняя, так и внутренняя политика Временного правительства преследовала колонизаторские, захватнические цели. Правда, под давлением массового движения в стране Временное правительство выступило с программой, в которой наряду с другими обещаниями декларировалось полное равноправие граждан независимо от вероисповедания и национальности, отменило позорную черту еврейской оседлости, утвердило законопроект о свободе совести, несколько ослабило преследование родных языков, но сущность национальной политики в конечном счете не изменилась. Да и местная национальная буржуазия, больше всего опасавшаяся потерять свои капиталы, шла на любые уступки Временному правительству и помогала ему подавлять революционное движение.

Аппарат, с помощью которого местная национальная буржуазия объединяла вокруг себя на местах контрреволюционные силы, был весьма сложным и разнообразным по формам: Национальные советы (в Латвии, Эстонии, Литве, Грузии, Армении, Азербайджане), Рады (на Украине и в Белоруссии), Курултай (в Крыму и в Баш-

кирии), Шуро ислам (в Средней Азии), Алаш орда (в Казахстане).

Стремясь привлечь массы на свою сторону, национальная буржуазия использовала различные внешнедемократические мероприятия. Так, лозунг «право наций на самоопределение» она истолковывала как право взять власть в свои руки при подчинении общероссийскому буржуазному правительству. Эта воля национальной буржуазии была выражена в программах и политике партии Мусават — партии азербайджанских беков и буржуа, Национального совета Литвы, Грузинской национальной демократической партии, Грузинской партии социалистов-федералистов, Армянской народной партии, партии «Дашнакцутюн», Шуро ислама, Алаш орды и т. д.[90]

В программы названных национальных партий наряду с буржуазно-националистическими были включены и требования демократического характера — свободы и равноправия народов, политической автономии областей, стремление к дальнейшему сближению с Россией и т. д., т. е. те требования, с помощью которых национальная буржуазия оказывала идеологическое воздействие на коренное население окраин России. Однако жизненный опыт убеждал массы в том, что ни от Временного правительства, ни от «своей» национальной буржуазии не дождаться решения насущных социальных вопросов, в том числе действительного равноправия народов России. Все национальные требования Временное правительство отклоняло, ссылаясь на то, что все важные общественные вопросы решит Учредительное собрание. Единственным национальным районом прежней России, независимость которого провозгласило Временное правительство, была Польша... оккупированная немцами!

Подобную лицемерную политику проводило Временное правительство и по отношению к Финляндии. Обещая финляндскому народу сохранение его внутренней самостоятельности, прав его национальной культуры языка, Временное правительство одновременно заявляло, что все права свергнутого царя, как «великого князя Финляндского», перешли к Временному правительству, вопрос об их изменении или ограничении может быть решен только всероссийским Учредительным собранием. В доказательство полноты своей власти Временное правительство 18 июля 1917 г. распустило финляндский о

и вооруженной силой не допустило его восстановления. Характерно, что первым помощником Временного правительства, возглавившим применение открытого насилия к ранее порабощенному царизмом народу, был меньшевик Гегечкори. Этот факт показывал, как далеки были меньшевики от демократии в национальном вопросе. В полном согласии с Временным правительством меньшевики в своем центральном органе — «Рабочей газете» писали, что вопрос о Финляндии может разрешить только Всероссийское Учредительное собрание. Более того, меньшевики призывали финляндских социал-демократов быть терпеливыми и не настаивать на быстром решении вопроса о свободе своего народа, чтобы не обострять национализм со стороны русской буржуазии.

Нисколько не улучшилось и положение украинского народа. В июне 1917 г. Керенский категорически отказал украинцам в их просьбе решить вопрос об украинской автономии. Под давлением кадетов Временное правительство приняло решение о недопустимости никаких соглашений России с Украиной (в тех условиях — с Центральной украинской Радой) и полном подчинении Украины Временному правительству. Более того, Временное правительство в своем акте от 4 августа ограничило пределы Украины пятью губерниями: Киевской, Волынской, Подольской, Полтавской и Черниговской, заявив, что губернии Харьковская, Херсонская, Екатеринославская являются якобы чисто русскими.

Еще более резкие формы национального угнетения применяло Временное правительство в Туркестане, Средней Азии, Сибири и других районах страны.

Псевдодемократизм меньшевиков и эсеров в национальном вопросе нашел яркое отражение в решениях I Всероссийского съезда Советов (июнь 1917 г.). Пользуясь своим большинством, меньшевики и эсеры в союзе с бундовцами настояли на принятии съездом декларативной резолюции, содержавшей высокопарные фразы о равенстве и самоопределении национальностей России, не ставя вопроса о ликвидации господства в стране русской буржуазии. Решение национального вопроса съезд откладывал до созыва Учредительного собрания. Сея мелкобуржуазные иллюзии, меньшевики и эсеры предлагали Угнетенным народам России обращаться к Временному правительству с просьбами о введении национального ра-

ликвидации всех форм социального и национального рабства: свободный братский союз рабочих и трудящихся масс всех наций. Только интернациональная солидарность трудящихся масс под руководством рабочего класса способна обеспечить наиболее быстрое и эффективное перерастание демократической революции в социалистическую, укрепление власти Советов рабочих и крестьянских депутатов, кардинальное решение насущных вопросов — о войне и мире, о земле, о равноправии народов и т. д.

Ленинская национальная программа с внесенными в нее дополнениями была утверждена в апреле 1917 г. на VII Всероссийской конференции большевиков. Апрельская конференция в своих резолюциях решительно встала на защиту национально-освободительного движения угнетенных народов в России и за рубежом, осудила колониализм во всех его проявлениях. Большевики дали решительный отпор шовинистической линии в национальной политике. Еще в годы войны Пятаков предлагал исключить из программы РСДРП (б) требование о праве наций на самоопределение вплоть до отделения и выдвигал лозунг «Прочь границы!» [95]. По мнению Пятакова и иже с ним, в эпоху империализма образование национальных государств является пройденным этапом, вредной и реакционной утопией. Он договорился даже до того, что национальное движение отвечает якобы только интересам буржуазии [96].

Осуждая позицию сектантства и шовинизма, В. И. Ленин в своем выступлении на конференции назвал лозунг Пятакова «Прочь границы!» анархизмом, изменой марксизму. «Надо сойти с ума, — говорил он, — чтобы продолжать политику царя Николая... Свобода соединения предполагает свободу отделения... Мы стоим за необходимость государства, а государство предполагает границы» [97].

Апрельская конференция большевиков подавляющим большинством голосов приняла предложенную В. И. Лениным резолюцию «По национальному вопросу», которая представляла национальную программу марксистской партии в условиях перехода от демократической революции к революции социалистической. В этой программе содержались требования: право наций на свободное отделение и на образование самостоятельного государства;

широкая областная автономия; ликвидация национальных привилегий; слияние рабочих всех национальностей России в единых пролетарских организациях — политических, профессиональных, кооперативно-просветительных. «Только такое слияние в единых организациях рабочих различных национальностей, — подчеркивала конференция, — дает возможность пролетариату вести победоносную борьбу с международным капиталом и с буржуазным национализмом» [98].

Решения Апрельской конференции широко публиковались и пропагандировались партией большевиков. Основные положения принятой ею национальной программы разъяснялись в лекциях, беседах, на страницах печати. В. И. Ленин в опубликованных в «Правде» статьях — «Украина», «Финляндия и Россия», «Каша в головах», «Не демократично, гражданин Керенский!», «Украина и поражение правящих партий России» подверг резкой критике великодержавную национальную политику Временного правительства и показал, что эсеры и меньшевики, как правящие партии, полностью обанкротились, в том числе и в национальном вопросе, и что выход из создавшегося положения только один — переход власти к пролетариату.

Раскрывая международную значимость национальной политики большевиков, В. И. Ленин писал: «Чем свободнее будет Россия, чем решительнее признает наша республика свободу отделения невеликорусских наций, тем сильнее *потянутся к* союзу с нами другие нации, тем меньше будет трений, тем реже будут случаи действительного отделения, тем короче то время, на которое некоторые из наций отделятся, тем теснее и прочнее — в конечном счете — братский союз пролетарски-крестьянской республики российской с республиками какой угодно иной нации» [99].

Национально-освободительная политика большевиков завоевывала на свою сторону широкие массы угнетенных народов России. Среди рядовых членов национальных революционных партий все более решительный отпор получали различного рода националистические и сепаратистские тенденции. Угнетенные народы России на собственном опыте убеждались в том, что в условиях господства империалистического Временного правительства и входящих в него партий кадетов, меньшевиков и эсеров

ли один из наболевших вопросов общественной жизни — о выходе из войны, о передаче земли крестьянам, о 8-часовом рабочем дне, о равноправии народов и т. д. — не может быть решен, что все коренные нужды трудящихся масс смогут быть удовлетворены только после установления Советской власти во главе с партией большевиков. Угнетенные народы России убеждались также на своем опыте в предательской и контрреволюционной позиции национальной буржуазии и отказывались от сотрудничества с ней. Под влиянием интернационалистской пропаганды большевиков устанавливался тесный революционный контакт между трудящимися всех народов России.

Национально-освободительное движение сливалось с бурным потоком социалистической революции.

Принципиальное значение для объединения трудящихся масс народов России вокруг большевистской партии имела опубликованная в газете «Волна» (май 1917 г.) статья В. И. Ленина «Политические партии в России и задачи пролетариата». Статья эта вышла в свет также отдельной брошюрой, и в предисловии к ее второму изданию (в октябре 1918 г.) В. И. Ленин отметил, что данная им характеристика главных политических партий подтвердилась на всех этапах революции: и во время «коалиционного министерства», возникшего 6 мая 1917 г. (когда в состав Временного правительства вошли меньшевики и эсеры), и во время объединения меньшевиков и эсеров в июне и июле 1917 г., и во время корниловщины, и в дни Октябрьской революции 1917 г., и позднее [100].

Чрезвычайно примечательна сама структура ленинской статьи, рассчитанной на усвоение ее содержания самыми широкими массами. В ней сформулированы основные вопросы и ответы, характеризовавшие политическое положение России в апреле — мае 1917 г., и дана оценка его разными партиями. В числе этих вопросов значились, например, следующие: 1. Каковы главные группы политических партий в России? 2. Какой класс представляют эти партии, точку зрения какого класса они выражают? 3. Как относятся к социализму? 4. Какого государственного устройства хотят в настоящее время? 5. За аннексию или против?

В. И. Ленин разделил политические партии России на 4 группы: 1) партии и группы правее кадетов; 2) конституционно-демократическая партия и близкие к ней группы; 3) социал-демократы, социалисты-революционеры и близкие к ним группы; 4) большевики — партия, которой, как отмечает Ленин, следовало бы называться коммунистической партией. Таким образом, Ленин четко отделил партию большевиков даже по наименованию от социал-демократов (меньшевиков), изменивших социализму и интернационализму и открыто перешедших на сторону империализма и реакции [101].

Партии и группы правее кадетов защищали интересы крепостников-помещиков и самых отсталых слоев буржуазии. Эти партии враждебно относились к социализму; их идеалом являлась конституционная монархия и империалистическая колонизаторская политика как внутри России, так и за ее пределами. Кадетов и близкие к ним группы В. И. Ленин характеризовал как партии буржуазии или как обуржуазившиеся партии, т. е. ставших прислужниками капиталистов, помещиков. Подобно правым партиям, кадеты были ярыми врагами социализма и стремились к установлению в России буржуазной парламентарной республики, т. е. ратовали за упрочение господства капиталистов при сохранении старого чиновничества и полиции. Так же, как и правые, кадеты были сторонниками аннексионистской политики как внутри, так и вне России.

Социал-демократы и социалисты-революционеры, разъяснял В. И. Ленин, защищали интересы «мелких хозяев, мелких и средних крестьян, мелкой буржуазии, а также части поддавшихся влиянию буржуазии рабочих» [102]. Называя себя сторонниками социализма, социал-демократы и эсеры заявляли, что делать практические шаги к его осуществлению преждевременно; главная задача общественных сил России, по их мнению, установление буржуазной парламентарной республики с реформами для рабочих и крестьян. По вопросу об отношении к аннексиям социал-демократы и эсеры занимали оппортунистическую позицию. Они шли на компромисс с кадетами и распространяли среди трудящихся масс мелкобуржуазные иллюзии, заявляя, что якобы и от правительства капиталистов можно добиться «обещания» отказаться от аннексий [103].

Характеризуя программу и тактику большевистской партии, В. И. Ленин определил ее как партию «созна-

тельных пролетариев, наемных рабочих и примыкающей к ним беднейшей части крестьян (полупролетариев)»[104]. Будучи безоговорочными сторонниками социализма, большевики, указывал Ленин, считали необходимым, чтобы Советы рабочих, крестьянских и солдатских депутатов немедленно делали практически возможные шаги к осуществлению социализма. В частности, к таким практически осуществимым мерам В. И. Ленин относил национализацию всех земель, т. е. переход всех земель в собственность центральной государственной власти, при распоряжении землей областными и местными Советами бедняцких и крестьянских депутатов[105]. В тех условиях, т. е. в период перехода от революции демократической к революции социалистической, В. И. Ленин рассматривал национализацию земли не только как демократическую меру, но как могучее средство расчистки пути к социализму. В области политической жизни большевики борются за установление республики Советов рабочих, солдатских, батрацких и крестьянских депутатов, уничтожение постоянной армии и полиции, замену их поголовно вооруженным народом, считают необходимой не только выборность, но и сменяемость чиновников при установлении платы им не выше платы хорошему рабочему. Большевистская партия категорически и безоговорочно против аннексий, считает все обещания капиталистического правительства отказаться от аннексий сплошным обманом. Чтобы разоблачить этот обман, писал В. И. Ленин, «есть одно средство: требовать освобождения народов, угнетенных *своими* капиталистами»[106].

Правильность характеристики главных политических партий России и их классовых основ была подтверждена всем ходом революционных событий в нашей стране.

Решающую роль в мобилизации революционных сил в России сыграл VI съезд РСДРП (б) (июль — август 1917 г.), призвавший массы к революционному восстанию против Временного правительства с целью установления в стране диктатуры пролетариата.

Важнейшим этапом в процессе интернационального сплочения передовых рабочих России явилось объединение их усилий в разгроме мятежа генерала Корнилова в августе 1917 г. Трудящиеся массы как в центре, так и в национальных районах России единодушно осуждали мятеж и требовали передачи власти Советам, а в Со-

тах — большевикам. Корниловский мятеж окончательно убедил рабочих и крестьян России в том, что Временное правительство, партии кадетов, меньшевиков и эсеров предали даже элементарные основы демократии. Выход из создавшегося положения был только один — социалистическая революция, передача власти в руки рабочих и беднейших крестьян под руководством партии большевиков.

В результате революционизирования масс перевыборы Советов в конце августа — начале сентября 1917 г. принесли победу большевикам. В главнейших городах России Советы стали большевистскими. О близости социалистической революции, высоком уровне революционного энтузиазма трудящихся свидетельствовали массовые форумы рабочих, солдат, крестьян, проходившие под большевистскими лозунгами свержения Временного правительства и установления в России власти Советов: шеститысячный митинг рабочих, солдат, городской бедноты в Ташкенте 12 сентября 1917 г.; всеобщая стачка в Баку 27 сентября — 20 октября; Первый съезд большевистских организаций Кавказа в Тифлисе 2—7 октября; пятитысячный митинг латышских стрелков в Цесисе 5 октября 1917 г.; партийные конференции (в октябре 1917 г.) северо-балтийских организаций в Ревеле и Петрограде; съезды Советов в Петрограде и Северной области, в Ташкенте и Харькове, Иркутске и Ревеле, Минске и Киеве, Уфе и других городах страны.

25 октября 1917 г. в Петрограде героическими усилиями рабочих, солдат и матросов было свергнуто ненавистное народу империалистическое Временное правительство и установлена диктатура пролетариата. Победила Великая Октябрьская социалистическая революция, ознаменовавшая начало новой эпохи в истории человечества — эпохи социализма.

В первых же декретах Советской власти были сформулированы непоколебимые принципы национальной политики партии большевиков — принципы пролетарского Интернационализма, равенства, суверенитета и братства народов. 2 ноября Советское правительство опубликовало Декларацию прав народов России, в которой объявило все народы России свободными и равноправными. В Декларации отмечалось, что Советская власть положила конец царской политике натравливания народов

друг на друга, угнетения народов и проводит политику добровольного и тесного союза народов страны, признавая: равенство и суверенность народов России; право народов России на свободное самоопределение вплоть до отделения и образования самостоятельного государства; отмену всех и всяческих национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений; свободнбе развитие национальных меньшинств и этнографических групп, населяющих территорию России.

В жизни народов России начался крутой перелом. Под руководством рабочего класса и его большевистской партии, с помощью русского народа в нашей стране был полностью решен национальный вопрос.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

История более чем полувекового развития Союза Советских Социалистических Республик убедительно доказала правильность, жизненность и великий гуманизм ленинской национальной политики. «...Национальный вопрос в том виде, в каком он достался нам от прошлого, — отметил Л. И. Брежнев, — решен полностью, решен окончательно и бесповоротно. Это — достижение, которое по праву можно поставить в один ряд с такими победами в строительстве нового общества в СССР, как индустриализация, коллективизация, культурная революция»[1].

В Советском Союзе реализовано не только юридическое, но и фактическое равенство наций, сформировались и достигли расцвета социалистические нации, братский союз которых в наши дни является решающим фактором успешного строительства коммунизма.

Выступая на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 г., В. И. Ленин выразил твердую уверенность, что «вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима»[2]. Эта уверенность гениального вождя мирового пролетариата полностью оправдалась: ныне наше социалистическое государство состоит из 15 союзных республик, которые в свою очередь объединяют 20 автономных республик, 8 автономных областей и 10 национальных округов; сплоченно трудятся во имя великой цели — построения коммунистического общества — более 100 наций и народностей. Покончено с былой отсталостью народов нашей страны. Каждая из союзных республик имеет современную индустрию, механизированное сельское хозяйство, национальные кадры интеллигенции, свою Академию наук, университеты, научно-исследовательские институты. И все это — результат совместных общих усилий, братской взаимопомощи. Советские нации и народности пользуются в едином общенародном государстве всеми

благами социалистической демократии, активно участвуют в государственном управлении, в решении вопросов развития своих республик и всей страны.

К 1973 г. объем промышленной продукции увеличился в целом по стране в 320 раз, в том числе в Казахской ССР — в 600 раз, в Таджикской ССР — более чем в 500, в Киргизской ССР — более чем в 400, в Узбекской ССР — почти в 300, в Украинской ССР — в 176, в Белорусской ССР — более чем в 350, в Грузинской ССР — в 150, в Азербайджанской ССР — в 64, в Армянской ССР — более чем в 500 раз [3].

Ленинские принципы социалистического интернационализма обусловили бурное развитие не только экономики, но и культуры народов СССР. Благодаря содружеству наций и грандиозным свершениям в социально-экономической области зародилась, окрепла и добилась небывалых успехов советская многонациональная культура, социалистическая по содержанию, национальная по форме. В нашей стране «сложилась и расцвела единая по духу и по своему принципиальному содержанию советская социалистическая культура. Эта культура включает в себя наиболее ценные черты и традиции культуры и быта каждого из народов нашей Родины...

В разнообразии национальных форм советской социалистической культуры все заметнее становятся общие интернационалистские черты. Национальное все больше оплодотворяется достижениями других братских народов. Это прогрессивный процесс. Он отвечает духу социализма, интересам всех народов нашей страны. Именно так закладываются основы новой, коммунистической культуры, которая не знает национальных барьеров и в равной мере служит всем людям труда... Она представляет собой, таким образом, органический сплав создаваемых всеми народами духовных ценностей» [4].

В 1970 г. только в четырех республиках Средней Азии насчитывалось полмиллиона специалистов с высшим образованием (в 1913 г. по всей стране специалистов с высшим образованием насчитывалось всего 136 тыс.) [5]. Подобные поразительные успехи могли быть достигнуты исключительно в результате ленинской национальной политики, совместных усилий народов СССР, братской дружбы, помощи более передовых народов по отношению к бывшим отсталым.

Новой яркой демонстрацией торжества ленинской национальной политики в Советском Союзе явился XXV съезд КПСС.

В Отчетном докладе ЦК КПСС съезду, с которым выступил Л. И. Брежнев, в принятых съездом «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг.», в выступлениях делегатов от национальных республик нашей страны глубоко раскрыты преимущества ленинской политики пролетарского интернационализма, отражена большая забота партии о дальнейшем расцвете и сближении социалистических наций и народностей Советского Союза.

Съезд явился интернациональным форумом лучших сил нашей страны и международного коммунистического движения. На съезде присутствовали представители партийных организаций всех союзных и автономных республик, национальных округов и областей, коммунистических и рабочих партий зарубежных стран.

Подводя итог идейно-политической работе партии в массах за отчетный период, Л. И. Брежнев отметил, что «партийные организации отдавали много сил делу патриотического воспитания трудящихся и одновременно укреплению интернационалистского сознания масс» [6]. Огромную роль в этом воспитательном процессе сыграло празднование 50-летия образования СССР и 30-летия Победы в Великой Отечественной войне — замечательных юбилеев, которые были торжественно отмечены советским народом. «В трудовых свершениях прошедшего полувека, — указывает Л. И. Брежнев, — в ратных подвигах Великой Отечественной войны выросло и закалилось нерушимое единство всех классов и социальных групп, наций и народностей нашей страны. И это единство, эта сплоченность всех советских людей, их преданность своей великой Родине, интернационалистское братство народов стали лейтмотивом прошедших юбилеев. В этом было их огромное и политическое, и воспитательное значение.

Утверждение в сознании трудящихся, прежде всего молодого поколения, идей советского патриотизма и социалистического интернационализма, гордости за Страну Советов, за нашу Родину, готовности встать на защиту завоеваний социализма было и остается одной из важнейших задач партии» [7].

Делегаты XXV съезда от партийных организаций союзных республик рассказали, каких больших успехов добились народы нашей страны за годы девятой пятилетки благодаря братской дружбе и сотрудничеству. Дальнейшее развитие получили промышленность, сельское хозяйство, культура и наука, значительно усовершенствовалась структура промышленности, возрос ее экономический потенциал, реконструированы многие предприятия, сотни новых промышленных объектов введены в эксплуатацию.

Делегаты XXV съезда КПСС единодушно подчеркивали, что все успехи, достигнутые нациями и народностями СССР, являются результатом их братской дружбы, взаимопомощи и всестороннего сотрудничества.

Определяя основные направления развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 гг., XXV съезд уделил огромное внимание размещению производительных сил и развитию союзных республик. Съезд отметил необходимость поднять роль и ответственность союзных республик в решении вопросов производственного и социально-культурного строительства, тщательного учета местных и национальных особенностей, наиболее полного использования природных, трудовых и других ресурсов; обеспечить дальнейший подъем экономики во всех союзных и автономных республиках и экономических районах, автономных областях и национальных округах.

Забота партии о дальнейшем выравнивании уровней развития промышленности союзных республик нашла отражение в определении различных темпов промышленного строительства. При среднем уровне темпов развития промышленности по СССР 35—39% партия ставит задачу обеспечить увеличение объема промышленной продукции в десятой пятилетке в Белоруссии — на 39—43%, в Казахстане и Таджикистане — на 40—44%, в Армении — на 43—47%, в Молдавии — на 45—49% [8].

В целях дальнейшего совершенствования социалистического размещения производительных сил страны съезд подчеркнул необходимость предусмотреть ускоренное развитие восточных районов и повышение их роли в общесоюзном производстве промышленной продукции. В частности, обеспечить в этих районах весь намечаемый на пятилетку прирост добычи нефти и газа, производство алюминия, более 90% прироста добычи угля, примерно

80% прироста производства меди, 45% прироста производства целлюлозы и около 60% прироста производства картона [9].

В выступлениях как делегатов XXV съезда, так и зарубежных гостей подчеркивалось, что КПСС хранит нерушимую верность пролетарскому интернационализму, солидарности с народами, борющимися за свое национальное освобождение и социальный прогресс.

Выражая единодушное признание трудящимися зарубежных стран великой освободительной миссии советского народа в борьбе за прогресс человечества, Первый секретарь ЦК Компартии Кубы Фидель Кастро сказал, что «с момента основания Советского государства каждый борющийся народ, будь то в Европе, Азии, Африке или Латинской Америке, мог, как и наш народ, рассчитывать на поддержку и солидарность советских коммунистов. И повсюду, где есть благодарные сердца, где существуют чувство справедливости и здравомыслие, это не будет забыто» [10].

Подчеркивая решающее значение неуклонного следования принципам пролетарского интернационализма как в нашей стране, так и в международном масштабе, Л. И. Брежнев сказал: «Мы, советские коммунисты, считаем защиту пролетарского интернационализма святой обязанностью каждого марксиста-ленинца» [11].

Опыт КПСС по воплощению в жизнь великих принципов пролетарского интернационализма, по социалистическому решению одного из сложнейших вопросов общественной жизни — национального вопроса, мудрое, основанное на прочном фундаменте марксистско-ленинской науки руководство КПСС дальнейшим развитием наций и национальных отношений в условиях строительства коммунизма имеют всемирно-историческое значение. Овладение этим богатейшим опытом помогает зарубежным коммунистическим партиям в руководстве национальными отношениями, а также максимально содействует усилению интернационально-патриотического воспитания советского народа, укреплению великой дружбы наций и народностей СССР.

Источники и литература

Предисловие

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 126—136, 205—229, 254—263, 264—273, 338—340, 341—346; т. 10, стр. 20—31; т. 11, стр. 1—131, 189—193; т. 16, стр. 386—395; т. 23, стр. 149—150, 314—322; т. 24, стр. 208—210, 247—249; т. 25, стр. 64—72, 85—86, 135—137, 255—320; т. 26, стр. 106—110; т. 27, стр. 252—266; т. 30, стр. 17—58.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, стр. 44—52; т. 11, стр. 149—158, 225—230; т. 13, стр. 67—69, 80—83, 95—98, 126—127, 143—147, 297—300, 396—406; т. 15, стр. 368—388; т. 17, стр. 15—26, 35—36, 429—438; т. 19, стр. 358—376; т. 21, стр. 167—172, 219—223, 237—246, 267—274, 275—287; т. 22, стр. 47—56, 94—96, 157—158, 161—162, 202—206, 244—246; т. 23, стр. 110—111, 123—124, 337—338, 370—372, 423—426; т. 24, стр. 113—150, 313—315.

[3] Г. *Ю. Бурмистрова.* Национальная политика партии большевиков в первой русской революции 1905—1907 гг. Л., 1962; *ее же.* Национальный вопрос и рабочее движение в России. Ленинская политика пролетарского интернационализма. 1907—1917 гг. М., 1969; *И. И. Грошев.* Исторический опыт СССР по осуществлению ленинской национальной политики. М., 1962; *его же.* Борьба против буржуазного национализма. М., 1974; *Н. М. Добротвор.* Рабочие депутаты в III Государственной думе. Горький, 1957; *В. С. Дякин.* Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). Л., 1967; *М. И. Куличенко.* Борьба Коммунистической партии за разрешение национального вопроса в 1918—1920 гг. Харьков, 1963; *В. Е. Маланчук.* Исторический опыт КПСС по решению национального вопроса и развитию национальных отношений в СССР. М., 1972; С. *М. Сидельников.* Образование и деятельность Первой Государственной думы. М., 1962; С. Г. *Томсинский.* Борьба классов и партий во Второй Государственной думе. М., 1924; *Е. Д. Черменский.* Русская буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг. Л., 1938; *его же.* История СССР периода империализма. Л., 1967; *Я. Ф. Шитов.* Развитие В. И. Лениным идеологии и политики пролетарского интернационализма. М., 1966.

[4] «Большевики в борьбе против мелкобуржуазных партий в России (1910—1920 гг.)». М., 1969; «Ленин и история классов и политических партий в России». М., 1970.

Глава 1

[1] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 349—356.
[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 269.
[3] См. там же, стр. 268.

[4] См. там же, стр. 271.
[5] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 156; т. 25, стр. 317.
[6] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 374.
[7] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 275—287.
[8] Там же, стр. 172.
[9] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 333.
[10] См. там же, стр. 341.
[11] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 21, стр. 270.
[12] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 381.
[13] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 71.
[14] Там же, стр. 72.
[15] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», т. 1, изд. 8. М., 1970, стр. 63.
[16] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 70.
[17] «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 63.
[18] Там же, стр. 63.
[19] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 70.
[20] См. там же, стр. 257.
[21] В борьбе против большевистского требования права наций на самоопределение оппортунисты всех мастей намеренно повторяли и усугубляли ошибки Р. Люксембург, сделанные ею в статье «Национальный вопрос и автономия» (опубликованной в журнале Социал-демократия Польши и Литвы «Социал-демократическое обозрение» (на польском языке), 1908, № 6—10; 1909, № 12, 14, 15).
[22] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 314.
[23] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 167.
[24] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 275—276.
[25] См. там же, стр. 273.
[26] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 133.
[27] *В. И. Ленин. ПОЛЕ.* собр. соч., т. 25, стр. 319.
[28] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 314, 315.
[29] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 124.
[30] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 48, стр. 162.
[31] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 316.
[32] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 122.
[33] «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 328.
[34] Там же, стр. 366.
[35] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 320.
[36] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 128.
[37] Там же, стр. 129.
[38] «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 387.
[39] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 320.
[40] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 285.
[41] «Революционный словарь для крестьян, солдат и рабочих». Екатеринбург, 1917, стр. 91.
[42] Там же, стр. 89—90.
[43] Там же, стр. 90.
[44] «Программа партии социалистов-революционеров». Киев, 1905, стр. 16.
[45] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 32—33.
[46] «Протоколы конференции российских национально-социалистических партий. 16—20 апреля 1907 г.» СПб., 1908.
[47] Там же, стр. 7.
[48] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 7, стр. 241.

[49] «Листовки бакинских большевиков 1905—1907 гг.». Баку, 1955, стр. 258—259.

[50] «Протоколы конференции российских национально-социалистических партий», стр. 62.

[51] «Программа Народно-социалистической (трудовой) партии». СПб., 1906, стр. 14.

[52] «Итоги и перспективы». Сб. статей. М., 1906, стр. 133.

[53] «Программа Конституционно-демократической партии». Казань, 1905, стр. 18.

[54] «Партия мирного обновления. Проект аграрной реформы группы прогрессистов и Программа партии, выработанная во время заседаний Государственной думы 27 апреля — 8 июля 1906 г.». СПб., 1906, стр. 15—16.

[55] Там же, стр. 14.

[56] «Партия свободомыслящих». СПб., 1906, стр. 1.

[57] Там же, стр. 3.

[58] Там же, стр. 4.

[59] Там же.

[60] Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИА СССР), ф. 1276, оп. 1, д. 109, л. 4 (это — прошение жителей Харькова, посланное в Совет министров в феврале 1905 г.; под прошением семь страниц подписей).

[61] *А. И. Воронова* и *Е. П. Лукьянов*. Революция 1905—1907 гг. в Белоруссии. — «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». Сб. статей. М., 1955, стр. 180.

[62] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 109, л. 10—11.

[63] Там же, д. 111, л. 4—10.

[64] *С. Н. Караев*. Большевики Азербайджана в борьбе за интернациональное сплочение рабочего класса. Автореф. док. дисс. Баку, 1974, стр. 61.

[65] Там же, стр. 62.

[66] *А. Турсунбаев*. Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967, стр. 88—89.

[67] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 71.

Глава 2

[1] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 1, д. 109, л. 37.

[2] Там же.

[3] ЦГИА СССР, ф. 1276, оп. 2, д. 15, л. 20—21 («Свод действующих в России ограничений по религиозному и национальному признакам». Составлен в 1906—1907 гг. П. Столыпиным).

[4] «Думский сборник 1. Государственная дума 1-го созыва (27 апреля — 8 июля 1906 г.)». СПб., 1907, стр. 4.

[5] Там же, стр. 5.

[6] Там же, стр. 7—8.

[7] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 427—430 (прим.).

[8] «Большая советская энциклопедия», т. 12. М., 1952, стр. 283—284.

[9] «Законодательные акты переходного времени 1904—1906 гг.». СПб., 1909, стр. 116.

[10] Там же, стр. 129.

[11] Там же, стр. 115.

[12] *А. В. Пясковский*. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане. М., 1958, стр. 525.

[13] *Л. М. Иванов*. Революция 1905—1907 гг. на Украине. — «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». Сборник. М., 1949, стр. 132.

[14] «Думский сборник 1. Государственная дума 1-го созыва...», стр. 9—10.

[15] *А. В. Иванов*. Революция 1905—1907 гг. в Белоруссии. — «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». М., 1949, стр. 167. (Северо-западными губерниями были Виленская, Витебская, Гродненская, Минская и Могилевская.)

[16] *С. М. Сидельников*. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962, стр. 165.

[17] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 14, стр. 201.

[18] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2». СПб., 1907, стр. 123.

[19] Там же, стр. 1912.

[20] См. *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 14, стр. VII.

[21] «Большая советская энциклопедия», т. 12, стр. 286.

[22] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 15, стр. 26.

[23] «Государственная дума. Указатель к стенографическим отчетам. Созыв 2». СПб., 1907, стр. 3—26.

[24] *А. В. Пясковский*. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане, стр. 526.

[25] С. *Г. Томсинский*. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. М., 1924, стр. 22.

[26] *А. И. Воронова* и *Е. И. Лукьянов*. Революция 1905—1907 гг. в Белоруссии. — «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». Сб. М., 1955, стр. 199.

[27] См. там же, стр. 200.

[28] *Г. В. Хачапуридзе*. Революция 1905—1907 гг. в Грузии. — «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». Сб. ст. М., 1949, стр. 531.

[29] З. *И. Ибрагимов*. Революция 1905—1907 гг. в Азербайджане. — «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». М., 1949, стр. 465.

[30] «Большая советская энциклопедия», т. 12, стр. 286—287.

[31] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 2. Справочник. СПб., 1913, стр. 13.

[32] Там же.

[33] «Большая советская энциклопедия», т. 12, стр. 287.

[34] Там же.

[35] *В. И. Ленин*. Полн. собр. соч., т. 21, стр. 340.

[36] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1913, стр. 200—340. Приложения. Предметный указатель.

[37] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1913, стр. 44.

[38] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1913, стр. 104. Приложения, док. 5 (заявление 4).

[39] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1913, стр. 56.

[40] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4.

Сессия 1», ч. 1. СПб., 1913, стр. 104. Приложения, док. 6 (заявление 5).

[41] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1913, стр. 74.

[42] Там же, стр. 211.

[43] Там же, стр. 43.

[44] Там же.

[45] Там же, стр. 46.

[46] В. *И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 204.

[47] Там же, стр. 324.

[48] См. там же, стр. 199.

[49] «Государственная дума. Личный алфавитный указатель к стенографическим отчетам. Созыв 4. Сессия 1». СПб., 1913, стр. 5—119.

[50] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1913, стр. 349.

[51] «Государственная дума. Личный алфавитный указатель к стенографическим отчетам. Созыв 4. Сессия 1». СПб., 1913, стр. 5—19.

[52] Там же.

[53] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1913, стр. 596.

[54] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 71.

[55] «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 121.

[56] Там же, стр. 120—121.

[57] Там же, стр. 118.

[58] Там же, стр. 120.

[59] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, стр. 266.

[60] «Вперед» (Женева) № 1—18, январь — май 1905 г.; «Пролетарий» (Женева) № 1—26, май — ноябрь 1905 г.; «Пролетарий» (Выборг) № 1—20, ноябрь 1906 г.; № 1—20, сентябрь 1907 г.; «Летучие листки ЦК РСДРП» (Пб.) № 1—4, июнь — сентябрь 1905 г.; «Новая жизнь» (Пб.) № 1—28, октябрь — декабрь 1905 г.; «Волна» (Пб.) № 1—25, апрель — май 1906 г.; «Вперед» (Пб.) № 1—17, июнь 1906 г.; «Эхо» (Пб.) № 1—14, июль 1906 г.; «Новый луч» (Пб.) № 1—7, март 1907 г.; «Наше эхо» (Пб.) № 1—14, апрель 1907 г.; «Рабочая молва» (Пб.) № 1, 14 марта 1907 г.; «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.» Сб. в трех частях. М., 1956; «Листовки большевиков Украины периода первой революции (1905—1907 гг.)». Киев, 1955; «Листовки с.-д. организаций Латвии в период первой русской революции». Рига, 1956; «Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.» Сб. док. М., 1956; «Листовки Кавказского союза РСДРП 1903—1905 гг.» М., 1955; «Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.» Казань, 1955.

[61] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 47, стр. 100.

[62] «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. 1, стр. VII.

[63] «Листовки социал-демократических организаций Латвии в период первой русской революции», стр. 4—5.

[64] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, стр. 81.

[65] «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. 1, стр. 149.

[66] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 12, стр. 62, 67.

[67] «Петербургские большевики в период подъема первой русской революции 1905—1907 гг.» Сб. док. и матер. Л., 1955, стр. 137.

[68] «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. 1, стр. 475.

[69] Там же, стр. 826.

[70] «Листовки Кавказского союза РСДРП 1903—1905 гг.», стр. 326.

[71] «Листовки бакинских большевиков 1905—1907 гг.». Баку, 1955, стр. 259—260.

[72] «Листовки Кавказского союза РСДРП 1903—1905 гг.», стр. 213—214.

[73] «Революция 1905—1907 гг. в России. Документы и материалы. Высший подъем революции 1905—1907 гг.», ч. 3, кн. 1. М.—Л., 1956, стр. 53.

[74] *Н. Я. Симонов.* Большевистская печать в Туркестане (1902—1907 гг.). Ташкент, 1940, стр. 25—26.

[75] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, стр. 373.

[76] См. там же, стр. 81—84.

[77] Там же, стр. 267.

[78] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 9.

[79] «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 216.

[80] Там же, стр. 216—217.

[81] Там же, стр. 278.

[82] Там же, стр. 279.

[83] Там же, стр. 286—287.

[84] *О. А. Поздняков.* Местная печать большевистской партии в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.). Автореф. канд. дис. Л., 1958, стр. 16; *И. К. Апине.* Борьба Социал-демократии Латвии за интернациональное единство рабочего класса (1893—1917). Автореф. докт. дис. Рига, 1972; *С. Н. Караев.* Большевики Азербайджана в борьбе за интернациональное сплочение рабочего класса. Автореф. докт. дис. Баку, 1974.

[85] *О. А. Поздняков.* Указ. соч., стр. 13.

[86] Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. 89, оп. 1, д. 37681, л. 3.

[87] Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР (ЦГАОР), ф. 1741. Коллекция нелегальных изданий, д. 200, ч. 1, л. 21.

[88] *Л. И. Швецов.* Деятельность местных партийных организаций по интернациональному воспитанию рабочих России в 1912—1914 гг. — «Труды Каунасского политехнического института», т. X, тетрадь 4. Каунас, 1959, стр. И.

[89] ЦГАОР, ф. 102, оп. 11, д. 23, ч. 20, 1910 г., л. 5 а; ф. 1741, оп. 2, д. 242, л. 26; «Очерки истории Коммунистической партии Эстонии», ч. 1. Таллин, 1961, стр. 147—148.

[90] «Пролетарий» № 1, 27 (14) мая 1905 г.; ««Вперед» и «Пролетарий». Первые большевистские газеты 1905 г.», вып. 3. Л.—М., 1925, стр. 19; «Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.», ч. 1, стр. 475; «Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.», стр. 38.

[91] *С. Н. Караев.* Большевики Азербайджана в борьбе за интер-

национальное сплочение рабочего класса (1898—1910 гг.). Автореф. докт. дис. Баку, 1974, стр. 108.

92 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 9, стр. 334.

93 С. *Н. Караев.* Указ. соч., стр. 103.

94 «Вперед» № 11, 23 (10) марта 1905 г.

95 Кавказскими, и в частности бакинскими, татарами назывались азербайджанцы.

96 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 10, стр. 83.

97 «Листовки Кавказского союза РСДРП 1903—1905 гг.», стр. 279—280.

98 «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 115.

99 Там же.

100 См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 11, стр. 189—193.

101 «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 131.

102 «Пролетарий» № 20, 10 октября (27 сентября) 1905 г. — В кн.: ««Вперед» и «Пролетарий»», вып. 5. М.—Л., 1925, стр. 129.

103 «Пролетарий» № 19, 3 октября (20 сентября) 1905 г. — В кн.: ««Вперед» и «Пролетарий»», вып. 5, стр. 105.

104 «Листовки большевиков Украины периода первой русской революции (1905—1907 гг.)», стр. 270.

105 «Новая жизнь» № 3, 29 октября (И ноября) 1905 г. — В кн.: ««Новая жизнь». Первая легальная с.-д. большевистская газета. 27 октября — 3 декабря 1905 г.», вып. 1. Л., 1925, стр. 72; «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 115.

106 *И. К. Апине.* Борьба Социал-демократии Латвии за интернациональное единство рабочего класса (1893—1917). Автореф. докт. дис. Рига, 1972, стр. 47.

107 ЦГИА СССР, ф. 579, оп. 3, д. 190, л. 1—2.

108 *С. Н. Караев.* Указ. соч., стр. 103—104.

109 «Новая жизнь» № 3, 29 октября (И ноября) 1905 г. — В кн.: «Новая жизнь», вып. 1, стр. 72.

110 «Новая жизнь» № 7, 8 (21) ноября 1905 г. — В кн.: «Новая жизнь», вып. 1, стр. 18.

111 «Новая жизнь» № 6, 2 (15) ноября 1905 г. — В кн.: «Новая жизнь», вып. 1, стр. 152.

112 «Новая жизнь» № 5, 1 (14) ноября 1905 г. — В кн.: «Новая жизнь», вып. 1, стр. 129; № 6, 2 (15) ноября 1905 г. — Там же, стр. 136.

113 «Новая жизнь» № 8, 9 (22) ноября 1905 г. — В кн.: «Новая жизнь», вып. 2. Л., 1926, стр. 15.

114 «Новая жизнь» № 16, 18 ноября (1 декабря) 1905 г. — В кн.: «Новая жизнь», вып. 3. Л., 1926, стр. 53.

115 «Пролетарий» № 22, 24 (11) октября 1905 г.; ««Вперед» и «Пролетарий»», вып. 6. Л.—М., 1925, стр. 42.

116 *Я. С. Ильинский.* Роль русского рабочего класса в национальном освобождении Финляндии. — «Вопросы истории», 1953, № 12, стр. 66—67.

117 «Новая жизнь» № 1, 27 октября (9 ноября) 1905 г. — В кн.: «Новая жизнь», вып. 1, стр. 22.

118 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 219.

119 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 71—72.

120 См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 3.

121 «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 213.

122 Там же, стр. 216—217.

123 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 64.

124 Там же, стр. 65.

125 «Очерки истории Коммунистической партии Украины». Киев, 1961, стр. 132.

126 «Памятники агитационной литературы Российской социал-демократической партии», т. VI (1914—1917), вып. 1. М. — Пг., 1923, стр. 192

127 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 425.

128 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 66.

129 «Думский сборник 1. Государственная дума 1-го созыва...», стр. 34, 40, 45, 123.

130 «Эхо», 23 июня 1906 г.

131 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 280.

132 *Л. М. Иванов.* Революция 1905—1907 гг. на Украине. — «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России». М., 1949, стр. 134.

133 «Протоколы V съезда РСДРП». М., 1933, стр. 695, примечание 47.

134 «Дума народного гнева». Сб. док. Сост. М. Гурлянд. СПб., 1907, стр. 122.

135 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1906, стр. 51.

136 Там же, стр. 204.

137 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 224.

138 См. там же, стр. 224—227.

139 *Г. В. Хачапуридзе.* Революция 1905—1907 гг. в Грузии. — «Революция 1905—1907 гг. в национальных районах России»: М., 1949, стр. 532.

140 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1906, стр. 993, 1531.

141 См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 223, 280—281.

142 «Эхо», 30 июня 1906 г.

143 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 13, стр. 281.

144 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1906, стр. 1050, 1051.

145 Там же, стр. 1071.

146 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 1. СПб., 1907, стр. 126, 127.

147 Там же, стр. 125.

148 Там же, стр. 706—714.

149 Там же, стр. 779.

150 Там же, стр. 901.

151 Там же, стр. 112.

152 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 26.

153 См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 19, стр. 218—219.

154 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 3. Сессия 5», ч. 1. СПб., 1909, стр. 900.

155 «Третья Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности». СПб., 1912, стр. 150.

156 *Н. Н. Добротвор.* Рабочие депутаты в III Государственной думе. Горький, 1967, стр. 206.

157 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 3. Сессия 5», ч. 1. СПб., 1909, стр. 2499—2500.

158 Там же, ч. 2, стр. 606.

159 Там же, стр. 609—610.
160 Там же, стр. 247—248.
161 Там же, стр. 247—248.
162 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 3. Сессия 3», ч. 4. СПб., 1910, стр. 1094—1095.
163 Там же, стр. 1094—1095.
164 Там же, стр. 1106.
165 Там же, стр. 1509—1514, 2611—2619.
166 Там же, ч. 3, стр. 2783—2784.
167 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 3. Сессия 4», ч. 2. СПб., 1911, стр. 1573.
168 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 3. Сессия 5», ч. 4. СПб., 1912, стр. 3383.
169 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1913, стр. 262.
170 Там же, стр. 263.
171 Там же, стр. 264, 271, 268.
172 Там же, стр. 268.
173 Там же, стр. 296—297.
174 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 1, стр. 859.
175 Там же, стр. 855.
176 Там же, стр. 468—469.
177 Там же, стр. 359.
178 Там же, стр. 879.
179 Там же, стр. 603.
180 Там же, стр. 870, 871.
181 Там же, стр. 800.
182 Там же, стр. 370—372, 374, 375.
183 Там же, стр. 339, 349, 352.
184 Там же, стр. 336, 339.
185 Там же, стр. 1577—1578, 1581—1582.
186 Там же, стр. 1584.
187 Там же, стр. 380.
188 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 22, стр. 199.
189 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 1, стр. 662.
190 «Большевистская фракция IV Государственной думы». Сб. матер. и док. Л., 1938, стр. 574—575.
191 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1913, стр. 1779—1780.
192 Там же, стр. 1788.
193 Там же.
194 Там же, стр. 1785.
195 Там же, стр. 1789.
196 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 16—18.
197 Там же, стр. 85.
198 Там же, стр. 85—86.
199 Там же, стр. 86.
200 Там же, стр. 64—72, 135—137.
201 «Правда», 14 (27) апреля 1913 г.

Глава 3

1 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 403.
2 См. там же.
3 Там же, стр. 403—404.
4 Там же, стр. 405.
5 Там же, стр. 406.
6 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 1. СПб., 1907, стр. 1485.
7 Там же, ч. 2, стр. 49.
8 Там же, стр. 50.
9 *Л. Ф. Скляров.* Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962, стр. 276.
10 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1906, стр. 203—204.
11 *Л. Ф. Скляров.* Указ. соч., стр. 278, 279.
12 Там же, стр. 280, 286.
13 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 1. СПб., 1907, стр. 1791.
14 Там же, стр. 645.
15 Там же, стр. 1955.
16 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1906, стр. 1037.
17 Там же, стр. 992.
18 Там же, стр. 1694—1695.
19 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 1. СПб., 1907, стр. 650.
20 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 390. (Под стокгольмской лекцией Плеханова и Джона В. И. Ленин подразумевает выступления Плеханова и Маслова на IV съезде РСДРП о муниципализации земли.)
21 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 1. СПб., 1907, стр. 1501.
22 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1906, стр. 451, 453—454.
23 Там же, стр. 529—530.
24 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 222.
25 *См. В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 15, стр. 568.
26 *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 406.
27 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1906, стр. 196.
28 Там же, ч. 2, стр. 1502, 1503.
29 Там же, ч. 1, стр. 109.
30 Там же, ч. 2, стр. 873—874.
31 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 1. СПб., 1907, стр. 743, 745.
32 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1906, стр. 563.
33 Там же, стр. 656, 657.
34 «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 2. СПб., 1907, стр. 1213, 1215.
35 Там же, ч. 1, стр. 638—641.
36 Там же, стр. 641—643.
37 Там же, стр. 651.

[38] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 389.
[39] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 2. СПб., 1907, стр. 1789, 1794.
[40] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 14, стр. 287—288; т. 16, стр. 381—385.
[41] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 1. СПб., 1907, стр. 644—646.
[42] Там же, стр. 674—675.
[43] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1906, стр. 882—883.
[44] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 2. СПб., 1907, стр. 1318.
[45] «КПСС в резолюциях. . .», т. 1. М., 1970, стр. 442.
[46] Там же.
[47] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 2. СПб., 1907, стр. 1232.
[48] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 393.
[49] См. там же.
[50] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1906, стр. 581—582.
[51] Там же, стр. 851.
[52] Там же, стр. 842.
[53] Там же, стр. 871—872.
[54] Там же, стр. 623, 624.
[55] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 2. СПб., 1907, стр. 1620, 1621.
[56] Там же, стр. 1622—1623.
[57] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1906, стр. 867.
[58] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 2. СПб., 1907, стр. 1954.
[59] Там же, стр. 1968, 1970—1971.
[60] Там же, стр. 1485.
[61] Там же, стр. 1931 — 1932, 1934.
[62] «Государственная дума в России». Сб. док. М., 1955, стр. 230—231.
[63] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1906, стр. 197.
[64] «Государственная дума в России», стр. 232.
[65] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1906, стр. 620.
[66] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 391.
[67] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1906, стр. 621.
[68] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 392.
[69] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1906, стр. 463—464.
[70] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 16, стр. 393—394.
[71] Там же, стр. 410.
[72] Там же, стр. 410—411.
[73] Там же, стр. 394—395.
[74] *М. Малабаев.* Партийная организация Киргизии в борьбе за развитие промышленности в реконструктивный период. Фрунзе, 1967, стр. 15—16.

[75] «Союз Советских Социалистических Республик. 1917—1967». Энциклопедический справочник. М., 1967, стр. 124, 126; «История рабочих Ленинграда». Л., 1972, стр. 390—391; «Большая советская энциклопедия», т. 24. М., 1953, стр. 519.
[76] «Советская социалистическая экономика». М., 1957, стр. 509.
[77] *А. К. Кошик.* Рабочее движение на Украине в годы первой мировой войны и Февральской революции. Киев, 1965, стр. 15—16, 21.
[78] *Ю. Н. Нетесин.* К вопросу о численности и составе пролетариата Латвии перед первой мировой войной. М., 1959, стр. 7.
[79] «Очерки истории Коммунистической партии Эстонии», ч. 1. Таллин, 1961, стр. 150.
[80] *С. Н. Караев.* Большевики Азербайджана в борьбе за интернациональное сплочение рабочего класса (1888—1910 гг.). Автореф. докт. дис. Баку, 1974, стр. 12.
[81] «Народное хозяйство Белорусской ССР за 40 лет». Минск, 1957, стр. 8.
[82] *М. Мешкаускене.* Экономическое положение Литвы накануне первой мировой войны (1900—1913). Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1964, стр. 6.
[83] *В. Лаврентьев.* Капитализм в Туркестане (буржуазная колонизация Средней Азии). [Б. м.], 1930, стр. 136; *Д. И. Манжара.* Революционное движение в Средней Азии. 1905—1920. Воспоминания. Ташкент, 1934, стр. 10.
[84] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 107.
[85] Там же.
[86] *И. И. Саладков.* Социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции (конец XIX — начало XX в.). Минск, 1957, стр. 27—28.
[87] *Т. С. Мельникова.* Формирование промышленных кадров в Узбекистане. Ташкент, 1956, стр. 21—22.
[88] *Г. В. Хачапуридзе.* Революция 1905—1907 гг. в Грузии. — «Революция 1905—1907 годов в национальных районах России». М., 1949, стр. 290.
[89] *А. Турсунбаев.* Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967, стр. 45, 46.
[90] Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР (ЦГИА УзССР), ф. 1, оп. 12, д. 1758, л. 1.
[91] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 4, стр. 433.
[92] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Соч., т. 16, стр. 10, 12.
[93] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 2, стр. 84.
[94] Там же, стр. 85—86.
[95] *У. А. Шустер.* Революция 1905—1907 гг. в Польше. — «Революция 1905—1907 годов в национальных районах России». Сб. ст. М., 1949, стр. 198, 200.
[96] *П. Г. Дауге.* Революция 1905—1907 гг. в Латвии. — Там же, стр. 260.
[97] *Л. М. Иванов.* Революция 1905—1907 гг. на Украине. — Там же, стр. 90.
[98] «Протоколы конференции Российских национально-социалистических партий. 16—20 апреля 1907 г.» СПб., 1908, стр. 99, 103—104, 106, 113—114, 118, 122.
[99] «Правда», 25 января 1913 г.
[100] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 104.

[101] «Правда», 22 апреля 1914 г.; ЦПА ИМЛ, ф. 70, оп. 3, д. 390, л. 3.
[102] «Очерки истории Коммунистической партии Украины». Киев, 1961, стр. 127.
[103] «Северная правда», 3 августа 1913 г.
[104] «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», ч. 1 (1883—1921 гг.). Тбилиси, 1957, стр. 207—210.
[105] *А. Бадаев.* Большевики в Государственной думе. Воспоминания. М., 1939, стр. 228—230, 234—236.
[106] Там же, стр. 237, 240.
[107] «Союз Советских Социалистических Республик». Энциклопедический справочник, стр. 126.
[108] «Очерки истории Коммунистической партии Украины», стр. 139; ЦГАОР, ф. 1741, оп. 2, д. 200, ч. 1, л. 16.
[109] «Очерки истории Коммунистической партии Белоруссии», ч. 1 (1893—1920 гг.). Минск, 1961, стр. 187.
[110] ЦГАОР, ф. 1741, оп. 2, д. 200, ч. 1, л. 16.
[111] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2. М., 1966, стр. 462.
[112] «Трудовая правда», 4 июля 1914 г.
[113] «История Коммунистической партии Советского Союза», т. 2, стр. 462—463; «Большая советская энциклопедия», т. 4. М., 1950, стр. 91; «Очерки истории Коммунистической партии Украины», стр. 140; «Очерки истории Коммунистической партии Эстонии», ч. 1, стр. 196; «Очерки истории Коммунистической партии Грузии», ч. 1, стр. 257; «Очерки истории Коммунистической партии Латвии», т. 1, Рига, 1962, стр. 274—275.
[114] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1906, стр. 187, 214.
[115] «Думский сборник 1». СПб., 1907, стр. 67; «Дума народного гнева». Сб. док. Сост. М. Гурлянд. СПб., 1907, стр. 114.
[116] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 1. СПб., 1907, стр. 132—136.
[117] Там же, стр. 618.
[118] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1906, стр. 1270.
[119] *М. П. Казачок.* Борьба партии большевиков за интернациональное единство всероссийского пролетариата в годы нового революционного подъема. М., 1963, стр. 46, 47.
[120] *А. Бадаев.* Указ. соч., стр. 98.
[121] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1913, стр. 1562—1563, 1577.

Глава 4

[1] «Итоги и перспективы». Сб. ст. М., 1906, стр. 91—92.
[2] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 1. СПб., 1907, стр. 142.
[3] Там же, стр. 143.
[4] *А. Зурабов.* Вторая дума. Воспоминания. СПб., 1908, стр. 111.
[5] «Союз равных». Справочник. М., 1972, стр. 92, 132, 153, 239, 245.
[6] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 1. СПб., 1907, стр. 148.

[7] Там же, стр. 159.
[8] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1913, стр. 1784.
[9] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 1. СПб., 1907, стр. 166.
[10] Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР (ЦГИА УзССР), ф. 18, оп. 1, д. 2864, л. 9.
[11] ЦГИА УзССР, ф. 1, оп. 12, д. 1740, л. 1—6.
[12] ЦГИА УзССР, ф. 17, оп. 1, д. 31 329, л. 53; ф. 18, оп. 1, д. 2864, л. 12.
[13] ЦГИА УзССР, ф. 2, оп. 2, д. 475, л. 3—5, 9—10, 19.
[14] ЦГИА УзССР, ф. 18, оп. 1, д. 2864, л. 9—10.
[15] *Ал. Никольский.* К вопросу о современном национальном возрождении литовцев и отношение их к русским и полякам. Смоленск, 1908, стр. 26.
[16] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 2. Сессия 2», ч. 2. СПб., 1907, стр. 951—952.
[17] Там же, стр. 166—179.
[18] Там же, стр. 168.
[19] Там же, стр. 174—175.
[20] Там же, стр. 150.
[21] Там же, стр. 157—158.
[22] Там же, стр. 165.
[23] Там же, стр. 179.
[24] Там же, стр. 180—183.
[25] Там же, стр. 183—186.
[26] Там же, стр. 181—186.
[27] Там же, стр. 921.
[28] См. *В. И, Ленин.* Полн. собр. соч., т. 17, стр. 433, 435.
[29] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 3. СПб., 1913, стр. 1127.
[30] Там же, стр. 428.
[31] Там же, стр. 470.
[32] Там же, стр. 470—472.
[33] «Большевистская фракция в IV Государственной думе». Л., 1938, стр. 368.
[34] Там же, стр. 367.
[35] Там же, стр. 368.
[36] Там же, стр. 369—373.
[37] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 2. СПб., 1913, стр. 1544—1546.
[38] Там же, стр. 1595—1596.
[39] Там же, стр. 1598—1599.
[40] Там же, стр. 866—868.
[41] Там же, стр. 869.
[42] Там же, стр. 268—269, 486.
[43] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 129.
[44] См. там же, стр. 118, 130; т. 23, стр. 318.
[45] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 318.
[46] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 120.
[47] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 146.
[48] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 23, стр. 317.
[49] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 25, стр. 146.
[50] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 24, стр. 295.

[51] Там же, стр. 293.
[52] Там же, стр. 294.
[53] Там же, стр. 294—295.
[54] Там же, стр. 133.
[55] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 48, стр 233—236, 288—291, 302—303.

Глава 5

[1] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. VII.
[2] См. там же, стр. 316.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 441.
[4] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 312—313.
[5] Там же, стр. 28.
[6] Там же, стр. 312.
[7] Там же, стр. 313.
[8] Там же, стр. 313—314.
[9] Там же, стр. 314.
[10] См. там же, стр. 31.
[11] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 63
[12] См. там же.
[13] См. там же, стр. 61.
[14] См. там же, стр. 383.
[15] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 383.
[16] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 62.
[17] Там же, стр. 255.
[18] См. там же, стр. 256.
[19] См. там же, стр. 265—266.
[20] Там же, стр. 256.
[21] См. там же, стр. 257.
[22] См. там же, стр. 438.
[23] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 6—7.
[24] Там же, стр. 51.
[25] Там же, стр. 17—58.
[26] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т 27, стр. 459—461.
[27] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 2.
[28] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 434—444; т. 30, стр. 1—58, 77—130.
[29] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 24.
[30] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 254.
[31] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 116—117.
[32] Там же, стр. 112.
[33] См. там же, стр. 128, 129.
[34] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 441.
[35] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 112.
[36] Там же, стр. 13.
[37] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 442.
[38] Там же.
[39] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 21.
[40] Там же, стр. 22.
[41] Там же, стр. 36.
[42] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 438.
[43] Там же, стр. 441.

[44] См. там же, стр. 464.
[45] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 30, стр. 73—74.
[46] Там же, стр. 44.
[47] Там же, стр. 44—45.
[48] «Государственная дума Стенографический отчет Созыв 4. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1913, стр. 370—371.
[49] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 26, стр. 329.
[50] Там же, стр. 330.
[51] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 1», ч. 1. СПб., 1913, стр. 55.
[52] *И. К. Апине.* Борьба Социал-демократии Латвии за интернациональное единство рабочего класса (1893—1917). Автореф. докт. дис. Рига, 1972, стр. 50—52.
[53] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 3», ч. 1. СПб., 1915, стр. 10.
[54] Там же, стр. 14,
[55] Там же, стр. 30—35.
[56] Там же, стр. 135.
[57] Там же, стр. 138.
[58] Там же, стр. 49—50.
[59] Там же, стр. 46.
[60] «Национальные проблемы» (М.), 1915, № 1, стр. 1.
[61] Там же, стр. 42.
[62] Там же, стр. 2.
[63] Там же, стр. 1.
[64] Там же, стр. 8.
[65] Там же, стр. 5,
[66] Там же, стр. 1.
[67] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 4», ч. 1. СПб., 1915, стр. 9.
[68] Там же.
[69] Там же, стр. 58.
[70] Там же, стр. 89.
[71] Там же, стр. 94.
[72] Там же, стр. 124—129.
[73] Там же, стр. 155.
[74] Там же, стр. 173.
[75] Там же, стр. 187.
[76] Там же.
[77] Там же, стр. 180.
[78] Там же, стр. 177.
[79] Там же, стр. 162, 167.
[80] Там же, стр. 168.
[81] Там же, стр. 169.
[82] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 27, стр. 26—27.
[83] «Партия большевиков в годы первой мировой войны. Свержение монархии в России». Под ред. С. И. Мурашова. М., 1963, стр. 114.
[84] Там же, стр. 158.
[85] «История Коммунистической партии Азербайджана», ч. 1. Баку, 1958, стр. 228.
[86] «Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 4. Сессия 5», ч. 1. СПб., 1916, стр. 107.
[87] Там же, стр. 138.
[88] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 156.

[89] «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. VII. М., 1967, стр. 23.

[90] ЦГАОР, ф. 6, оп. I, д. 980, л. 1; *Мирза-Давуд Гусейнов.* Тюркская демократическая партия «Мусават». Тифлис, 1927, стр. 20—29; «Великая Октябрьская социалистическая революция. Док. и матер. Революционное движение в России в апреле 1917 г.» М., 1958, стр. 691; С. *Авалиани.* Национальный вопрос в России и его решение в программах политических партий. Пг., 1917, стр. 9—11; *И. Н. Ананов.* Судьба Армении. М., 1918, стр. 29—30; С. Ф. *Кечекьян.* Национальный вопрос на Западе и в России. М., 1917, стр. 16—25, 32.

[91] *Н. Н. Попов.* Октябрьская революция и национальный вопрос. М. — Л., 1927, стр. 28.

[92] «I Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов», т. II. М. — Л., 1931, стр. 169.

[93] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 167—168.

[94] См. там же, стр. 167.

[95] «Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков)». М., 1958, стр. 215.

[96] Там же, стр. 213—216, 282.

[97] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 433—434, 435.

[98] «КПСС в резолюциях...», т. 1, стр. 449.

[99] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 32, стр. 7.

[100] См. *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 31, стр. 193.

[101] См. там же, стр. 194.

[102] См. там же, стр. 195.

[103] См. там же, стр. 195, 200.

[104] См. там же, стр. 195.

[105] См. там же, стр. 166.

[106] Там же, стр. 200.

Заключение

[1] *Л. И. Брежнев.* О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1972, стр. 11—12.

[2] *В. И. Ленин.* Полн. собр. соч., т. 35, стр. 288.

[3] *Э. Баграмов.* Развитие КПСС марксистско-ленинского учения о национальных отношениях. — «Коммунист», 1973, № 4, стр. 40.

[4] *Л. И. Брежнев.* О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик, стр. 21.

[5] «Новое время», 1972, № 37, стр. 33.

[6] *Л. И. Брежнев.* Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., 1976, стр. 90.

[7] Там же, стр. 90—91.

[8] «Правда», 2 марта 1976 г.; «Правда», 14 декабря 1975 г.

[9] Там же.

[10] «Правда», 26 февраля 1976 г.

[11] *Л. И. Брежнев.* Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года, стр. 38.

Библиография

Труды основоположников марксизма-ленинизма

Маркс К. и *Энгельс Ф.* Манифест Коммунистической партии. — *К. Маркс* и Ф. *Энгельс.* Соч., т. 4, с. 419—447, 458—459.

Маркс К. Учредительный Манифест Международного Товарищества Рабочих... — *К. Маркс* и Ф. *Энгельс.* Соч., т. 16, с. 3—11.

Маркс К. Временный Устав Товарищества. — *К. Маркс* и Ф. *Энгельс.* Соч., т. 16, с. 12—15.

Маркс К. Конфиденциальное сообщение. — *К. Маркс* и Ф. *Энгельс.* Соч., т. 16, с. 429—441.

Энгельс Ф. О разложении феодализма и возникновении национальных государств. — *К. Маркс* и Ф. *Энгельс.* Соч., т. 21, с. 406—416.

Ленин В. И. Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов? — Полн. собр. соч., т. 1, с. 152—161.

Ленин В. И. Развитие капитализма в России. — Полн. собр. соч., т. 3, с. 55—58, 553—602.

Ленин В. И. Нужна ли «самостоятельная политическая партия» еврейскому пролетариату. — Полн. собр. соч., т. 7, с. 117—122.

Ленин В. И. Национальный вопрос в нашей программе. — Полн. собр. соч., т. 7, с. 233—242.

Ленин В. И. Положение Бунда в партии. — Полн. собр. соч., т. 8, с. 65—76.

Ленин В. И. Первое мая. — Полн. собр. соч., т. 10, с. 81—84.

Ленин. В. И. К еврейским рабочим. — Полн. собр. соч., т. 10, с. 266—269.

Ленин В. Я, Две тактики социал-демократии в демократической революции. — Полн. собр. соч., т. 11, с. 1—131.

Ленин В. И. Черные сотни и организация восстания. — Полн. собр. соч., т. И, с. 189—193.

Ленин В. И. Социализм и анархизм. — Полн. собр. соч., т. 12, с. 129—132.

Ленин В. И. Социализм и религия. — Полн. собр. соч., т. 12, с. 142—147.

Ленин В. И. Крестьянская или «трудовая» группа и РСДРП. — Полн. собр. соч., т. 13, с. 95—98.

Ленин В. И. Горемычники, октябристы и кадеты. — Полн. собр. соч., т. 13, с. 126—127.

Ленин В. И. Кадеты, трудовики и рабочая партия. — Полн. собр. соч., т. 13, с. 143—147.

Ленин В. И. Эсеровские меньшевики. — Полн. собр. соч., т. 13, с. 396—406.

Ленин В. И. Опыт классификации русских политических партий. — Полн. собр. соч., т. 14, с. 21—27.

Ленин В. И. Проект речи по аграрному вопросу во второй Государственной думе. — Полн. собр. соч., т. 15, с. 127—160.

Ленин В И. К вопросу об общенациональной революции. — Полн. собр. соч., т. 15, с. 276—280.

Ленин В. И. Отношение к буржуазным партиям. — Полн. собр. соч., т. 15, с. 368—388.

Ленин В. И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте. — Полн. собр. соч., т. 16, с. 67—74.

Ленин В. И. Международный социалистический конгресс в Штутгарте. — Полн. собр. соч., т. 16, с. 79—89.

Ленин В. И. Аграрная программа социал-демократии в первой русской революции 1905—1907 годов. — Полн. собр. соч., т. 16, с. 193—413.

Ленин В. И. Классы и партии в их отношении к религии и церкви. — Полн. собр. соч., т. 17, с. 429—438.

Ленин В. И. Царь против финского народа. — Полн. собр. соч., т. 19, с. 127—130.

Ленин В. И. Поход на Финляндию. — Полн. собр. соч., т. 19, с. 218—222.

Ленин В. И. Юбилейному номеру «Zihna». — Полн. собр. соч., т. 19, с. 305—309.

Ленин В. И. Политические партии за 5 лет третьей Думы. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 167—172.

Ленин В. И. Либерализм и демократия. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 237—246.

Ленин В. И. Трудовики и рабочая демократия. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 267—274.

Ленин В. И. Политические партии в России. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 275—287.

Ленин В. И. Сравнение столыпинской и народнической аграрной программы. — Полн. собр. соч., т. 21, с 380—386.

Ленин В. И. Кадеты и демократия. — Полн. собр. соч., т. 21, с. 471—472.

Ленин В. И. Кадеты и националисты. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 157—158.

Ленин В. И. К вопросу о рабочих депутатах в Думе и их декларации. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 202—206.

Ленин В. И. «Примирение» националистов с кадетами. — Полн. собр. соч., т. 22, с. 242—243.

Ленин В. И. Национал-либералы. — Полн. собр. соч., т. 22, с 244-246.

Ленин В. И. Веховцы и национализм. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 110—111.

Ленин В. И. Сепаратисты в России и сепаратисты в Австрии. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 123—124.

Ленин В. И. К вопросу о политике Министерства народного просвещения. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 125—135.

Ленин В. И. Рабочий класс и национальный вопрос. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 149—150.

Ленин В. И. Оценка IV Думы.—Полн. собр. соч., т. 23, с. 158—159.

Ленин В. И. Проект платформы к IV съезду Социал-демократии Латышского края. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 203—211.

Ленин В. И. Доказала ли «Правда» сепаратизм бундовцев? — Полн. собр. соч., т. 23, с. 225—226.

Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 314—322.

Ленин В. И. Кадеты об украинском вопросе. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 337—338.

Ленин В. И. Отделение либерализма от демократии. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 370—372.

Ленин В. И. Национализация еврейской школы. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 375—376.

Ленин В. И. Либералы и демократы в вопросе о языках. — Полн. собр. соч., т. 23, с. 423—426.

Ленин В. И. Как епископ Пикон защищает украинцев? — Полн. собр. соч., т. 24, с. 8—10.

Ленин В. И. О черносотенстве. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 18—19.

Ленин В. И. Критические заметки по национальному вопросу. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 113—150.

Ленин В. И. О «культурно-национальной» автономии. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 174—178.

Ленин В. И. Кадеты о «праве народов на самоопределение». — Полн. собр. соч., т. 24, с. 208—210.

Ленин В. И. Национальный состав учащихся в русской школе. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 219—222.

Ленин В. И. О национальной программе РСДРП. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 223—229.

Ленин В. И. Еще о разделении школьного дела по национальностям. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 236—238.

Ленин В. И. Национал-либерализм и право наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 247—249.

Ленин В. И. «Новое время» и «Речь» о праве самоопределения наций. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 257—258.

Ленин В. И. Нужен ли обязательный государственный язык? — Полн. собр. соч., т. 24, с. 293—295.

Ленин В. И, К истории национальной программы в Австрии и в России. — Полн. собр. соч., т. 24, с. 313—315.

Ленин В. И. Еще о «национализме». — Полн собр. соч., т. 24, с. 324—326.

Ленин В. И. Законопроект о национальном равноправии. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 16—18.

Ленин В. И. К вопросу о национальной политике. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 64—72.

Ленин В. И. Национальное равноправие. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 85—86.

Ленин В. И. Проект закона о равноправии наций и о защите прав национальных меньшинств. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 135—137.

Ленин В. И. О праве наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 255—320.

Ленин В. И. Отклик рабочих на образование Российской социал-демократической рабочей фракции в Государственной думе. — Полн. собр. соч., т. 25, с. 406—413.

Ленин В. И. Задачи революционной социал-демократии в европейской войне. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 1—7.

Ленин В. И. Война и Российская социал-демократия. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 13—23.

Ленин В. И. Реферат на тему «Пролетариат и война» 1 (14) октября 1914 г. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 27—35.

Ленин В. И. О национальной гордости великороссов. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 106—110.

Ленин В. И. Крах II Интернационала. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 209—265.

Ленин В. И. Социализм и война. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 307—350.

Ленин В. И. О лозунге Соединенных Штатов Европы. — Полн. собр. соч., т. 26, с. 351—355.

Ленин В. И. Революционный пролетариат и право наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 61—68.

Ленин В. И. О мире без аннексий и о независимости Польши, как лозунгах дня в России. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 246—249.

Ленин В. И. Социалистическая революция и право наций на самоопределение. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 252—266.

Ленин В. И. Империализм, как высшая стадия капитализма. — Полн. собр. соч., т. 27, с. 299—426.

Ленин В. И. Материалы к реферату «Империализм и право наций на самоопределение». — Полн. собр. соч., т. 27, с. 434—444.

Ленин В. И. О брошюре Юниуса. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 1—16.

Ленин В. И. Итоги дискуссии о самоопределении. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 17—58.

Ленин В. И. О рождающемся направлении «империалистического экономизма». — Полн. собр. соч., т. 30, с. 59—67.

Ленин В. И. Ответ П. Киевскому (Ю. Пятакову). — Полн. собр. соч., т. 30, с. 68—74.

Ленин В. И. О карикатуре на марксизм и об «империалистическом экономизме». — Полн. собр. соч., т. 30, с. 77—130.

Ленин В. И. Военная программа пролетарской революции. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 131—143.

Ленин В. И. Статистика и социология. — Полн. собр. соч., т. 30, с. 349—356.

Ленин В. И. Задачи пролетариата в нашей революции. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 149—186.

Ленин В. И. Против погромщиков. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 227—230.

Ленин В. И. Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП(б) 24—29 апреля (7—12 мая) 1917 г. — Полн. собр. соч., т. 31, с. 339—453.

Ленин В. И. Финляндия и Россия. — Полн. собр. соч., т. 32, с. 4—7.

Ленин В. И. Не демократично, гражданин Керенский! — Полн. собр. соч., т. 32, с. 253—254.

Ленин В. И. Украина. — Полн. собр. соч., т. 32, с. 341—342.

Ленин В. И. Украина и поражение правящих партий России. — Полн. собр. соч., т. 32, с. 350—352.

Ленин В. И. Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов 25—26 октября (7—8 ноября) 1917 г. — Полн. собр. соч., т. 35, с. 7—29.

Ленин В. И. Манифест к украинскому народу с ультимативными требованиями к Украинской раде. — Полн. собр. соч., т. 35, с. 143—145.

Ленин В. И. Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа. — Полн. собр. соч., т. 35, с. 221—223.

Ленин В. И. И. А. Пятницкому. — Полн. собр. соч., т. 48, с. 145—148.

Ленин В. И. А. М. Горькому. — Полн. собр. соч., т. 48, с. 160—163.

Ленин В. И. Л. Б. Каменеву. — Полн. собр. соч., т. 48, с. 171—173.

Ленин В. И. И. Э. Герману. — Полн. собр. соч., т. 48, с. 178.

Ленин В. И. И. Рудису-Гипслису — Полн. собр. соч., т. 48, с. 185—186.

Ленин В. И. М. С. Ольминскому. — Полн. собр. соч., т. 48, с. 191—193.

Ленин В. И. В. М. Каспарову. — Полн. собр. соч., т. 48, с. 197.

Ленин В. И. Г. И. Сафарову. — Полн. собр. соч., т. 48, с. 202—203.

Ленин В. И. О. Н. Лоле. — Полн. собр. соч., т. 48, с. 203—204.

Ленин В. И. С. Г. Шаумяну. — Полн. собр. соч., т. 48, с. 233—236.

Ленин В. И. С. Г. Шаумяну — Полн. собр. соч., т. 48, с. 288—291.

Документы и материалы КПСС и Советского правительства

«КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК». Изд. 8-е, доп. и испр., т. 1. 1898—1917. М., 1970.

Л. И. Брежнев. Отчет Центрального Комитета КПСС и очередные задачи партии в области внутренней и внешней политики. Доклад XXV съезду КПСС 24 февраля 1976 года. М., 1976.

«Третий съезд РСДРП. Апрель — май 1905 г.». Протоколы. М., 1959.

«Четвертый (Объединительный) съезд РСДРП. Апрель (апрель — май) 1906». Протоколы. М., 1959.

«Пятый (Лондонский) съезд РСДРП. Апрель — май 1907». Протоколы. М., 1963.

«Седьмая (Апрельская) Всероссийская конференция РСДРП (большевиков). Петроградская общегородская конференция РСДРП (большевиков). Апрель 1917 г.». Протоколы. М., 1958.

«Шестой съезд РСДРП (большевиков). Август 1917 года». М., 1958.

«Листовки большевистских организаций в первой русской революции 1905—1907 гг.» Сб. в трех частях. М., 1956.

«Листовки московских большевиков в период первой русской революции». М., 1955.

«Петербургские большевики в период подъема первой русской революции 1905—1907 гг.». Сб. док. и матер. М., 1955.

«Листовки петербургских большевиков 1902—1917 гг.», т. 1—2. М., 1939.

«Листовки большевиков Украины периода первой русской революции (1905—1907 гг.)». Киев, 1955.

«Прокламации большевистских организаций Закавказья 1905—1906 гг.». Тбилиси, 1940.

«Листовки социал-демократических организаций Латвии в период первой русской революции». Рига, 1956.

«Социал-демократия Польши и Литвы в революции 1905 г.». Сб. документов. М., 1956.

«Листовки Кавказского союза РСДРП (1903—1905 гг.)». М., 1955.

«Листовки бакинских большевиков 1905—1907 гг.». Баку, 1955.

«Листовки казанских большевиков в период первой русской революции 1905—1907 гг.». Казань, 1955.

«Большевики Украины в период между первой и второй буржуазно-демократическими революциями в России (июнь 1907 — февраль 1917 г.)». Сб. док. и матер. Киев, 1960.

«Большевики в годы империалистической войны. 1914 — февраль 1917 гг.». Сборник документов местных большевистских организаций. Л., 1939.

«Петроградский пролетариат и большевистская организация в годы империалистической войны. 1914—1917 годы». Сб. матер. и док. Л., 1939.

«Памятники агитационной литературы РСДРП», т. 6 (1914—1917). Период войны». Вып. 1. Прокламации 1914 г. М. — Пг., 1923.

«Революция 1905—1907 гг. в России». Док. и матер. (т. 1—16). М.—Л., 1955—1963.

«Большевистская фракция IV Государственной думы». Сб. матер. и док. Л., 1938.

«Великая Октябрьская социалистическая революция в документах», т. 1—8. М., 1962.

«История Советской Конституции». Сб. док. 1917—1957. М., 1957.

«Союз равных. 1922—1972». Справочник. М., 1972.

«Союз Советских Социалистических Республик. 1917—1967». Энциклопедический справочник. М., 1967.

Произведения руководящих деятелей КПСС

Брежнев Л. И. О пятидесятилетии Союза Советских Социалистических Республик. М., 1973.

Дзержинский Ф. Э. Избранные произведения. В двух томах. Т. 1. 1897—1923 гг. М., 1957.

Кингисепп В. К вопросам культуры. Сборник избранных статей (1913—1914 гг.). Таллин. 1956.

Орджоникидзе Г. К. Статьи и речи. В двух томах. Т. 1, 1910—1926. М., 1956.

Спандарян С. С. Статьи, письма и документы (1904—1916 гг.). М., 1958.

Шаумян С. Г. Избранные произведения. В двух томах. Т. 1. 1902—1916. М., 1957.

Периодические издания

«Вперед». Женева. 22 декабря 1904 г. (4 января 1905 г.) — 5(18) мая 1905 г. № 1—18. Перепечатка в кн.: ««Вперед» и «Пролетарий». Первые большевистские газеты 1905 г.». Полн. текст под ред. Истпарта и со вступ. статьей М. Ольминского. Вып. 1—2. М., 1924.

«Пролетарий». Центральный Орган РСДРП. Женева. 14(27) мая — 12(25) ноября 1905 г. № 1—26. Перепечатка в кн.: ««Вперед» и «Пролетарий». Первые большевистские газеты 1905 года». Полн. текст под ред. Истпарта и со вступ. статьей М. Ольминского. Вып. 3—6. М., 1924—1925.

«Новая жизнь». Петербург. 27 октября — 3 декабря 1905 г. № 1—28. Перепечатка в кн.: ««Новая жизнь». Первая легальная с.-д. большевистская газета. 27 октября — 3 декабря 1905 г.». Полн. текст под ред. и с предисл. М. Ольминского и со вступ. статьями Л. Красина, М. Литвинова, И. Гуковского и Е. Смиттен. Вып. 1—4. Л., 1925—1926.

«Волна» (Пб.), 26 апреля — 24 мая 1906 г. № 1—25.

«Эхо» (Пб.), 22 июня — 7 июля 1906 г. № 1—14.

«Пролетарий» (Выборг — Женева — Париж). 21 августа 1906 г. — 28 ноября (11 декабря) 1909 г. № 1—50.

«Социал-демократ». Центральный орган РСДРП (Вильно — Пб. и Париж — Женева). Февраль 1908 г. — 31 января 1917 г. № 1—58. Перепечатка (частично) в кн.: «Социал-демократ» № 1—58. 1908—1917 гг. Полн. текст под общ. ред. Н. Л. Мещерякова. Вып. 1—4. М., 1933—1934.

«Рабочая газета» (Париж). 30 октября (12 ноября) 1910 г. — 30 июля (12 августа) 1912 г. № 1—9.

«Звезда» (Пб.). 16 декабря 1910 г. — 22 апреля 1912 г. № 1—33 (69). Перепечатка в кн.: «Звезда» № 1—96. 1910—1912 гг. Полн. текст под общ. ред. М. А. Савельева. Вып. 1—6, № 1—33(69). М., 1932—1933.

«Правда». Ежедневная рабочая газета (Пб.). 22 апреля 1912 г. — 8 июля 1914 г. Перепечатка в кн.: «Правда» № 1—204, 1912 г. Полн. текст под общ. ред. М. С. Ольминского, М. А. Савельева. Вып. 1—4, 7. М., 1933—1934; «Правда» № 1—289. Полн. текст под общ. ред. М. С. Ольминского и М. А. Савельева. Вып. 3, 8 (М.), 1934—1935.

«Мысль». Ежемесячный философский и общественно-экономический журнал (М.). Декабрь 1910 — апрель 1911, № 1—5.

«Просвещение». Ежемесячный общественно-политический и литературный журнал марксистского направления (Пб.). Декабрь 1911 — июнь 1914 гг.

Исследования

Апине И. К. Борьба социал-демократии Латвии за интернациональное единство рабочего класса (1893—1917). Автореф. докт. дис. Рига, 1972.

Баграмов Э. Развитие КПСС марксистско-ленинского учения о национальных отношениях. — «Коммунист», 1973, № 4.

Бадаев А. Е. Большевики в Государственной думе. Воспоминания. Изд. 8-е. М., 1954.

Бережной А. Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны. Л., 1975.

Грошев И. И. Исторический опыт СССР по осуществлению ленинской национальной политики. М., 1962; *его же.* Борьба против буржуазного национализма. М., 1974.

Добротвор П. М. Рабочие депутаты в III Государственной думе. Горький, 1957.

Дякин В. С. Русская буржуазия и царизм в годы первой мировой войны (1914—1917 гг.). Л., 1967.

Зурабов А. Вторая дума. Воспоминания. СПб., 1908.

Ильинский Я. С. Роль русского рабочего класса в национальном освобождении Финляндии. — «Вопросы истории», 1963, № 12.

«История СССР с древнейших времен до наших дней». Т. VII. М., 1967.

«Итоги и перспективы». Сб. статей. М., 1906.

Караев С. Н. Большевики Азербайджана в борьбе за интернациональное сплочение рабочего класса. Автореф. докт. дис. Баку, 1974.

Кошик А. К. Рабочее движение на Украине в годы первой мировой войны и Февральской революции. Киев, 1965.

Лаврентьев В. Капитализм в Туркестане (Буржуазная колонизация Средней Азии) (Б. м.), 1930.

Куличенко М. И. Борьба Коммунистической партии за разрешение национального вопроса в 1918—1920 гг. Харьков, 1963.

Малабаев М. Партийная организация Киргизии в борьбе за развитие промышленности в реконструктивный период. Фрунзе, 1967.

Маланчук В. Е. Исторический опыт КПСС по решению национального вопроса и развитию национальных отношений в СССР. М., 1972.

Манжара Д. И. Революционное движение в Средней Азии. 1905—1920. Воспоминания. Ташкент, 1934.

Мельникова Т. С. Формирование промышленных кадров в Узбекистане. Ташкент, 1956.

Мешкаускене М. Экономическое положение Литвы накануне первой мировой войны (1900—1913). Автореф. канд. дис. Вильнюс, 1964.

«Народное хозяйство Белорусской ССР за 15 лет». Минск, 1957.

Никольский Ал. К вопросу о современном национальном возрождении литовцев и отношении их к русским и полякам. Смоленск, 1908.

Нетесин Ю. Н. К вопросу о численности и составе пролетариата Латвии перед первой мировой войной. М., 1959.

«Партия большевиков в годы первой мировой войны. Свержение монархии в России». Под ред. С. И. Мурашова. М., 1963.

«Первая мировая война 1914—1918». М., 1968.

Поздняков О. А. Местная печать большевистской партии в годы нового революционного подъема (1910—1914 гг.)». Автореф. канд. дис. Л., 1958.

Попов Н. Н. Октябрьская революция и национальный вопрос. М.—Л., 1927.

Пясковский А. В. Революция 1905—1907 гг. в Туркестане.

«Революция 1905—1907 годов в национальных районах России». Сб. статей. М., 1949.

Саладков И. И. Социально-экономическое положение Белоруссии до Великой Октябрьской социалистической революции (конец XIX — начало XX в.). Минск. 1957.

Сидельников С. М. Образование и деятельность первой Государственной думы. М., 1962.

Симонов Н. Я. Большевистская печать в Туркестане (1902—1907 гг.). Ташкент, 1940.

Скляров Л. Ф. Переселение и землеустройство в Сибири в годы столыпинской аграрной реформы. Л., 1962.

Томсинский С. Г. Борьба классов и партий во второй Государственной думе. М., 1924.

Турсунбаев А. Казахский аул в трех революциях. Алма-Ата, 1967.

Черменский Е. Д. Русская буржуазия и царизм в революции 1905—1907 гг. Л., 1938; *его же.* История СССР периода империализма. Л., 1967.

Швецов Л. И. Деятельность местных партийных организаций по интернациональному воспитанию рабочих России в 1912—1914 гг. — «Труды Каунасского политехнического института», т. X, тетрадь 4. Каунас, 1959.

Шитов Н. Ф. Развитие В. И. Лениным идеологии и политики пролетарского интернационализма. М., 1966.

Архивы

Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Ф. 17, 18, 24. ОИПД. Общие историко-партийные документы.

Ф. 70. Фонд старых большевиков. Воспоминания.

Ф. 85. Фонд Г. К. Орджоникидзе.

Ф. 80. Фонд С. М. Кирова.

Ф. 124. Фонд старых большевиков (автобиографии).

Центральный государственный архив Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР.

Ф. 1741. Коллекция нелегальных изданий.

Центральный государственный исторический архив СССР.

Ф. 1276. Канцелярия Совета министров.

Ф. 1565. Общество достижения полноправия еврейского народа в России.

(ДП ОО) Особый отдел департамента полиции.

Ф. 543. Фонд Царскосельского дворца.

Ф. 579. Фонд П. Н. Милюкова.

Ф. 587. Фонд Э. Ю. Нольде.

Ф. 601. Фонд Н. А. Романова.

Центральный государственный исторический архив Узбекской ССР.

Ф. 1. Фонд губернатора Туркестанского края.

Ф. 17. Туркестанское губернаторство. Отчеты с мест.

Законодательные акты царского правительства. Документы и материалы Государственной думы и непролетарских политических партий России

«Законодательные акты переходного времени. 1904—1908 гг.». СПб., 1909.

«Материалы к истории русской контрреволюции. Т. 1. Погромы по официальным документам». СПб., 1908.

«Программа партии социалистов-революционеров». Киев. 1905.

«Протоколы конференции российских национально-социалистических партий. 16—20 апреля 1907 г.». СПб., 1908.

«Революционный словарь для крестьян, солдат и рабочих». Екатеринбург. Изд. Комитета партии социалистов-революционеров, 1917.

«Программа Народно-социалистической (трудовой) партии». СПб., 1906.

«Программа Конституционно-демократической партии». Казань, 1905.

«Партия мирного обновления. Проект аграрной реформы группы прогрессистов и Программа партии, выработанная во время заседаний Государственной думы. 27 апреля — 8 июля 1906 г.». СПб., 1906.

«Партия свободомыслящих». СПб., 1906.

«Государственная дума. Стенографический отчет. Созыв 1. Сессия 1» ч 1—2 СПб., 1906; «Созыв 2, Сессия 2», ч. 1—2. СПб., 1907; «Созыв 3. Сессия 1», ч. 1—3. СПб., 1908; «Сессия 2», ч. 1—4. СПб., 1909; «Сессия 3», ч. 1—4. СПб., 1910; «Сессия 4», ч. 1—3. СПб., 1911; «Сессия 5» ч. 1—4. СПб., 1911—1912; «Созыв 4. Сессия 1», ч. 1—3. СПб., 1913; «Сессия 2, ч. 1—5». СПб., 1914; «Сессия 3—5». Пг., 1915—1917.

«Думский сборник 1. Государственная дума первого созыва (27 апреля — 8 июля 1906 г.)». СПб., 1906.

«Дума народного гнева». Сб. док. Сост. М. Гурлянд. СПб., 1907.

«Третья Государственная дума. Материалы для оценки ее деятельности». СПб., 1912.

Оглавление

Предисловие 3

Глава 1. **Постановка национального вопроса в программах политических партий России** 8

Социально-классовая сущность и особенности национального вопроса в России . . . . . —

Национальная программа большевиков — партии рабочей демократии 13

Национальные программы непролетарских партий 24

Глава 2. **Тактика политических партий по вопросу о гражданских правах народов России** 37

Политическое бесправие народов России и социально-классовая сущность национального представительства в Государственной думе . . . . . —

Большевики во главе революционного движения против национального гнета 55

Борьба демократических партий в Государственной думе против черносотенцев по вопросу о политическом равенстве народов России 82

Глава 3. **Проблемы социально-экономического развития народов России в программах и тактике политических партий** 112

Земельные нужды народов России и аграрные проекты непролетарских партий . . . . . —

Ленинская программа национализации земли и поддержка ее трудовым крестьянством национальных районов России 129

Национальные особенности рабочего вопроса и отношение к нему политических партий 141

Глава 4. **Политические партии и вопросы развития культуры народов России** 162

Русификаторская политика царизма в области культуры и тактика революционно-демократических партий . . . . . —

Разоблачение В. И. Лениным буржуазно-националистической сущности программы культурно-национальной автономии. Ленинский лозунг интернациональной культуры демократии и социализма . . . 178

Глава 5. **Ленинская национальная политика — важнейший фактор победы Октября** 187

Дальнейшее развитие В. И. Лениным программных положений партии большевиков по национальному вопросу в 1914—1917 гг. . . . . —

Национальный вопрос и революционное движение в России в период первой мировой войны 202
Большевики — организаторы союза национально-освободительного движения и социалистической революции 215
Заключение 229
Источники и литература 234
Библиография 251

Бурмистрова Т. Ю. и Гусакова В. С.

Б 91 Национальный вопрос в программах и тактике политических партий в России. 1905—1917 гг. М., «Мысль», 1976.

262 с.

Монография посвящена актуальной в исторической литературе теме — социально-классовой сущности и особенностям национального вопроса в дореволюционной России в начале XX в. Привлекая большой фактический материал, авторы анализируют основные положения национальной программы большевиков и постановку национального вопроса непролетарскими партиями (эсерами, трудовиками, октябристами, кадетами и др.).

В книге выявляются качественные и принципиальные отличия в подходе партии большевиков и других политических партий России к решению национального вопроса по таким его важнейшим аспектам, как политический, социально-экономический и культурный.

Б $\frac{10604\text{-}267}{004(01)\text{-}76}$ 66-77

9 (С) 17